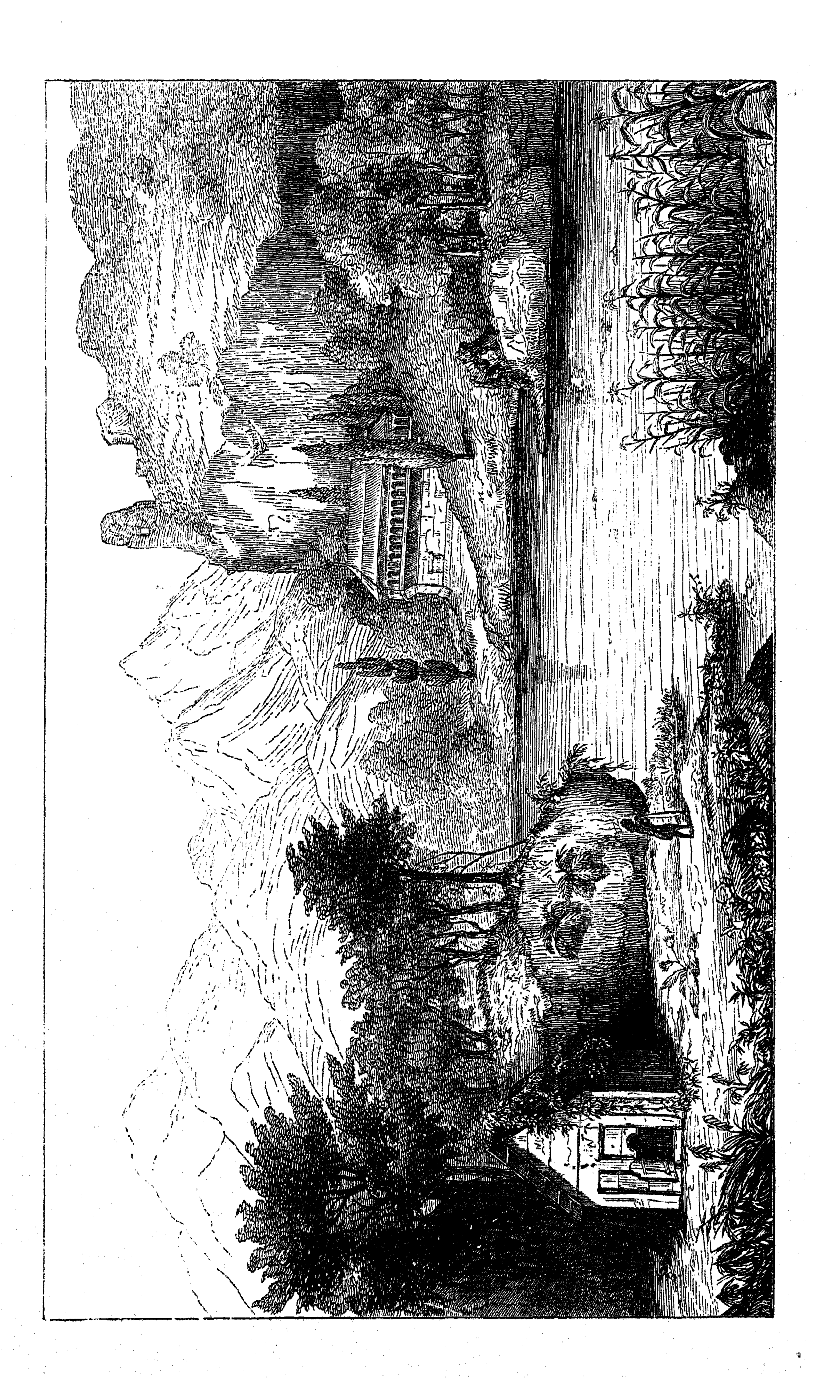
БОТАНИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

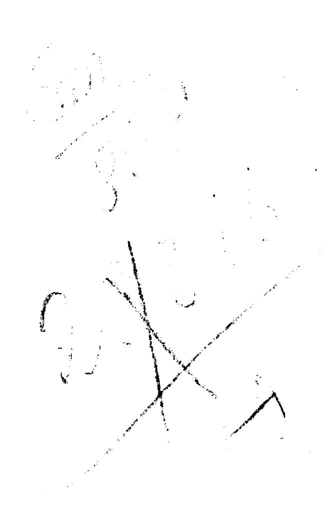

БОТАНИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

А. БЕКЕТОВА.

МОСКВА.
Въ Типографіи Каткова и К°
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 28-го мая 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

НИКОЛАЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ БЕКЕТОВУ

съ чувствомъ горячей сыновней любви и
глубокой благодарности

ПОСВЯЩАЕТЪ

сочинитель.

1858 г.
мая 9-го.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя страницы были уже напечатаны въ разное время въ Русскомъ Вѣстникѣ и въ Вѣстникѣ Географическаго Общества.

Такъ какъ у насъ до сихъ поръ весьма мало ботаническихъ популярныхъ сочиненій, то я думалъ, что и мои очерки, не смотря на всю ихъ недостаточность, могутъ принести пользу просвѣщеннымъ читателямъ, въ особенности если взять ихъ вмѣстѣ.

Въ этомъ видѣ они представляютъ отрывки изъ нѣсколькихъ частей науки, и такимъ образомъ знакомятъ публику съ ботаникою вообще. Первая статья даетъ понятіе о морфологіи или органологіи растеній, излагая вкратцѣ ученіе о превращеніяхъ, обновленіи и воспроизведеніи растеній. Третья взята изъ прикладной ботаники и содержитъ въ себѣ разборъ условій обработки винограда и очеркъ виноградниковъ Европы.

Вторая также какъ послѣдняя знакомитъ читателя съ географіею и физіономіею растеній.

А. Б.

ОБНОВЛЕНІЯ И ПРЕВРАЩЕНІЯ

ВЪ МІРѢ РАСТЕНІЙ

Задача писателя, принимающагося за изложеніе ученаго предмета для обширной публики, представляетъ множество затрудненій, особенно въ Россіи, гдѣ такъ еще мало общепонятныхъ сочиненій, гдѣ языкъ науки такъ еще мало обработанъ и вовсе не распространенъ.

Чего стоитъ одно заглавіе! Чего стоитъ даже рѣшимость говорить о такихъ вещахъ, которыя, по наслышкѣ, считаются скучными и не рѣдко безполезными!

Свѣтскій человѣкъ видитъ пользу только въ томъ, что непосредственно приложимо къ дѣлу. Для него, наука полезна лишь на столько, на сколько можетъ улучшить она его благосостояніе. Ему извѣстно, напримѣръ, что математика вычисляетъ формы, объемъ и размѣры зданій, что она, вычисляя полетъ ядра, опредѣляетъ вѣрность выстрѣла, и вотъ онъ сознаетъ пользу математики; ему извѣстно, что физика, уразумѣвъ явленія электричества, положила основаніе электро-магнитнымъ телеграфамъ, и уваженіе его къ физикѣ обезпечено. Но въ чемъ видно значеніе зоологіи или ботаники?... Въ открытіи искусственнаго разведенія рыбы? Но открытіе это сдѣлано рыбаками, а слѣдовательно не требовало зоологическихъ познаній. Въ правильности наименованія лѣкарственныхъ растеній? Но отъ этого не мало не зависитъ ихъ цѣлебное свойство...

Признаніе Руссо, что ботаника не разъ прогоняла его тоску, осталось не замѣченнымъ; даже величавая рѣчь Гумбольдта, гласящая, что тупое удивленіе и безотчетный восторгъ въ виду великихъ картинъ природы, въ виду пѣнистыхъ волнъ океана, шумящихъ лѣсовъ, зеленѣющихъ равнинъ, сливающихся съ небосклономъ, ни мало не сходствуютъ съ глубокимъ нравственнымъ наслажденіемъ того, кто вникалъ въ тайны природы и знаетъ цѣну всякаго листа на деревѣ, значеніе каждой пылинки въ цвѣткѣ, едва замѣтнаго насѣкомаго, которое вращается въ воздухѣ, будто золотистая точка...—и этотъ голосъ не привелъ еще свѣтское общество къ уваженію науки, какъ науки. Между тѣмъ, незамѣтно и постепенно, но тѣмъ съ бо́льшимъ могуществомъ, кладетъ наука печать свою на нравы людей, смягчая, просвѣщая и развивая духовную сторону ихъ.

Въ этомъ-то неотразимомъ вліяніи, совершающемся вѣками, участвуетъ не только математика и механика, дающія хлѣбъ милліономъ людей, но и каждая, еще неприложенная къ нуждамъ человѣчества, наука. Во имя ея-то осмѣливаемся и мы, читатель, обратиться къ вамъ съ рѣчью о растеніяхъ, составляющихъ предметъ нашихъ спеціяльныхъ занятій.

Скажемъ, однакоже напередъ, что не напрасно свѣтскій человѣкъ принялъ мѣриломъ значенія науки практическую пользу ея. Эта польза есть надежный признакъ совершенства науки. Кто хорошо владѣетъ своимъ искусствомъ, тому, безъ сомнѣнія, ничего не стоитъ приложить его къ дѣлу; новичокъ же, напротивъ, еще скрываетъ свое нетвердое познаніе, выжидая минуты, когда оно укрѣпится, чтобы тогда выступить съ нимъ среди людей. Такъ и наука: если она, хотя частію, достигла своихъ цѣлей, если она успѣла вполнѣ открыть хотя нѣкоторое изъ тѣхъ законовъ, которые составляютъ предметъ ея изысканій, то она невольно выступаетъ изъ кабинетовъ и библіотекъ на бѣлый свѣтъ, невольно вращается среди народныхъ массъ и вмѣшивается въ обыденную жизнь ихъ. Этой-то второстепенной пользы почти не достаетъ ботаникѣ; но, по этому самому, тѣ, которые посвятили себя служенію ей, обязаны скликать помощниковъ, набирать дѣятелей и участниковъ.

Другой, не менѣе вѣрный, признакъ совершенства науки заключается въ большей или меньшей точности методовъ, ею употребляемыхъ. Точнѣйшій изъ этихъ методовъ есть вычисленіе: гдѣ математика, тамъ и высокая степень совершенства; это признакъ безошибочности логическаго сужденія, ибо передъ цифрами или

алгебраическими знаками всякій невольно умолкаетъ. Ботаника и этимъ еще похвалиться не можетъ, и тутъ опять приходится усилить голосъ и кликнуть кличъ: да помогутъ общими силами подвинуть науку и поставить ее наравнѣ съ ея старшими сестрами.

Начну свою рѣчь съ превращеній или метаморфозъ въ растительномъ мірѣ.

I.

Читатель вѣроятно помнитъ древняго Протея съ его безконечными превращеніями. Растеніе во многихъ отношеніяхъ походитъ на него. Какъ это миѳологическое существо, оставаясь все тѣмъ же Протеемъ, принимало самыя разнообразныя формы, такъ и растеніе, въ разныхъ частяхъ своихъ, сохраняя все ту же сущность, является не только въ разныхъ формахъ, разныхъ цвѣтахъ и съ разными ароматами, но, если можно такъ выразиться, даже съ разными намѣреніями.

Можно себѣ представить, до какой степени важно для ботаника умѣнье узнавать этого Протея подъ его разнообразными личинами; можно себѣ представить, до чего это усложняетъ всякое другое изслѣдованіе.

Вы думаете, что предъ вами прекрасная женщина, молодая и веселая, живая и увлекательная,—а это только хитрецъ и обманщикъ Протей, принявшій женскій образъ, и скрывающій себя подъ привлекательною личиной. У васъ передъ глазами прекрасный цвѣтокъ: десятки радужныхъ лепестковъ его дышатъ ароматомъ и нѣгою; можно подумать, что это нѣчто особое, самостоятельное,—нѣтъ—это тѣ же листья, что̀ скромно зеленѣютъ на стеблѣ, это тѣ же почки, что̀ скрываются въ пазушкахъ простыхъ листьевъ, прижавшись къ стеблю. Вы думали встрѣтить гнома, мрачнаго и извивающагося въ тѣни, скрывающагося въ подземеліяхъ, а это опять Протей, этотъ умный, насмѣшливый и нерѣдко блестящій Протей. Вотъ корень, блѣдный и запачканный землею, съ торчащими взъерошенными мочками и волокнами,—а между тѣмъ въ сущности это стебель, подобный тому, что̀ стоитъ въ вышинѣ и легко покачивается по вѣтру, отливая свѣтлою зеленью, сквозя прозрачностію нѣжныхъ, напоенныхъ сокомъ тканей и блистая серебристыми волосками на солнцѣ.

Ограничимъ однако свои сравненія. Чтобы понять, въ чемъ именно состоятъ метаморфозы растеній, необходимо напередъ имѣть ясное понятіе объ общемъ составѣ и образѣ жизни ихъ. Въ примѣръ возьмемъ растеніе всѣмъ извѣстное, яблоню. Пусть это будетъ старое, но еще свѣжее дерево, которое ежегодно покрывается обильными цвѣтами и плодами. Попробуемъ осмотрѣть его съ нѣкоторою подробностію.

Все зданіе дерева держится на средней колоннѣ—его стволѣ, распадающемся кверху на вѣтви, вѣточки, прутья и прутики, изъ которыхъ только самые молодые, однолѣтніе, покрыты листьями. Каждая главная вѣтвь походитъ какъ нельзя болѣе на стволъ, каждая вѣточка на вѣтвь и т. д. Сначала и главный стволъ, по выходѣ своемъ изъ сѣмени, несъ на себѣ непосредственно листья, подобно однолѣтнему прутику, отъ котораго онъ тогда не отличался даже и величиною.

Отрѣжьте раннею весной свѣжій яблонный прутикъ, посадите его въ сырую землю, и онъ пуститъ отпрыски и покроется листьями и укоренится, а черезъ нѣсколько лѣтъ превратится въ стволъ, совершенно подобный тому, отъ котораго отняли его.

Соображая все это, невольно подумаешь, что каждую вѣточку старой яблони, стоящей предъ нами, можно считать отдѣльнымъ, самобытнымъ растеніемъ, а все дерево большою растительною колоніею, члены которой связаны между собою, какъ члены патріархальнаго семейства, опирающагося на стараго прадѣда,— древняго, но еще могучаго патріарха. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что вѣтви пользуются большою самобытностію, но этого мало, — сообразимъ еще слѣдующее обстоятельство. Есть способъ прививки, называемый прививкою глазками или почками: раннею весною, снимаютъ бережно съ прививаемаго дерева кусокъ коры, на которой есть почка; кору эту прикладываютъ къ обнаженному мѣсту на стволѣ другаго дерева дичка и крѣпко привязываютъ эту заплату. Чрезъ короткое время, она прирастаетъ къ своей новой подпорѣ, а почка или почки ея, надуваются и превращаются въ побѣги; здѣсь уже видна самобытность не только вѣтви, но и самой почки, дающей начало вѣтви. Всѣмъ извѣстны лиліи съ красными цвѣтами и черными почками въ углахъ листьевъ: почки эти сами собою отпадаютъ отъ роднаго стебля и, попавъ въ землю, прорастаютъ какъ сѣмена; подобно сѣменамъ можно даже сохранять и сѣять ихъ, когда придетъ время или надобность; да и самыя, такъ называемыя *дѣтки* луковичныхъ растеній: гіацинтовъ, нарцис-

совъ и пр. суть не что иное какъ почки, отдѣлившіяся отъ родныхъ растеній. Такихъ примѣровъ можно найдти множество, но не во всѣхъ растеніяхъ самобытность вѣтвей и почекъ проявляется съ одинаковою силой. Такъ въ соснахъ, еляхъ и хвойныхъ вообще, она едва замѣтна, тогда какъ въ деревьяхъ, составляющихъ чернолѣсье, она необыкновенно явственна: кому не приходилось видѣть, какъ сырые осиновые, ивовые или даже орѣховые колья, укоренившись и пустивъ побѣги, превращаются случайно въ деревья,—особенно послѣ продолжительныхъ дождей, кто не знаетъ, что куски свѣжаго ствола или вѣтви ветлы, ольхи, бузины, лже-акаціи (Caragana) и многихъ другихъ деревьевъ принимаются въ сырой землѣ безъ всякаго затрудненія? Все это, очевидно, показываетъ, что не только каждая вѣтвь, почка, но даже каждый кусокъ ствола или вѣтви, можетъ жить самъ по себѣ, можетъ, отторгнувшись отъ роднаго общества, образовать особую колонію.

Чтобы коротко и ясно выразить эти простыя, но замѣчательныя явленія, говорятъ, что почка и вѣтвь, изъ нея происходящая, есть *растительная особь*, нѣчто могущее обособиться.

До сихъ поръ еще ученые не согласились въ томъ, что̀ именно должно назваться растительною особью. Споры эти впрочемъ кажутся намъ вообще не основательными, и мы не можемъ не согласиться съ Шлейденомъ, что при опредѣленіи особи все зависитъ отъ условія, а именно: отъ того, какую степень самобытности принимать за признакъ особности.

Вся вселенная составляетъ одное цѣлое особое! Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно существуетъ только одна особь! Наша солнечная система, то-есть солнце съ вращающимися вкругъ него свѣтилами, есть также самобытное цѣлое, ибо пользуется высокою степенію самостоятельности: вотъ опять особь, и съ этой точки зрѣнія особей столько, сколько солнцъ въ безконечности. Земля наша можетъ также считаться особью, потому что проявленія ея самобытности неизчислимы, такимъ образомъ особей столько сколько міровъ во вселенной........ Стѣсняя, мало-по-малу, значеніе понятія объ особи, принимая во внима́ніе только то, что̀ составляетъ исключительный, особый характеръ каждаго предмета, мы дойдемъ до растеній. Все растительное царство предстанетъ намъ прежде особью въ средѣ естественныхъ произведеній земли; затѣмъ несомнѣнно цѣлое растеніе, дерево напримѣръ, составитъ для насъ особь *порядка высшаго*, нежели вѣтвь и почка, ибо связь между вѣтвями одного и того же де-

рева такъ велика, что всѣ онѣ вмѣстѣ могутъ считаться составляющими одно цѣлое. Но тѣмъ не менѣе можемъ мы принимать и почку, съ вѣтвью изъ нея происходящею, за растительную особь *низшаго порядка.*

Подобно этому историкъ можетъ считать особью человѣческаго рода то цѣлый народъ, то общину, то семейство, то одного человѣка, смотря по тому, занимается ли онъ историческимъ развитіемъ всего человѣчества, одного народа или наконецъ одной общины и одного семейства.

Теперь представимъ себѣ, что не всѣ члены народа, называемаго деревомъ, или растеніемъ вообще, заняты однимъ и тѣмъ же дѣломъ, какъ это и бываетъ въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ. Одни приняли на себя обязанность заботиться о его питаніи, другіе о размноженіи по лицу земному колоній той метрополіи, къ которой они принадлежатъ; одни заботятся, чтобы не погибло само общество, другіе, чтобы не погибъ видъ его на землѣ. Хотя и всѣ они дѣти одного и того же родоначальника, но кругъ дѣятельности ихъ такъ различенъ, что они сами во многомъ между собою разнятся. Если древесную колонію сравнить съ народомъ, имѣющимъ государственное устройство, то части, назначенныя для питанія дерева: корни, стебель съ вѣтвями и листьями, будутъ земледѣльцы-плебеи, а части, назначенныя для размноженія, цвѣты — законодатели и администраторы, сенатъ и всадники. Если сравнить дерево съ семействомъ, то корень и вѣтви суть какъ домочадцы, а цвѣты супруги производящіе, вскармливающіе, воспитывающіе и приготовляющіе дѣтей своихъ для основанія новыхъ семействъ, да не изсякнетъ родъ ихъ на долгія времена.

На сколько скромный земледѣлецъ, плебей, отличается отъ сенатора или блестящаго всадника, на сколько слуга разнится отъ господина своего, на столько стебель съ вѣтвями разнится отъ цвѣтка. Но все же и плебей и патрицій, домовладыки и домочадцы прежде всего люди,—сыны одного и того же народа, одного и того же семейства; неумолимо сближаютъ ихъ рожденіе и смерть. Посмотрите на дерево раннею весною: оно покрыто множествомъ почекъ, и всѣ онѣ необыкновенно сходны между собою; только самый опытный глазъ можетъ различить въ нихъ тѣ, которыя выростутъ вѣтвями и листьями отъ тѣхъ, которыя развернутся цвѣтами. Но вотъ стаяли снѣга, кончились морозы и пригрѣло землю, напитанную влагою; размякли древесныя

ткани, поднялись весенніе соки, и почки, надувшись, лопнули, развернулись и стали быстро вытягиваться.

Тутъ ужь плебей и патрицій ясно проявились: одни изъ побѣговъ длинны и покрыты широкими зелеными листьями, другіе несравненно короче, листья ихъ собраны красивыми пучками, несравненно меньше, сіяютъ бѣлизною, отливая розовою тѣнью, и издаютъ сладкій ароматъ; не имъ браться за тяжелый трудъ пропитанія; они назначаются на приготовленіе новыхъ колоній; цѣлью ихъ дѣятельности выработка сѣменъ, которыя пошлютъ они вдаль: пусть прорастаютъ и укореняются гдѣ-нибудь въ окрестности или на отдаленныхъ холмахъ и долинахъ, распространяя тѣмъ владычество роднаго дерева на землѣ.

Но если цвѣты исключительно назначены производить плоды и сѣмена, то вѣтви наоборотъ далеко не отличаются такою исключительностью. Мы уже видѣли, какъ легко превращается каждый прутикъ въ новое дерево, слѣдовательно части, взявшіяся за питаніе дерева, весьма легко могутъ замѣнить сѣмена и, какъ плебей, участвовать не безъ успѣха въ администраціи и образованіи независимыхъ общинъ.

Глубокомысленный А. Браунъ (1) не напрасно считаетъ однимъ изъ второстепенныхъ назначеній побѣговъ размноженіе.

Мы уже видѣли, что даже весьма малая часть ствола или вѣтви можетъ превращаться въ отдѣльное растеніе; есть однако предѣлъ этому дробленію, а именно: вѣтвь можетъ раздѣлиться на столько, на сколько на ней листьевъ и почекъ, сидящихъ въ углахъ этихъ листьевъ. А такъ какъ каждый кусокъ стебля, заключающійся между двухъ листьями, называется стеблевымъ колѣномъ, то правильно сказать, что вѣтвь или стебель вообще способны раздробляться на составляющія его колѣна. При благопріятныхъ случайностяхъ или при стараніи садовника, онъ можетъ дробиться и на большее число частей, но мы не должны пока принимать эти случайности въ разсчетъ.

---

(1) *Betrachtungen über die Erscheinungen der Verjüngung in der Natur,* etc. von Dr. A. Braun. Leipzig 1851. Въ этомъ прекрасномъ сочиненіи, обновленіе въ природѣ растеній обозрѣно съ большою полнотою. Связь между явленіями и слѣдованіе ихъ одного за другимъ, ихъ чередованіе, схвачены какъ нельзя вѣрнѣе, а потому можно указать на это сочиненіе тѣмъ изъ читателей, которые пожелаютъ вникнуть въ явленіе обновленій съ большею подробностью, нежели мы могли сдѣлать это въ нашей статьѣ.

Итакъ выходитъ, что не только дерево, но и самая почка съ вѣтвію, изъ нея происходящею, суть особи сложныя, потому что самая вѣтвь способна дробиться на особыя колѣна, которыя могутъ существовать отдѣльно и независимо. Слѣдовательно, каждая вѣтвь, каждый молодой побѣгъ есть какъ бы община или семейство, находящееся въ тѣсной связи съ другими семействами — вѣтвями одного и того же дерева.

Если я успѣлъ ясно передать читателю понятіе о сложности состава растенія и о степени самобытности каждой изъ составныхъ частей его, то онъ, вѣрно, вооруженный этими понятіями, послѣдуетъ за мною дальше, потому что исторія жизни каждой травки, каждой былинки приметъ тогда въ его глазахъ особый интересъ; разно-значащіе члены, входящіе въ составъ растенія, въ каждомъ растеніи ведутъ себя иначе; отъ этого-то различнаго ихъ поведенія зависитъ общій и характерный обликъ каждаго растенія. Такъ народы или общины рознятся между собою главнѣйше по свойству и образу жизни каждаго изъ своихъ членовъ.

Обратимся опять къ своей яблони.

Произошла она изъ мелкаго сѣмечка, тому назадъ лѣтъ двадцать пять. Что̀ жь такое это всѣмъ извѣстное яблонное сѣмечко? Подъ крѣпкою, гладкою кожурою заключаетъ оно зародышъ, то-есть начало цѣлаго дерева. Такъ какъ слабый прутикъ, который первоначально вышелъ изъ этого зародыша, совершенно сходенъ съ тѣми прутиками, которые теперь украшены цвѣтами или тяжелыми румяными плодами на старомъ деревѣ, то мы въ правѣ думать, что зародышъ долженъ очень походить на тѣ почки, изъ которыхъ вышли вѣтки, и дѣйствительно этотъ зародышь есть та же почка, но почка специяльнаго значенія: обыкновенная почка превращается только въ вѣтвь, почка-зародышъ—въ цѣлое дерево; обыкновенная почка въ рѣдкихъ случаяхъ, и по большей части только случайно или насильственно отдѣляется отъ роднаго дерева для воспроизведенія новой древесной колоніи, почка-зародышъ, или почка-сѣмя всегда и сама собою отдѣляется отъ дерева для проростанія.

Однакожь, тѣмъ не менѣе, въ обѣихъ почкахъ есть тѣ же самыя части: въ обыкновенной почкѣ наружныя чешуйки служатъ для предохраненія молодаго побѣга отъ мороза; въ почкѣ-сѣмени наружная кожура достигаетъ той же цѣли. Но и тутъ уже природа необыкновенно ясно выразила значеніе каждой. Между тѣмъ, какъ достаточно не весьма сильнаго ранняго мороза

или нѣсколько продолжительной засухи, чтобъ убить обыкновенную почку,—сѣмена терпятъ сильнѣйшіе морозы и жаръ, доведенный почти до кипенія воды!

Подъ чешуйками у почки есть коротенькій стебелекъ съ мельчайшими желтоватыми и зеленоватыми листочками, одѣтыми пушкомъ отъ холода; у сѣмени подъ кожицей также коротенькій стебелекъ и два толстые первые листочка, между которыми на стебелькѣ можно замѣтить маленькое возвышеніе—начало первой настоящей почки Простая почка, вытягиваясь, получаетъ свои питательные соки изъ роднаго дерева, зрѣлое прорастающее сѣмя изъ толстенькихъ листиковъ, замѣняющихъ ему, на время его укорененія, и мать и кормилицу.

Такимъ образомъ, намъ указанъ самый разительный случай метаморфоза въ растеніяхъ. Протей предсталъ предъ нами въ двухъ весьма различныхъ видахъ; наблюденіе и сравненіе дало намъ способъ признать его, какъ онъ ни увертливъ. Но само растеніе не такъ скоро переходитъ отъ почки къ сѣмени; совершается это въ немъ черезъ длинный рядъ другихъ превращеній, въ которыхъ и проходитъ вся его жизнь.

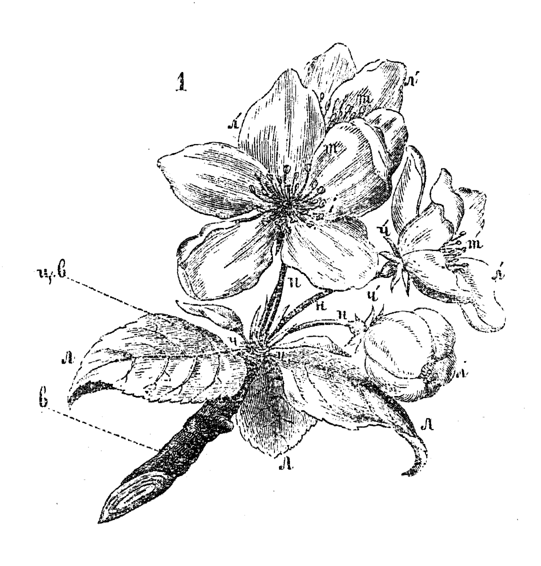
Вышелъ первый прутикъ изъ яблоннаго зародыша; давно высосаны имъ питательные соки изъ толстыхъ зародышевыхъ листочковъ или *сѣменодолей* (cotyledones); мелкое возвышеніе, бывшее между этими долями, стало теперь деревцомъ, на которомъ есть нѣсколько широкихъ зеленыхъ листьевъ, почка на верхушкѣ и въ углахъ листьевъ. Это деревцо уже есть семейство; если на немъ шесть листьевъ, какъ-то обыкновенно бываетъ въ первый годъ, то оно состоитъ изъ шести колѣнъ, изъ шести членовъ семейства и стольких же почекъ, началъ для шести семействъ будущаго года. Но ни въ первый, ни во второй годъ, ни даже въ третій, ни одно изъ семействъ не принимается за колонизацію, ни одна почка не превращается въ цвѣтокъ и плодъ съ сѣменами.

Не вдругъ, слѣдовательно, можетъ достигнуть дерево до способности производить цвѣты и сѣмена. Не вдругъ община становится способною посылать отъ себя колонистовъ для заселенія дальнихъ странъ. Доказательствомъ тому Англія и великій Римъ.

Но вотъ, на четвертый или пятый годъ многія почки, лопнувши и разкрывшись, выставили розовыя маковки изъ темныхъ покрововъ; быстро развернулись цвѣты, и хозяинъ съ любопытствомъ и радостію осматриваетъ ихъ, а пчелы хлопотливымъ жужжаніемъ вокругъ молодаго дерева поздравляютъ его съ новымъ прира-

щеніемъ, съ новыми семействами, изъ которыхъ должны выйдти граждане-завоеватели и переселенцы.

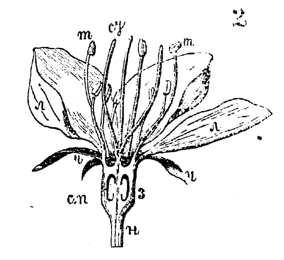
Осмотримъ однакоже хорошенько то, что произошло изъ цвѣточной почки (фиг. 1.) Это цѣлый пучокъ цвѣтовъ: коротенькій

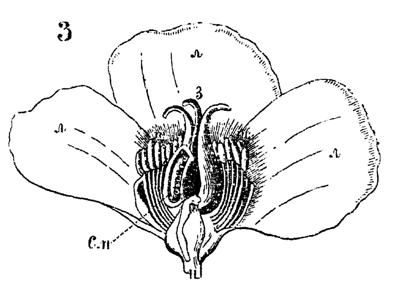
прутикъ распадается вверху на нѣсколько длинныхъ вѣточекъ, кончающихся цвѣтами. Прутикъ этотъ (ц в) сидитъ на старой вѣткѣ (в) и не длиннѣе двухъ линій; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ стеблевыхъ колѣнцевъ съ принадлежащими къ нимъ листьями (л). Какъ колѣнца ни коротки, а все-таки они укорачиваются постепенно съ приближеніемъ къ цвѣточному пучку,— между тѣмъ какъ листья ихъ, постепенно уменьшаясь, теряютъ наконецъ совершенно свои черешки (ч) и становятся необыкновенно сходными съ первыми пятью листиками цвѣтка, составляющими чашечку (ч′). За листочками чашечки слѣдуетъ еще пять блѣдно розовыхъ листиковъ (л′), называемыхъ лепестками, а средина цвѣтка занята тычинками (т) и столбиками, коихъ листовое происхожденіе не ясно съ перваго раза.

Цвѣточная почка произвела, слѣдовательно, разомъ четыре цвѣтка—четыре цвѣточныхъ семейства; каждый цвѣтокъ начинается длинною вѣточкою (н) — это первый членъ семейства, первое стеблевое колѣно цвѣтка. Обратите вниманіе на приложенный

разрѣзъ яблонаго цвѣтка (ф. 2), и вы увидите, какъ это колѣнце, называемое цвѣточною ножечкой, будучи раздуто на своей верхушкѣ, приняло форму урночки, образовавъ *завязь* (з), заключающую въ себѣ сѣменныя почки (с п). Урночка эта несетъ по краямъ листочки чашечки (ч), лепестки (л), тычинки (т), продолжаясь притомъ на techn срединѣ въ три столбика (ст).

Тутъ же (ф. 3) приложенъ разрѣзъ цвѣтка геллебора, въ которомъ ясно видно, что утолщенный конецъ цвѣточной ножечки состоитъ изъ многихъ широкихъ, но весьма короткихъ стеблевыхъ колѣнъ, несущихъ измѣненные листья: цвѣточный покровъ (л), тычинки и завязь, состоящую здѣсь изъ трехъ превращенныхъ листьевъ или плодниковъ, а не изъ самаго утолщенія ножечки съ углубленіемъ, какъ это у яблони (1).

Нѣсколько сухія подробности, коихъ мы коснулись, необходимы для настоящаго пониманія дѣла, ибо теперь только сравненіе обыкновенной вѣтви съ цвѣткомъ будетъ имѣть для насъ истинное значеніе.

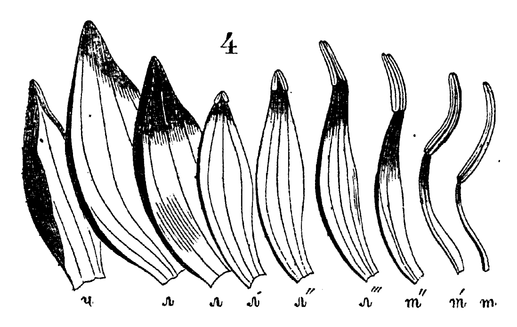
Какая же разница между простымъ побѣгомъ и цвѣткомъ? Въ простомъ побѣгѣ всѣ стеблевыя колѣна между собою сходны, въ цвѣточномъ напротивъ они измѣняются отъ основанія до верхушки; они тутъ какъ будто всѣ стремятся участвовать въ образованіи цвѣтка и, мало-по-малу, верхнія изъ нихъ наконецъ достигаютъ своей цѣли, превратившись въ чашечку и служа первымъ покровомъ для нѣжныхъ внутреннихъ частей цвѣтка, счастливыхъ собратьевъ своихъ, достигшихъ полнаго участія въ

(1) Въ фигурахъ 2 и 3 буквы имѣютъ одно и то же значеніе. Въ цвѣткѣ геллебора (Helleborus foetidus) цвѣточный покровъ состоитъ изъ пяти зеленоватыхъ листовъ (л), замѣняющихъ и чашечку и лепестки.

его дѣятельности, которая начинается актомъ оплодотворенія и кончается произведеніемъ плода съ сѣменами.

Во многихъ однолѣтнихъ и многолѣтнихъ травахъ стремленіе стеблевыхъ колѣнъ превратиться въ цвѣточныя замѣтно отъ самаго основанія стебля, что выражается постепеннымъ измѣненіемъ ихъ отъ основанія къ верхушкѣ, такъ что всѣ стеблевыя колѣна, особенно же ихъ листья, между собою различны. Они дѣйствительно съ самаго начала пробуютъ, нельзя ли освободиться имъ отъ черной работы, отъ обязанности прокармливать, питать все общество; нельзя ли какъ-нибудь примкнуть къ тому блестящему кружку, въ которомъ каждый занятъ только одними любовными дѣлами, и для котораго они, широкіе листья, принуждены такъ жадно глотать своими зелеными устами окружающій воздухъ, принуждены перерабатывать вмѣстѣ съ стеблемъ обильные соки, которые онъ безпрерывно шлетъ, принимая ихъ изъ корня. Одинъ только этотъ подземный житель не выказываетъ ни малѣйшаго желанія покинуть свое темное жилище: настойчиво и постоянно сосетъ онъ мать сыру землю, тысячью волокнами впивается онъ въ ея нѣдра и жаждетъ только работы и работы.

Мы видѣли, что цвѣточныя части, все болѣе и болѣе измѣняясь, являются въ такихъ видахъ, въ которыхъ трудно разоблачить ихъ настоящее происхожденіе. Наблюденіе, однакоже, и тутъ обрѣло исходный путь.

На приложенной фигурѣ 4-ой (1) изображены цвѣточныя части

(1) Ф. 4. ч.—листочекъ чашечки: зеленый снизу, бѣловато-зеленый со-внутри; л л—первые лепестки, наибольшій изъ нихъ хранитъ еще зеленый отливъ снизу; л′ л″ л‴ — лепестки, постепенно измѣняющіеся въ тычинки; т″ т′ т—тычинки, постепенно переходящія въ лепестки.

всѣмъ извѣстной бѣлой нимфы или кувшинки, коей широкіе листья и крупные цвѣты плаваютъ на поверхности нашихъ тихихъ рѣкъ и озеръ. Этого изображенія достаточно, чтобъ убѣдиться въ возможности превращенія листочковъ чашечки въ лепестки и лепестковъ въ тычинки.

Но есть средства болѣе вѣрныя для изобличенія, въ этихъ случаяхъ, обманчиваго Протея.

Хотя простыя вѣтви и показываютъ стремленіе превратиться въ цвѣты, но часто до того не удачно, что даже тѣ почки, отъ которыхъ, по ихъ положенію, можно было бы ожидать цвѣтовъ, приносятъ простыя вѣтви съ простыми листьями; это бываетъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда плодородная земля слишкомъ напоена влагою, особенно если мало свѣту.

Такъ въ темныхъ первобытныхъ лѣсахъ тропическихъ странъ, гдѣ сырость воздуха какъ бы осязаема, куда лучь солнца проникаетъ только отразившись тысячу и тысячу разъ и разливается матовымъ свѣтомъ между вѣковыми стволами, деревья и кустарники цвѣтутъ лишь одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ; такъ въ дождливые годы плодовыя деревья, приносившія всегда обильные цвѣты и плоды, иногда вовсе не цвѣтутъ; опыты надъ нѣкоторыми колосовыми хлѣбами показали даже, что сильная поливка лишаетъ ихъ способности образовать колосъ; они идутъ только въ листъ.

При этихъ-то условіяхъ, если появляются на иномъ деревѣ рѣдкіе цвѣты, то цвѣты эти часто не совершенны, то-есть листья и стеблевыя колѣнца не успѣваютъ совершенно принять своеобразный видъ цвѣтовыхъ частей, и тогда листовое или стеблевое свойство ихъ необыкновенно ясно. Тогда, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ розанахъ, листочки чашечки не только весьма велики и между собою несростны, но даже прикрѣплены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, показывая свои стеблевыя колѣнца и совершенно походя на простые сложные листья; лепестки тогда вмѣсто розовыхъ бываютъ зеленые, по крайней мѣрѣ частію; тычинки напротивъ вмѣсто того, чтобы оставаться слабыми ниточками съ золотыми головками, принимаютъ видъ розовыхъ лепестковъ, храня на верхушкѣ только слѣды желтенькой головки и то не всегда; наконецъ всѣ эти части, находясь другъ отъ друга на нѣкоторомъ разстояніи, какъ листья на простомъ побѣгѣ, не рѣдко переходятъ въ настоящіе листья, а вѣточка, ихъ несущая, въ простой побѣгъ...

Наблюденіе подобныхъ цвѣтовъ совершенно достаточно для доказательства, что всѣ цвѣточныя части суть или листья, или

стеблевыя колѣнца, или и то и другое вмѣстѣ (почки). Этотъ-то способъ наблюденія особенно часто употреблялъ знаменитый Альфонсъ Пирамъ Декандоль, придавшій научное значеніе ученію о метаморфозѣ въ ботаникѣ; но если способъ этотъ достаточенъ для доказательства метаморфозы въ растеніяхъ, то онъ далеко не достаточенъ для того, чтобъ опредѣлять какая именно часть цвѣтка соотвѣтствуетъ той или другой части простаго побѣга: листу или вѣтви. Многочисленныя ошибки, въ которыя впалъ по этому поводу самъ Декандоль и его школа, лучшее тому доказательство.

Есть другой способъ несравненно вѣрнѣйшій, – это изученіе исторіи развитія растеній.

Если двѣ части въ началѣ своего развитія совершенно сходны и развиваются на одинъ ладъ, то онѣ несомнѣнно одинаковы въ своихъ главныхъ чертахъ; въ противномъ случаѣ и различіе ихъ всего яснѣе проявляется чрезъ наблюденіе ихъ развитія.

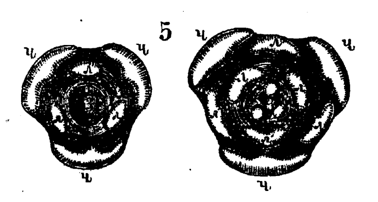
Намъ нѣтъ собственно нужды распространяться въ настоящемъ случаѣ о способахъ уловленія метаморфозы, ибо наша цѣль только указать на эти способы и на результаты ихъ приложенія.

Въ послѣдствіи можетъ-быть придется намъ поговорить подробнѣе объ исторіи развитія растеній, составляющей въ наше время цѣлую отрасль науки (1).

Итакъ мы полагаемъ, что читатель, видя передъ глазами способы доказательства и даже нѣкоторые изъ нихъ въ примѣрахъ,

---

(1) Предлагаемъ здѣсь въ видѣ примѣра краткую исторію развитія цвѣтка растенія изъ рода *канны* (Canna exigua) по Шлейдену (ф. 5: ч — будущіе листочки чашечки, л и л′—лепестки, т—тычинки, с—столбикъ, з—углубленіе завязи).

Вполнѣ развитый цвѣтокъ этого растенія состоитъ изъ слѣдующихъ частей, начиная снизу.

На верхушкѣ цвѣточнаго стебля (ножечкѣ) сидитъ кругловатая завязь, вся усѣянная мягковатыми выростками. Она увѣнчана тремя короткими листками, составляющими чашечку. За тѣмъ слѣдуютъ три ярко окрашенные лепестка. Въ срединѣ цвѣтка длинная нить съ головкой, заключа-

безъ труда приметъ, что цвѣточныя части суть тѣ же листья, тѣ же стеблевыя колѣна или почки, которыя видитъ онъ въ простомъ побѣгѣ, и которыя въ цвѣткѣ измѣнились лишь въ той мѣрѣ, какая требовалась для выполненія специяльныхъ цѣлей, на которыя его части назначены. Итакъ понятіе о растительныхъ превращеніяхъ для насъ установлено.

Но мы уже сказали, что самый ходъ метаморфозы въ разныхъ растеніяхъ чрезвычайно различенъ, что это-то различіе въ ходѣ превращеній опредѣляетъ и главное различіе самыхъ растеній; оттого исторія каждаго растенія получаетъ свой особый характеръ и неотразимый интересъ, точно такъ же какъ и въ исторіи народовъ важнѣе и любопытнѣе всего порядокъ слѣдованія событій одного за другимъ; ибо каждое человѣческое общество приходитъ подъ конецъ къ сходнымъ результатамъ, но пути, которыми достигаетъ оно этихъ результатовъ, чрезвычайно разнообразны.

Если сообразимъ все, что̀ мы говорили до сихъ поръ о яблони, то исторія этого дерева выразится вкратцѣ слѣдующимъ образомъ.

Въ первый періодъ жизни, то-есть въ первый годъ, образуется изъ сѣмени первое семейство, состоящее изъ нѣсколькихъ оди-

---

ющею въ себѣ пыль,—это единственная тычинка канны. Наконецъ около тычинки есть другая нить, вѣнчающая завязь,—столбикъ; сквозь него-то цвѣточныя пылинки или цвѣтень посылаютъ свои длинныя оплодотворяющія трубочки во внутренность завязи къ яичкамъ, — будущимъ сѣменамъ. Въ самомъ началѣ цвѣтокъ имѣетъ видъ мельчайшаго возвышенія на верхушкѣ стебля. Точно въ такомъ же видѣ появляется сначала и простая (не цвѣточная) почка. Вскорѣ при окружности названнаго возвышенія появляются три холмика, начало трехъ листочковъ чашечки; потомъ ближе къ срединѣ являются еще три холмика,—будущіе лепестки; въ это время, въ срединѣ самой почки, то-есть конца стебля, показывается углубленіе, начало пустоты завязи, такъ что и тогда уже видно, что̀ въ цвѣткѣ надо считать листовыми частями, что стеблевыми. Появляются еще три холмика, — это второй рядъ лепестковъ. Наконецъ, на краю углубленія образуются послѣднія три возвышенія: одно даетъ начало тычинкѣ, другое столбику, а третье вовсе не развивается. Всѣ двѣнадцать холмиковъ, о которыхъ мы говорили, развиваются совершенно на подобіе простыхъ листьевъ, возрастая, какъ тѣ, основаніемъ,—слѣдовательно всѣ эти двѣнадцать частей въ цвѣткѣ канны суть дѣйствительно листья. Завязь же, происшедшая чрезъ постепенное углубленіе конца стебля, есть очевидно часть стеблевая. Для произведенія подобнаго рода наблюденій, разсматриваютъ подъ микроскопомъ цѣлый рядъ цвѣточныхъ почекъ: отъ самой молодой до цвѣтка вполнѣ распустившагося. Мы выбрали для нашей фигуры двѣ такія почки, изображенныя здѣсь по рисункамъ Шлейдена (*Grundzüge* etc.).

наковыхъ членовъ, заботящихся исключительно о своемъ общемъ питаніи: нѣсколько простыхъ одинаковыхъ стеблевыхъ колѣнъ съ листьями къ нимъ принадлежащими.

Во второй и третій періоды жизни (2 и 3 годы) семейство увеличивается, но остается при тѣхъ же занятіяхъ, при тѣхъ же цѣляхъ. Можно сказать, что оно превратилось въ общину, которая крѣпнетъ, усиливая свои внутреннія силы.

На четвертый годъ появляются между прочимъ семейства высшаго полета, старшіе члены которыхъ, то-есть низшія стеблевыя колѣна съ принадлежащими имъ листьями, хранятъ еще свойства обыкновенной вѣтви и обыкновеннаго листа, но уже меньше ихъ размѣрами; всѣ же остальные измѣнились совершенно и приняли на себя разныя обязанности: одни охранители (цвѣточный покровъ), другіе мужья, третьи жены. Вмѣстѣ съ этимъ они составили между собою болѣе тѣсную связь; однимъ словомъ, это цвѣты. Первые цвѣты впрочемъ еще такъ несовершенны, что рѣдко приносятъ плоды. Но на пятый годъ, когда ихъ образуется большое количество, многіе изъ нихъ уже проявляютъ важное значеніе свое. Почки, которыя не нашли себѣ мѣста въ углахъ цвѣточныхъ листьевъ, образовались въ завязи; и послѣ акта оплодотворенія, совершающагося во время полнаго блеска цвѣтка, начинаютъ превращаться въ сѣмена. Тогда весь цвѣтокъ, все семейство устремляетъ дѣятельность свою на воспитаніе сѣменъ, этихъ будущихъ основателей новыхъ обществъ. Завязь или чашевидная верхушка (ф. 2. з) цвѣточной вѣтви наполняется обыкновенно соками, тѣсня въ своемъ развитіи тѣхъ изъ членовъ своихъ, которые уже свое отслужили, то-есть покровы цвѣтка и тычинки, отпадающіе или высыхающіе. Маленькая, съ трудомъ различаемая завязь превращается въ крупный тяжелый плодъ, содержащій въ себѣ нѣсколько сѣменъ среди полной обильнаго сока мякоти, а отъ чашечки остается на верхушкѣ плода только пять маленькихъ зубчиковъ, сухихъ и хрупкихъ, тогда какъ тычинки и стебельки исчезаютъ вовсе.

Цвѣты у яблони, какъ мы сказали и какъ всякому извѣстно, составляютъ пучки; но рѣдко каждый изъ нихъ превращается въ плодъ; это случается только у лѣсной, — у нашихъ же садовыхъ яблоней изъ всего пучка образуется только по одному или по два плода.

Созрѣвъ, яблоко падаетъ съ подгнившаго стебелька своего, откатывается отъ дерева, уносится птицею или звѣремъ, или же самимъ человѣкомъ, и тогда сѣмя, рано или поздно, попавши въ

землю, превращается въ новыя деревья, приносящія тотъ самый плодъ, который имѣетъ произведшее ихъ дерево, и опять начинается тотъ же рядъ превращеній.

Въ сѣмени старое дерево обновилось, также какъ ежегодно старый стволъ, старая вѣтвь обновляется въ молодыхъ побѣгахъ; каждый изъ этихъ побѣговъ опять состоитъ изъ колѣнъ, слѣдующихъ одно за другимъ и другъ друга обновляющихъ. Жизнь растенія есть, какъ и жизнь всей природы, безпрерывное замѣненіе стараго, дряхлѣющаго, отживающаго, новымъ, молодымъ, возраждающимся! Въ этомъ-то обширномъ смыслѣ Ал. Браунъ понимаетъ обновленіе въ царствѣ растеній и природѣ, въ этомъ-то смыслѣ будемъ и мы понимать его.

Обновленіе это сопровождается и проявляется безпрерывнымъ рядомъ превращеній или метаморфозъ, имѣющихъ цѣлью произведеніе цвѣточныхъ поколѣній и плода, которые сами имѣютъ цѣлью образованіе сѣмени, какъ то видѣли мы въ яблони По достиженіи этой цѣли поколѣніе умираетъ, передавъ всю силу свою отдѣлившейся сѣменной почкѣ.

Такая гибель побѣговъ послѣ отцвѣтенія и оплодотворенія неизбѣжна для всѣхъ растеній; по этому развѣтвленіе сохраняетъ дерево отъ всеобщаго разрушенія, ибо гибнутъ только побѣги цвѣточные, семейства, производящія сѣмена, тогда какъ простые возрастаютъ неопредѣленно одно изъ другаго и одно на другомъ. Не будь развѣтвленія, и все растеніе гибло бы по отцвѣтеніи невозвратно.

На островѣ Цейлонѣ, на каменистыхъ мѣстахъ, растетъ красивая пальма съ кольчатымъ стволомъ, на верхушкѣ котораго качается могучій пукъ гигантскихъ листовъ. Каждый листъ имѣетъ саженный черешокъ, кончающійся жесткимъ блестящимъ и ярко-зеленымъ опахаломъ въ шесть футъ длины и сажень ширины, подъ тѣнію каждаго изъ такихъ листьевъ могутъ укрыться отъ солнца семь или восемь человѣкъ. Пальма эта называется таллипотовымъ деревомъ (Corypha umbraculifera, L.); она живетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, принося безпрерывно листья, выростая непрерывно на нѣкоторую вышину, но не цвѣтя; у ней, какъ и у всѣхъ почти пальмъ, есть только одна верхушечная почка, такъ что развѣтвляться она не можетъ. Наконецъ, чрезъ многіе годы, вся эта почка превращается въ цвѣточную. Одѣтая широкимъ покровнымъ листомъ, уже мало походящимъ на обыкновенный, съ шумомъ лопается эта почка, и изъ нея освобождается, развертывается и разрастается вѣтвь съ безчисленными цвѣтами. Лишь

только цвѣты превратятся въ плоды, а плоды эти созрѣвши отпадутъ для обсѣмененія, какъ все великолѣпное дерево отъ верхушки ствола до верхушки корня вянетъ и умираетъ; дѣло его на землѣ окончено, оно дало начало несчетнымъ новымъ деревьямъ. Такой судьбѣ подвергается не одна таллипотовая пальма, но и многія другія: знаменитое саговое дерево (Sagu Rumphii), Cariota urens и пр.

Что касается до хода обновленій и превращеній, то исторія здѣсь проще нежели въ яблони: не задерживаемыя зимою, древесныя поколѣнія безпрестанно слѣдуютъ другъ за другомъ, цѣлыя двадцать или тридцать лѣтъ; выростая изъ одной почки, они появляются не вдругъ, а по одному, старое служитъ основою молодому, и всѣ между собою сходны до тѣхъ поръ, пока одно изъ нихъ не превратится въ несчетныя воспроизводительныя поколѣнія — въ цвѣты, заканчивающіе растеніе и жизнь его.

Теперь, когда мы видимъ, въ чемъ состоятъ превращенія и обновленія растеній, какое нескончаемое поле открывается для нашей любознательности, сколько наслажденія можемъ мы черпать, слѣдя за жизнію каждой скромной травки, стараясь уловить ея исторію, ходъ ея обновленій! Вспомните, напримѣръ, ландышъ. Какъ часто встрѣчаются въ лѣсу широкіе два листа этого милаго растенія вовсе безъ цвѣтовъ въ то время, когда ландыши вообще цвѣтутъ: отъ чего же зависитъ, что они цвѣтутъ не всѣ? Ландышъ есть растеніе многолѣтнее. На первый годъ оно приноситъ только побѣгъ питательныхъ колѣнъ, и только; на второй, кромѣ питательныхъ,—воспроизводительныя. Въ тѣхъ же лѣсахъ, гдѣ растутъ ландыши, растетъ еще другое, всѣмъ извѣстное растеніе: *буковица* или *баранчикъ* (Primula veris). Изъ красиваго пучка листьевъ, выходящихъ прямо изъ земли, подымается стройная стрѣлка безъ листьевъ, несущая на верхушкѣ пучокъ желтыхъ цвѣтовъ съ свѣтло-зелеными, широкими чашечками; формы цвѣтовъ необыкновенно граціозны и изящны. Но не всякій пучокъ простыхъ листьевъ снабженъ стрѣлкою съ цвѣтами. Чтобъ уяснить себѣ ходъ обновленія буковицы, надо вырыть ее съ корнями: что же представится вамъ? довольно длинный блѣдноватый подземный стволъ, съ многочисленными корневыми мочками, тотъ самый гномъ, о которомъ говорилъ я въ началѣ. Стволъ этотъ очень походитъ на корень, но разсмотрите его хорошенько, и вы увидите, что онъ покрытъ правильно-расположенными шишечками, служившими когда-то основаніемъ высох-

шимъ листьямъ: вѣрный признакъ, что передъ вами стебель, а не корень, ибо дознано, что корень никогда не производитъ листьевъ.

Ползя подъ землею, стебель этотъ принялъ только видъ корня; остатки листьевъ означаютъ границы его колѣнъ; на одномъ изъ концовъ своихъ, подземный стебель надуваетъ весною большую почку и выноситъ ее вверхъ; попавъ наружу, почуявъ движеніе вольнаго воздуха и свѣта, она стала вытягиваться, вовсе не по примѣру своего подземнаго родоначальника, который между тѣмъ продолжаетъ рыться въ темнотѣ. Колѣнца почки весьма коротки и сочны; первые листья, полусокрытые въ землѣ, блѣдны и узки; но чѣмъ выше, тѣмъ они больше и шире, зеленѣе и красивѣе, хотя еще не въ состояніи превратиться въ цвѣтовые. Они умираютъ, отсыхая къ зимѣ, а на будущій годъ выходитъ новый пучокъ листьевъ, изъ угловъ которыхъ выростаетъ одна или нѣсколько стрѣлокъ съ цвѣтами, между тѣмъ какъ подземный стебель все продолжаетъ рыться въ темнотѣ, высылая каждою весною новыя почки на божій свѣтъ; онъ даже отсыхаетъ на заднемъ концѣ, превращаясь въ ту землю, среди которой онъ извивается, но тѣмъ не менѣе онъ все растетъ и растетъ.

Не разителенъ ли этотъ примѣръ обновленія? Не ясно ли, что буковица можетъ для обновленія своего обходиться даже безъ цвѣтовъ и сѣменъ? Пусть только западетъ одно изъ этихъ сѣменъ въ землю, слишкомъ напоенную влагой и осѣненную слишкомъ густымъ навѣсомъ древесныхъ вѣтвей, и цвѣты можетъ-быть не разовьются никогда, а между тѣмъ новыя почки, выходящія ежегодно наружу, постоянно обновляютъ отживающій задній конецъ подземнаго стебля. Здѣсь можно сказать съ величайшею справедливостью, что смерть служитъ подножіемъ жизни: жизнь угасающая переходитъ, обновляясь, въ жизнь новую, могучую и прекрасную.

Есть впрочемъ растенія, которыя безъ помощи цвѣтовъ и сами собою могутъ обновляться не только въ своемъ родномъ кругу, какъ буковица, но даже образовать новыя колоніи. Таковы напримѣръ луковичныя, производящія такъ-называемыхъ *дѣтокъ*. Нѣкоторыя ивы размножаются даже простыми побѣгами въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ сѣвера, гдѣ короткое лѣто не въ состояніи вызвать у нихъ цвѣтенія. Травянистая ива, напримѣръ, на берегахъ Ледовитаго моря вовсе не цвѣтетъ: гибкій и слабый стволъ ея стелется по тундрѣ, засыпаемый землею и снѣгомъ, который хранитъ ее отъ сильныхъ морозовъ. Весною онъ

пускаетъ изъ-подъ земли побѣги, которые являются какъ-будто отдѣльныя растенія и дѣйствительно иногда отдѣляются отъ роднаго ствола чрезъ отгниваніе, достигая этимъ той же цѣли, которая достигается чрезъ сѣмена.

Но мы уже сказали, что главное различіе растеній таится въ ходѣ ихъ обновленія, различіе часто едва замѣтное, но существенное. Поэтому мы бы никогда не кончили, еслибы вздумали приводить примѣры различныхъ обновленій въ растительномъ мірѣ.

Естественно, однако, является вопросъ: какія явленія причиною, что сѣменная почка пользуется несравненно большею самобытностью нежели простая? Очевидно, цвѣточныя части опредѣляютъ своею дѣятельностью большую самобытность сѣмени, — но въ чемъ же именно состоитъ эта дѣятельность цвѣточныхъ частей?

Попробуемъ отвѣчать на этотъ вопросъ.

II.

Во время египетской войны 1800 года, финиковыя пальмы Нильской долины остались безплодными. Такое таинственное соотношеніе между плодородіемъ финиковъ въ мирное время и безплодіемъ ихъ въ тяжкое время войны, могло бы показаться чудомъ, еслибы не знали его естественной причины.

Дѣло въ томъ, что финиковая пальма приноситъ безошибочно плоды только при искусственномъ оплодотвореніи, которое производится повсюду, гдѣ пальмы эти разводятся въ изобиліи.

Вотъ какъ докторъ Штоксъ, бывшій свидѣтелемъ искусственнаго оплодотворенія финиковъ, разказываетъ это любопытное обстоятельство (1):

«Одинъ изъ садовниковъ взлѣзъ при мнѣ на дерево и срѣзалъ еще не развернувшійся и плотно одѣтый своимъ покровнымъ листомъ цвѣточный вѣнчикъ. Вскрывши покровный листъ, садовникъ спустился, держа въ рукѣ еще молодой пучокъ бѣлыхъ цвѣтовъ, плотно между собою сжатыхъ и походившихъ на головку цвѣтной капусты.

---

(1) См. *Die Palmen. Populäre Naturgeschichte derselben und ihrer Verwandten.* Von D. Seemann. Leipzig 1857. p. 196.

«Я спросилъ его, для чего онъ срѣзываетъ цвѣты, которые могли бы дать плодъ?

«— Нѣтъ, саибъ, отвѣчалъ онъ,—изъ этого никогда финиковъ не выйдетъ, это самецъ.

«— Что за самецъ, а гдѣ же самка?

«— Тамъ, саибъ, а это, повѣрьте, самецъ.

«Въ длинномъ разсужденіи старался онъ мнѣ доказать, что одно дерево бываетъ самкою, а другое самцомъ, и что эта мука, *ата* (тутъ онъ потрясалъ цвѣтами, изъ которыхъ летѣло легкое облачко) есть *цвѣточная пыль*. Затѣмъ, разрѣзавъ свой цвѣточный вѣничекъ на нѣсколько кусковъ, онъ полѣзъ на другую пальму. Топоромъ обрубилъ онъ старые изсохшіе листья, обчистилъ все подъ молодыми граціозно склоненными листьями, разукрасившимися какъ передъ свадьбой, и началъ сильно потряхивать своимъ цвѣточнымъ пучкомъ надъ женскими цвѣтами; наконецъ, нѣсколько раскрывъ широкій покровный листъ женскаго цвѣточнаго пучка, онъ запряталъ туда кусочки мужскаго пучка и слѣзъ.»

Теперь, если скажемъ, что въ Египтѣ, также какъ во многихъ мѣстахъ сѣверной Африки, разводятъ только женскія финиковыя пальмы, а для искусственнаго оплодотворенія достаютъ мужскіе цвѣты изъ степи, то будетъ понятно, какимъ образомъ война противится плодородію финиковъ.

Еще древніе знали о существованіи половъ въ растеніяхъ, но понятіе это окончательно вошло въ науку только со временъ Бернарда Жюсьё и Линнея, основавшаго свою систему растительнаго царства на половыхъ органахъ.

Тычинка, по словамъ Линнея, *мужъ*, а завязь—*жена*. Цвѣты, въ которыхъ есть мужья и жены, въ которыхъ супруги соединены, Линней назвалъ *одноложевыми*, тѣ же, въ которыхъ завязи и тычинки отдѣлены, въ которыхъ мужья и жены врозь, назвалъ онъ *двуложевыми*.

Между растеніями съ двуложевыми цвѣтами есть такія, какъ финиковая и другія пальмы, какъ наши ивы, у которыхъ мужья и жены даже распредѣлены по разнымъ деревьямъ: это двудомныя. У другихъ, какъ у клена, мужья и жены, хотя и распредѣлены по разнымъ ложамъ, но самыя ложа на одномъ и томъ же деревѣ: это *однодомныя*.

Мы видѣли, какимъ длиннымъ рядомъ превращеній листъ получаетъ форму и значеніе тычинки, видѣли также происхожденіе завязи изъ листа, или изъ конца стебля, наконецъ самое сѣмя

представлялось намъ почкою, имѣющею высшую степень самобытности.

Если раскрыть молодую завязь цвѣтка, когда онъ едва только распустился, то внутри окажется одна или множество (смотря по растенію) мельчайшихъ крупинокъ; эти-то крупинки превратятся въ послѣдствіи въ сѣмена, онѣ называются *сѣменными почками*. Но превращеніе сѣменныхъ почекъ въ сѣмена совершается только подъ вліяніемъ той пыли, которая заключена въ верхней части *тычинки*. Пыль эта или какъ ее теперь называютъ, *цвѣтень*, должна пасть на завязь; въ этомъ состоитъ оплодотвореніе растеній, какъ учили Ле-Вальянъ, Жюсьё и Линней; но въ чемъ именно состоитъ вліяніе цвѣтня на сѣменную почку?

Если разсматривать цвѣтень разныхъ растеній въ микроскопъ, то онъ представится крупинками весьма разныхъ формъ: то это правильные узорчатые шарики (тыква), то совершенно гладкіе шарики (конопля), то удлинненные овалы (желтофіоль) и пр. Помочите цвѣтень водою и оставьте его подъ микроскопомъ. Черезъ нѣкоторое время, весьма различное для разныхъ растеній, наружная плева цвѣтневыхъ крупинъ лопается на опредѣленныхъ мѣстахъ, и изъ нихъ вытягивается мало-по-малу нѣжная, прозрачная трубочка. Этотъ фактъ открылъ Амичи въ 1823 году. Тотъ же ученый, а равно Робертъ Браунъ и Александръ Броньяръ, увидѣли, что цвѣтневая трубочка вытягивается точно такъ же на завязи, какъ на стеклышкѣ смоченномъ водою. Оказалось, что цвѣтень, упавъ на оконечность завязи (рыльце), посылаетъ черезъ отверстіе, тутъ находящееся, свои трубочки въ самую внутренность завязи и до сѣменныхъ почекъ. Робертъ Браунъ прослѣдилъ даже цвѣтневую трубочку до самаго отверстія сѣменной почки. Такимъ образомъ наглядно доказано, что цвѣтень имѣетъ вліяніе на сѣменную почку; но все еще предстояло рѣшить, въ чемъ состоитъ это вліяніе?

Тутъ выступаетъ знаменитый іенскій профессоръ, Іоганнъ Матіасъ Шлейденъ.

Одаренный великими способностями, приготовленный къ научной дѣятельности основательнымъ философскимъ образованіемъ и разнообразными занятіями, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ возвысилъ онъ впервые свой энергическій голосъ. Въ молодости Шлейденъ былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Гейне, и нельзя не замѣтить иногда сатиру, изрѣдка прорывающуюся въ твореніяхъ ученаго ботаника.

Шлейденъ прослѣдилъ во многихъ растеніяхъ цвѣтневую тру-

бочку не только до отверстія сѣменной почки, но видѣлъ даже вхожденіе этой трубочки во внутренность ея. Излагая этотъ фактъ, онъ выразилъ ту новую мысль, что *зародышъ* образуется не изъ вещества сѣменной почки, что въ него превращается самый конецъ цвѣтневой трубочки (1837 г.). Такимъ образомъ мужья Линнея превращались въ женъ, и наоборотъ.

Новое ученіе Шлейдена объ оплодотвореніи было сигналомъ къ всеобщему бою, окончившемуся только въ 1856 году.

Каждая сторона опиралась на многочисленныя наблюденія, но Шлейденъ выставлялъ въ свою пользу еще сильнѣйшее доказательство: *аналогію.* Изъ слѣдующаго объясненія читатель легко пойметъ въ чемъ дѣло.

Существуетъ огромное количество растеній, которыя Линней назвалъ тайнобрачными. Это водоросли, грибы, лишайники, мхи, папоротники и пр. Они лишены настоящихъ цвѣтовъ и размножаются особыми *мельчайшими крупинами,* которыя называются *спорами. Споры,* по всему строенію, совершенно сходны съ цвѣтнемъ растеній, снабженныхъ цвѣтами; они даже образуются и развиваются совершенно подобно цвѣтневымъ крупинамъ; наконецъ *споры,* подобно цвѣтневымъ крупинамъ, упавъ на сырую землю, пускаютъ трубочки, которыя развѣтляясь превращаются въ новыя растенія.

Эта-то сходственность, или *аналогія,* въ двухъ большихъ отдѣлахъ растительнаго царства и служила долгое время Шлейдену главнѣйшею опорою. По мнѣнію этого ученаго, цвѣтневыя крупины тѣ же *споры;* вся разница въ томъ, что цвѣтень можетъ начать свое развитіе только подъ вліяніемъ роднаго растенія, внутри особаго органа, завязи.

Но какъ же дѣйствовали ученые въ этомъ продолжительномъ преніи?

Одни силились многочисленными наблюденіями *доказать очевидно,* показать всему міру справедливость своихъ воззрѣній, изощряясь всѣми силами приготовить такой микроскопическій препаратъ, въ которомъ каждый собственными глазами могъ бы усмотрѣть дѣло въ настоящемъ его видѣ; то были труженики, слѣпые послѣдователи того или другаго ученія. Другіе устремили все свое вниманіе на изученіе мельчайшихъ и простѣйшихъ тайнобрачныхъ, надѣясь развить еще болѣе или уничтожить основное доказательство черезъ *аналогію.* Послѣдніе, какъ мы увидимъ, поступали несравненно раціональнѣе.

Германія была главнымъ театромъ борьбы. Число микроскопи-

стовъ увеличилось неимовѣрно, и насмѣшливый Фогтъ разказываетъ, что въ это время питомцы одного восточнаго университета ѣздили повсюду съ микроскопомъ въ чемоданѣ и препаратами въ портфелѣ.

— Здравствуйте, удавалось вамъ видѣть цвѣтневую трубочку? говаривалъ обыкновенно такой безпокойный юноша, входя къ какому-нибудь нѣмецкому ученому, спокойному и созерцательному.—Такъ вотъ же, смотрите, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта, и съ необыкновенною быстротою устанавливался микроскопъ и показывался любопытный препаратъ.—Прощайте.

Однакоже здѣсь будетъ не лишнимъ съ большею подробностію вникнуть въ ученія обѣихъ сторонъ. Сѣменная почка состоитъ изъ ядра и нѣсколькихъ покрововъ, его одѣвающихъ. Въ верхушкѣ ядра есть отверстіе, ведущее въ пустоту, одѣтую нѣжною перепонкою, называемою *зародышевымъ мѣшечкомъ*. Всѣ были согласны, что цвѣтневая трубочка проникаетъ черезъ отверстіе сѣменной почки до самаго зародышеваго мѣшечка; но далѣе мнѣнія расходились. Одни, между которыми вырѣзываются имена Амичи, Моля и Гофмейстера, принимали, что зародышъ образуется въ самомъ мѣшечкѣ сѣменной почки, и что цвѣтневая трубочка только прикладывается къ этому мѣшечку, вызывая его дѣятельность своимъ вліяніемъ. Другіе, Шлейденъ во главѣ, утверждали, что цвѣтневая трубочка прорываетъ зародышевый мѣшечекъ своимъ концомъ, который тамъ и превращается въ зародышъ.

Споръ принялъ наконецъ такіе размѣры, что одна изъ знаменитыхъ европейскихъ академій въ 1847 г. предложила на общее разрѣшеніе вопросъ, о которомъ мы теперь говоримъ.

Въ 1850 году академія эта (королевскій нидерландскій институтъ въ Амстердамѣ) увѣнчала сочиненіе Германа Шахта, бывшаго помощника профессора Шлейдена, а нынѣ приватъ-доцента при Берлинскомъ университетѣ.

Но не сдались на это рѣшеніе ученые противники знаменитаго іенскаго ботаника; споръ продолжался еще съ большею силою. Германъ Шахтъ, дѣятельность котораго почти исключительно направлялась на этотъ предметъ, является теперь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой ученой стычкѣ.

Характеристическія черты этого почтеннаго ученаго, трудолюбіе и добросовѣстность доказываются многочисленными его сочиненіями. Въ шесть лѣтъ Шахтъ уже произвелъ, не счи-

тая журнальныхъ статей, семь сочиненій (1), изъ которыхъ одно вышло уже вторымъ изданіемъ, а другое начало издаваться во второй разъ съ значительными измѣненіями. Если мы прибавимъ къ этому, что каждое изъ этихъ сочиненій содержитъ въ себѣ огромное число фактовъ, вновь изслѣдованныхъ, подробно описанныхъ и хорошо изображенныхъ авторомъ, то трудолюбіе Шахта по истинѣ покажется чуть ли не чудовищнымъ, особенно когда припомнимъ, что микроскопическія наблюденія сопряжены съ большою потерею времени и затрудненіями.

---

(1) *Entwickelungsgeschichte des Pflanzen-embryon*, von H. Schacht. Eine durch die Erste Klasse des Königlich-Niederländischen Institutes gekrönte Preisschrift. Amsterdam. 1850. in 4.

Das Microscop und seine Anwendung etc. Berlin. 1851 и второе изданіе, 1855. in 8.

Die Prüfung der im Handel vorkommenden Gewebe durch Mikroskop etc. Berlin. 1853. in 8.

Der Baum etc. Berlin. 1853. in 8.

Beiträge zur Anatomie und Physiologie der Gewächse. Berlin. 1854. in 8.

Die Pflanzenzelle, der innere Bau und das Leben der Gewächse. Berlin. 1852. in 8 большаго формата и второе изданіе 1855. in 8 обыкновеннаго формата.

Bericht über die Kartoffelpflanze und deren Krankheiten. Berlin. 1856. in 4.

Два изъ этихъ сочиненій переведены на русскій языкъ: *Испытаніе тканей* и *Дерево*. На послѣднее хотимъ мы бросить бѣглый взглядъ, чтобы познакомить читателя съ дѣятельностію Шахта, съ которою во многихъ отношеніяхъ сходствуетъ дѣятельность и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ ученыхъ. Цѣль книги, говоритъ авторъ въ предисловіи, служить руководствомъ, среди зданія природы, не только ботаникамъ и лѣсоводамъ, но и болѣе многочисленной публикѣ, чтобы всякій могъ видѣть, какъ растеніе живетъ и должно жить.

Но въ состояніи ли ботаникъ разрѣшить эту задачу?

Книга Шахта такъ же, какъ всякое ботаническое сочиненіе, лучше всего отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, и отвѣтъ оказывается отрицательнымъ. Пока мы лишь едва въ состояніи сказать, чѣмъ живетъ растеніе, но, какъ только дѣло коснется того, какимъ образомъ вещества, вошедшія внутрь растенія, превращаются въ его разнородныя ткани, такъ является тысяча сомнѣній и недоразумѣній, повсюду встрѣчаются тогда слова: вѣроятно, можетъ-быть, надо полагать и т. п. Поэтому-то глава подъ заглавіемъ *Растеніе и его жизнь* въ книгѣ Шахта заключаетъ въ себѣ только изложеніе наружныхъ проявленій жизни дерева.

Послѣдняя глава: *Законность въ природѣ*, хорошо характеризуетъ и книгу и автора.

Законность въ природѣ есть то всеобщее согласіе между явленіями, которое существуетъ въ силу единства причины и цѣли, то сочетаніе, которое замѣчается между всѣми частями природы, въ силу цѣлости ея построенія. Слѣдовательно эта законность можетъ проявляться только въ связи явленій между собою, *въ соотношеніяхъ по крайней мѣрѣ*

Таковъ ученый характеръ главнаго поборника Шлейденовскаго ученія *объ оплодотвореніи цвѣтковыхъ или явнобрачныхъ растеній*. Бо́льшая часть остальныхъ нѣмецкихъ и французскихъ ботаниковъ стала противъ этого ученія; Шлейденъ самъ, послѣ третьяго изданія своихъ *Основаній научной ботаники*, умолкъ. Пока силились найти доказательства pro или contra въ непосредственномъ указаніи фактовъ, вѣроятіе оста-

---

двухъ явленій. У Шахта находимъ мы, напротивъ, почти афористическое изложеніе фактовъ, касающихся по большей части однихъ растеній безъ всякой видимой связи между собою; повидимому авторъ считаетъ ихъ законами природы, основываясь на томъ, что они довольно распространены въ царствѣ растеній. Такъ напримѣръ, на стр. 364 читаемъ слѣдующее:

«Кора деревъ распадается на первичную и вторичную. Первая уже видна въ зародышѣ, вторая появляется только послѣ проростанія въ слоѣ утолщенія; помощію этого слоя возрастаетъ она подобно древесинному кольцу. Въ первичной корѣ хвойныхъ лежатъ смоляные ходы, во вторичной образуются лубовыя клѣточки и т. д.»

Однимъ словомъ все, что въ книгѣ описано съ нѣкоторою подробностію, здѣсь перечислено подъ видомъ законовъ природы!

Но если Германъ Шахтъ довольно узко понимаетъ науку, если эта узкость и ввела его въ цѣлый рядъ заблужденій, то, тѣмъ не менѣе, почти каждое изъ его сочиненій заключаетъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ, хотя и отрывочныхъ матеріяловъ. Въ книгѣ, о которой мы говоримъ (*Дерево*) громко свидѣтельствуетъ объ этомъ глава VII: *Древесина и кора*, съ приложеніемъ на концѣ. Въ ней ясно и характерно описано строеніе древесины и коры главнѣйшихъ деревъ.

«Древесина различныхъ деревьевъ, говоритъ Шахтъ, необходимая намъ въ несчетныхъ случаяхъ, отличается многоразличными особенностями; мы не можемъ употреблять съ одинаковымъ успѣховъ одно дерево вмѣсто другаго на одно и то же дѣло. Одно дерево идетъ лучше другаго на подводныя постройки, иное лучше другаго принимаетъ политуру, третье заключаетъ горючаго матеріяла больше нежели другое: на чемъ основаны эти различія?»

Затѣмъ авторъ съ нѣкоторою подробностію описываетъ строеніе древесины и коры разныхъ деревъ, объясняя весьма удачно этимъ строеніемъ многія практическія примѣты. Далѣе описываетъ онъ стволы главныхъ деревъ, не упуская изъ виду цѣли, выраженной въ началѣ главы, и заканчиваетъ изъясненіемъ физіологическаго значенія древесины и коры, на сколько это возможно при настоящемъ состояніи науки.

Эта глава, такъ же какъ нѣкоторыя изъ предыдущихъ, показываетъ всю добросовѣстность и трудолюбіе въ наблюденіяхъ, въ соединеніи съ большимъ знаніемъ дѣла, коими отличается авторъ.

Что касается до изложенія, то оно не можетъ назваться ни популярнымъ, ни изящнымъ; слогъ мѣстами довольно страненъ, отрывистъ и шероховатъ, но не лишенъ ясности.

валось во многихъ случаяхъ на сторонѣ іенскаго ученаго, мнѣніе котораго укрѣплялось главнѣйше аналогіею.

Тутъ появился рядъ сочиненій, которыя лучше всего показываютъ до какой степени микроскопическія наблюденія сами по себѣ, безъ *руководящей идеи*, не достаточны для разрѣшенія научнаго вопроса.

Шахтъ безпрестанно сообщалъ публикѣ рисунки, въ которыхъ, по его мнѣнію, необыкновенно ясно было видно образованіе зародыша въ концѣ цвѣтневой трубочки, прорвавшейся въ пустоту мѣшечка сѣмянной почки; одинъ ботаникъ, Дееке, разсылалъ повсюду микроскопическій препаратъ, въ которомъ, какъ онъ думалъ вмѣстѣ съ Шахтомъ, заключалось совершенное, неотразимое доказательство Шлейденова ученія; но никто не сдавался. Знаменитый Гуго фонъ Моль, (1) разсматривавшій этотъ препаратъ, нашелъ, что онъ не только не способенъ рѣшить дѣло въ ту или другую сторону, но что рисунокъ Шахта, сдѣланный съ этого пргпарата, не точенъ!

Мы съ своей стороны не сомнѣваемся въ добросовѣстности Германа Шахта, но объясняемъ себѣ дѣло тѣмъ, что въ препарированіи такихъ мелкихъ частей, каковы цвѣтневая трубочка и зародышевой мѣшечекъ, все измѣняется малѣйшимъ сдвигомъ, а тѣмъ болѣе сжатіемъ отъ высушки: если сравнивать рисунки, напримѣръ Гофмейстера и Шахта, то истинно удивляешься, какъ такіе два опытные наблюдателя могли видѣть одно и то же въ столь противоположномъ свѣтѣ; всего же удивительнѣе надежда доказать что̀ бы то ни было способомъ, до того зависящимъ отъ случайности, отъ искусства, удачи, даже отъ самаго зрѣнія и здоровья наблюдателя. Еслибы другаго способа не было, то, по всей вѣроятности, мы бы до сихъ поръ были завалены статьями, въ которыхъ главныя доказательства состояли бы въ слѣдующемъ: Я самъ видѣлъ! — И я самъ видѣлъ! — Но вы не такъ видѣли, нѣтъ, вы не такъ видѣли, у васъ плохой микроскопъ!

Но вотъ въ 1856 году Шлейденъ и Шахтъ почти въ одно время признаютъ себя побѣжденными: Шлейденъ при видѣ препарата одного изъ своихъ бывшихъ учениковъ Радлькофера (2), Шахтъ (3) по возвращеніи своемъ съ острова Мадейры, гдѣ

---

(1) *Botanische Zeitung*. 1855. p. 385.

(2) *Die Befruchtung der Phanerogamen* etc. v. Ludw. Radlkofer. Leipzig. 1856.

(3) *Monatsbericht der K. Preuss. Akad. der Wissensch. zu Berlin*, Mai. 1856. 8, а также *Jahrbücher für wissenschaftliche Botanik.* Herausgegeben von N. Pringsheim. Berlin. 1857. *Ueber Pflanzen-Befruchtung* von H. Schacht.

ему удалось яснѣе нежели когда-нибудь усмотрѣть прохожденіе цвѣтневой трубочки въ сѣменную почку, при чемъ онъ убѣдился, что конецъ этой трубочки не превращается въ зародышъ, а только вызываетъ дѣятельность сѣменной почки своимъ вліяніемъ.

Ужели въ самомъ дѣлѣ такіе отличные наблюдатели, каковы Шлейденъ и Шахтъ, такъ долго видѣли неправильно? Признаемся, мы этому съ трудомъ вѣримъ и готовы объяснять дѣло совершенно иначе.

Давно уже ботаники искали средствъ раскрыть тайну оплодотворенія линнеевскихъ тайнобрачныхъ. Шлейденъ съ особою энергіею напиралъ на мысль, что изученіе этихъ растеній, изъ коихъ многія устроены наипростѣйшимъ образомъ, должно быть продолжаемо съ особымъ вниманіемъ, что разрѣшенія вопросовъ касательно жизни растеній надобно именно искать въ этихъ простѣйшихъ формахъ. Голосъ знаменитаго ученаго не мало способствовалъ къ установленію направленія молодыхъ ботаниковъ. Очень многіе изъ нихъ съ рвеніемъ принялись изучать ту зеленую плесень прудовъ и сонныхъ водъ, которая на простой глазъ кажется лишенною всякой организаціи, тѣ бѣловатые, сѣрые, розовые и желтые налеты, которые покрываютъ сырые своды, старыя балки, разныя жидкости и пр., тѣ красноватыя пятна, которыя встрѣчаются на вѣчныхъ снѣгахъ горъ и полярныхъ странъ... Это, по видимому, мелочное изученіе принесло богатые плоды. Тутъ микроскопъ уподобился телескопу астрономовъ. Какъ этотъ чудесный инструментъ разлагаетъ передъ глазами наблюдателя блѣдныя пятна небосклона на цѣлыя станицы міровъ, такъ и микроскопъ разлагаетъ едва замѣтное для простаго глаза туманное пятнышко на сотни растительныхъ организмовъ, живущихъ и размножающихся подъ взоромъ наблюдателя.

Между простѣйшими растеніями, являющимися невооруженному глазу въ видѣ безформенныхъ зеленыхъ накопленій въ водѣ или на водѣ, есть такія, которыя при сильномъ увеличеніи, оказываются состоящими изъ одного микроскопически-мелкаго мѣшечка, наполненнаго сокомъ и крупинами, такъ что зеленая масса не есть одно растеніе, а цѣлыя ихъ тысячи и милліоны. Подобныя растенія называются *одноячейными*, или *одноклѣтными водорослями*. Нѣкоторое время остаются они въ описанномъ видѣ; затѣмъ внутри ихъ появляется нѣсколько малѣйшихъ подобныхъ имъ мѣшечковъ, которые возрастая

разрываютъ старую клѣточку, содержащую ихъ, и, освободившись, становятся такими же самобытными одноклѣтными водорослями.

Самыя простыя растенія, красный налетъ на снѣгѣ, зеленая муть стоячихъ прудовъ, часто состоятъ изъ такихъ одноячейныхъ организмовъ. Но и между ними есть уже нѣкоторое усложненіе; такъ есть водоросль (Caulerpa), которая, хотя и состоитъ изъ одного только мѣшочка, изъ одной ячейки, но принимаетъ формы, сходныя съ деревцомъ, имѣющимъ корень, стебель и листья, и достигаетъ при томъ длины одного фута и болѣе.

Если теперь бросимъ взоръ на длинный рядъ постепенно усложняющихся формъ, отъ одноячейной водоросли до розы и огромнаго дуба, то найдемъ, что усложненіе это происходитъ главнѣйше черезъ умноженіе числа мѣшечковъ, названныхъ нами *ячейками* или *клѣточками* и входящихъ въ составъ каждаго растенія.

За одноячейными слѣдуютъ такія водоросли, которыя состоятъ изъ нѣскольких ячеекъ; таковы напримѣръ *нитчатки*, представляющіяся въ видѣ тонкихъ зеленыхъ нитей, перепутанныхъ между собою и плавающихъ на водѣ и въ водѣ весьма большими массами. Положите подъ микроскопъ маленькій обрывокъ этой зеленой плѣсени, и передъ вами откроется цѣлая сѣть прозрачныхъ трубочекъ, раздѣленныхъ перегородками, которыя означаютъ границы ячеекъ, наполненныхъ сокомъ и зелеными, расположенными по большей части весьма изящно крупинками. Въ этихъ нитчаткахъ, въ извѣстное время, образуются также воспроизводительныя крупины или *споры*, которыя, высвободившись наружу, вытягиваются въ трубочки, и разростаясь, превращаются въ новыя нитчатки.

Переходя къ формамъ водорослей еще болѣе сложнымъ, дойдемъ до такихъ, которыя состоятъ изъ несчетныхъ милліоновъ ячеекъ, образующихъ огромныя листообразныя пластины, плавающія на поверхности океана и достигающія самыхъ гигантскихъ размѣровъ; таковы *саргассы*, покрывающія собою Атлантическій океанъ на пространствѣ нѣскольких сотъ квадратныхъ миль, и достигающія каждая многихъ саженей по всѣмъ направленіямъ.

Размноженіе водорослей довольно разнообразно. Природа позаботилась о сохраненіи этихъ растеній, отличающихся вообще мягкостію тканей и легко истребляемыхъ многочисленными животными, отъ мельчайшихъ прѣсноводныхъ насѣкомыхъ до громадныхъ черепахъ и травоядныхъ китовъ (кашалотовъ) оке-

ана. Даже человѣкъ истребляетъ большое количество водорослей на удобреніе своихъ полей и на пищу (1). Самобытность отторгнутыхъ частей здѣсь особенно велика. Не только каждый маленькій кусокъ водоросли можетъ жить отдѣльно и разростаться во всѣ стороны, но не рѣдко и каждая ячейка, отрываясь, способна дать начало новому растенію.

Если теперь скажемъ, что водорослей чрезвычайно много (болѣе 6000 видовъ), и что высокая степень самостоятельности отдѣльныхъ ячеекъ свойственна большей части лишайниковъ, грибовъ и даже мховъ, то поймемъ, какимъ образомъ Шлейденъ считаетъ *ячейку растительною особью перваго порядка, особью простою*. Если же обратимъ еще вниманіе на то, что всѣ до одного растенія состоятъ изъ ячеекъ, подобныхъ тѣмъ, которыя представляютъ собою одноячейныя водоросли, что цвѣтневая крупина есть не что иное какъ ячейка, что наконецъ самый зародышевый мѣшочекъ, въ которомъ начинается каждое цвѣтковое растеніе, есть опять ячейка, то Шлейденово ученіе о самостоятельности ячейки станетъ для насъ еще яснѣе, еще глубже.

Но размноженіе водорослей, какъ мы видѣли, не заключается въ одномъ только дробленіи; онѣ снабжены еще особыми орудіями воспроизведенія, *спорами*, которыя также не иное что какъ ячейки, но получившія специяльное, единственное назначеніе размножать растеніе, которому онѣ принадлежатъ. Между этими *спорами* однѣ называются *покоющимися*, другія *подвижными*. Подвижныя *споры*, высвободившись изъ роднаго растенія, приходятъ тотчасъ въ самое живое движеніе, вращаются и крутятся нѣкоторое время въ водѣ, на подобіе животныхъ инфузорій, и потомъ, мало-по-малу успокоившись, проростаютъ въ новыя растенія. Покоящіяся *споры*, напротивъ, по выходѣ изъ роднаго растенія, падаютъ на дно водъ и остаются тамъ неподвижно до слѣдующаго года. Высыханіе не уничтожаетъ дремлющей въ нихъ жизни, напротивъ того онѣ въ этомъ видѣ переносятся вѣтромъ часто на огромныя разстоянія и проростаютъ въ странахъ весьма отдаленныхъ отъ пруда или болота, давшаго имъ начало (2).

---

(1) Однѣ морскія водоросли употребляются какъ лѣкарство, напримѣръ Fucus vesiculosus отъ зоба; другія для добыванія въ большомъ количествѣ соды, таковы Laminaria digitata, Holigenia bulbosa и пр. Въ пищу водоросли употребляются особенно въ Китаѣ; на удобреніе, и даже на топливо, идутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи, Ирландіи и Англіи.

(2) Все здѣсь изложенное въ самомъ сжатомъ видѣ, требовало много-

Всѣ остальныя тайнобрачныя имѣютъ *споры*, которыхъ развитіе и проростаніе необыкновенно сходно съ развитіемъ и проростаніемъ цвѣтня, какъ мы уже замѣтили. Но давно уже многіе ученые, кромѣ описанныхъ *спороплодниковъ* со *спорами*, находили другіе органы, коихъ содержимое ни мало ни походило на *споры*, и никогда не было находимо проростающимъ. Предположили, что это тычинки тайнобрачныхъ и назвали ихъ поэтому *антеридіями* (отъ *antera, пыльникъ тычинки*). Шлейденъ особенно сильно возставалъ противъ страсти повсюду отыскивать двойственность половъ или, какъ онъ говорилъ, противъ антеридоманіи. Считая спороплодники за орудія, соотвѣтствующія тычинкамъ, онъ дѣйствительно имѣлъ основаніе не вѣрить въ антеридіи.

Но вотъ, въ 1855 году, Прингсгеймъ объявляетъ, что онъ открылъ въ водоросляхъ настоящія орудія, соотвѣтствующія тычинкамъ, и что онъ видѣлъ самый актъ оплодотворенія. Статья его, напечатанная въ запискахъ Берлинской академіи наукъ и перепечатанная отдѣльно (1), содержитъ подробное описаніе и рисунки какъ орудій, такъ и самаго оплодотворенія. Всякій могъ читать и повѣрять наблюденія берлинскаго ученаго; результатомъ этого вышло, что существованіе половъ окончательно признано не только въ водоросляхъ, но и во всѣхъ остальныхъ тайнобрачныхъ.

Мы полагаемъ, что открытіе Прингсгейма, перебивъ совершенно логическую цѣпь аналогій, за которую держался Шлейденъ, открыло ему глаза и, при взглядѣ на препаратъ Родлькофера, онъ увидѣлъ свою ошибку какъ будто въ первой разъ!

Но что такое антеридіи и въ чемъ состоитъ оплодотвореніе тайнобрачныхъ, прослѣженное такъ далеко въ настоящее время? Постараемся объяснить это читателю въ самыхъ короткихъ чертахъ. Для этого обратимъ вниманіе на папоротники, представляющіе, въ этомъ случаѣ, нѣкоторыя любопытныя особенности.

трудныхъ и прилежнѣйшихъ разысканій. Для большихъ подробностей читатель можетъ съ успѣхомъ обратиться къ сочиненію профессора Ценковскаго: *О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ*. С.-Петербургъ. 1856. (Перепечатано изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1856. №№ 6 и 7).

(1) *Ueber die Befruchtung und Keimung der Algen und das Wesen des Zeugungsaktes* von N. Pringsheim. Berlin. 1855.

На нѣкоторыхъ изъ листовъ взрослыхъ папоротниковъ появляются въ извѣстное время *спороплодники*, которые, созрѣвъ, лопаются и выпускаютъ *споры*, проростающія безъ всякаго, повидимому, предварительнаго вліянія. Но растеніе, выходящее изъ подобной *споры*, вовсе не похоже на родное, ее произведшее. Оно весьма мало и имѣетъ видъ плоскаго листочка. На этомъ листочкѣ появляются два разныя орудія оплодотворенія: одно, *антеридія*, содержитъ множество нитей, которыя, высвободившись, приходятъ въ движеніе и попадаютъ въ другой органъ. Въ этомъ-то и состоитъ оплодотвореніе. Оплодотворенный органъ, называемый *архегоніею*, пускаетъ изъ себя ростки настоящаго папоротника.

При этомъ читатель можетъ-быть вспомнитъ о метаморфозѣ и обновленіи растеній, проявляющихся здѣсь весьма ярко; будемъ однакоже продолжать начатый разказъ. Все сказанное о папоротникахъ, въ сущности можно повторить, съ легкими измѣненіями, и о мхахъ и нѣкоторыхъ другихъ тайнобрачныхъ, но никто не видѣлъ, собственными глазами, вхожденія подвижныхъ нитей или *живчиковъ* въ архегоніи: это доказывали, весьма вѣроятно, разными наблюденіями и доводами, которые отвергались противниками антеридій.

Хотя мы и не принадлежимъ къ числу этихъ скептиковъ, полагая возможнымъ доказать любой научный фактъ не только осязаніемъ или зрѣніемъ, но и логическимъ рядомъ сужденій; тѣмъ не менѣе, непосредственное указаніе имѣетъ то преимущество, что оно убѣждаетъ всѣхъ безъ исключенія; въ свидѣтельствѣ собственныхъ чувствъ можетъ усомниться развѣ только умалишенный. По этому Прингсгеймово открытіе акта оплодотворенія въ водоросляхъ произвело огромное впечатлѣніе не только само по себѣ, но еще и потому, что съ этихъ поръ стали вѣрить въ существованіе половъ и въ остальныхъ тайнобрачныхъ.

«Въ этомъ отношеніи, писалъ Прингсгеймъ, въ первомъ изъ своихъ сочиненій о вопроизведеніи водорослей, не достаетъ еще познанія хотя одного случая, въ которомъ были бы явственно усмотрѣны: вхожденіе растительнаго живчика въ спороплодникъ и вліяніе его на этотъ органъ, при томъ такъ, чтобы каждый могъ въ этомъ убѣдиться собственными глазами.

«По этому, говоритъ далѣе Прингсгеймъ, должно считать особымъ счастіемъ, что мнѣ удалось открыть все на такомъ растеніи, въ которомъ не только органы, но и самый актъ опло-

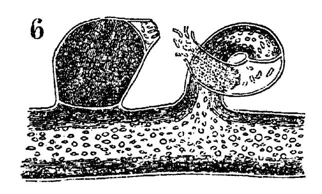
дотворенія могутъ быть въ короткое время усмотрѣны безъ поврежденія этого растенія и со всевозможною ясностію и подробностію. Къ тому же самое наблюденіе это до такой степени во власти наблюдателя, что онъ можетъ, безъ всякаго затрудненія, сдѣлать и другихъ участниками въ немъ.»

Дѣйствительно, наблюденіе сдѣлано Прингсгеймомъ надъ прѣсноводною нитчаткою, которая растетъ въ нашихъ стоячихъ водахъ повсемѣстно. Водоросль эта названа вошеріею (Vaucheria senilis), въ честь знаменитаго альголога Воше, писавшаго въ началѣ нашего столѣтія.

Она имѣетъ видъ длинныхъ прозрачныхъ нитей, наполненныхъ зелеными крупинами.

Постараемся разказать въ короткихъ словахъ то, что̀ Прингсгеймъ разказываетъ съ большою подробностію и крайне интересно для ботаниковъ, но, можетъ-быть, утомительно для всякаго другаго.

Предупреждаемъ однакоже читателя, что все это можно видѣть только въ микроскопъ, и при довольно сильномъ увеличеніи.

На трубочкѣ вошеріи (ф. 6.) образуются двѣ *ворсинки* или два пустыя возвышенія, между собою сходныя и содержащія множество крупинокъ. Одна изъ этихъ ворсинокъ довольно широка, другая длиннѣе и уже. Въ широкой, черезъ нѣкоторое время, образуется при основаніи тончайшая перегородка, и зеленое вещество отодвигается какъ бы назадъ, оставляя свѣтлое мѣсто. Въ длинной ворсинкѣ произошло между тѣмъ тоже самое, только перегородка образовалась не при основаніи, а выше, и все пространство между верхушкою ворсинки и перегородкою лишилось зеленыхъ крупинъ, которыя замѣнились болѣе мелкими, свѣтлыми, и начинающими уже медленно двигаться.

Широкая ворсинка есть вмѣстилище будущей *споры*, это будущій плодъ водоросли; длинная есть орудіе, его оплодотворяющее; первая соотвѣтствуетъ завязи, вторая—тычинкѣ цвѣтковыхъ растеній.

Но вотъ, въ одинъ и тотъ же моментъ, съ поразительною

единовременностію, лопаются обѣ ворсинки. Изъ плодниковой выливается капля того прозрачнаго, густаго вещества, которое ее наполняетъ; изъ оплодотворяющей выскакиваютъ малѣйшія крупинки (живчики) и начинаютъ самое торопливое движеніе. Толпами суетятся онѣ около зіяющаго отверстія плодниковаго мѣшечка, входятъ въ него и выходятъ назадъ, наполняютъ его, продолжая двигаться, какъ бы страшась проникнуть въ густую, прозрачную массу. Наконецъ надъ этою густою массою, внезапно появляется тончайшая перепонка: актъ оплодотворенія совершенъ. Прингсгеймъ утверждаетъ, что образованіе перепонки вѣроятно слѣдуетъ за вхожденіемъ одного изъ живчиковъ въ густую массу спороплодника. Затѣмъ содержимое въ этомъ мѣшечкѣ еще густѣетъ, измѣняется въ цвѣтѣ, образуется вторая перепонка, внутри наружной, принадлежащей собственно плоду, и *спора* готова къ выходу.

Такимъ-то образомъ тайнобрачныя стали настоящими явнобрачными, сдернута завѣса съ ихъ брачнаго ложа, разрушена сильнѣйшая опора Шлейденова ученія, и прежнія явнобрачныя стали таинственнѣе тѣхъ, которыя считались загадкою. Въ новѣйшемъ періодическомъ изданіи Прингсгейма (1) помѣщена уже новая работа Гофмейстера объ оплодотвореніи цвѣтковыхъ растеній; онъ указываетъ на новое направленіе, которое должна принять теперь эта часть науки: розысканія, въ чемъ именно состоитъ вліяніе на цвѣтневой трубочки на сѣменную почку.

Въ томъ же изданіи читатель можетъ съ большою подробностью познакомиться съ явленіемъ оплодотворенія въ водоросляхъ.

Но возраженія на теорію оплодотворенія Шлейдена еще этимъ не кончаются: теперь положительно дознано, что зародышъ въ сѣменахъ нѣкоторыхъ растеній нерѣдко происходитъ вовсе безъ вліянія цвѣтня!

Еще въ 1767 г. Спаланцани, производя опыты съ цѣлію подтвердить необходимость оплодотворенія, для того, чтобы растенія производили плодъ, нашелъ, что конопля, шпинатъ, дыня, тыква и другія двудомныя растенія производятъ иногда плодущія сѣмена

---

(1) *Jahrbücher für wissenschaftliche Botanik*, herausgegeben von Dr. H. Pringsheim. Erster Band. 2 Heft. Berlin. 1857, тутъ же, также въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Botanische Zeitung* Моля и Шлехтендаля помѣщены новыя работы Шахта объ оплодотвореніи растеній, гдѣ онъ изъясняетъ, между прочимъ, причины своихъ прежнихъ заблужденій.

безъ оплодотворенія. Кромѣ знаменитаго ученаго, нами названнаго, подобные факты найдены были и другими. Тогда объяснили это неточностію въ опытахъ, и такимъ образомъ дѣло заглохло.

За него принялись теперь снова по случаю открытія такъ-называемаго *дѣворожденія* (parthenogenesis) въ животныхъ, открытія, обнародованнаго и ученымъ образомъ обработаннаго Зибольдомъ (1). Мы сами вкратцѣ сообщали объ этомъ публикѣ въ минувшемъ году. Съ большею же подробностію и основательностію описано это важное открытіе въ книжкѣ покойнаго профессора К. Ф. Рулье (2), вѣроятно извѣстной нашимъ читателямъ.

Каждый легко можетъ повѣрить наблюденія Спаланцани надъ коноплею. Посадите женское растеніе въ горшокъ и держите его все время въ комнатѣ съ закрытыми окнами; несмотря на невозможность, чтобы цвѣтень попалъ снаружи въ комнату, ваша конопля принесетъ плодущія сѣмена!

Скептицизмъ ботаниковъ доходитъ однакоже до того, что они считаютъ подобные опыты не вполнѣ доказательными. Вопервыхъ, говорятъ они, если въ окрестности есть хоть одно мужеское растеніе, то нельзя ручаться, чтобы цвѣтень какъ-нибудь не попалъ въ комнату, вовторыхъ, можетъ-быть и на женскихъ растеніяхъ случайно развилось нѣсколько мужескихъ цвѣтовъ.

А. Браунъ, о которомъ уже не разъ приходилось намъ помянуть, напечаталъ еще въ 1856 году, въ запискахъ Берлинской академіи наукъ, статью, въ которой очевидно доказано существованіе *дѣворожденія* (parthenogenesis) въ растеніяхъ (3). Браунъ не сомнѣвается въ точности наблюденій Спаланцани и другихъ ученыхъ, но съ своей стороны приводитъ новое подтвержденіе существованія дѣворожденія въ растеніяхъ.

«Чтобы при подобныхъ наблюденіяхъ, говоритъ берлинскій профессоръ, не оставалось никакого сомнѣнія, ожидалась возможность наблюдать такое чужестранное растеніе, которое находилось бы въ европейскихъ садахъ лишь въ женскихъ экземплярахъ и было бы притомъ совершенно лишено способности,

---

(1) *Wahre Parthenogenesis bei Schmetterlingen und Bienen* von C. T. E. v Siebold. Leipzig. 1356.

(2) *Три открытія въ естественной исторіи пчелы* К. Ф. Рулье. Москва. 1857.

(3) *Ueber Parthenogenesis bei Pflanzen* von A. Braun. Berlin. 1857. in 4.

даже случайно, производить мужескіе цвѣты. Такое именно растеніе теперь въ нашей власти; ботаническіе сады наши уже давно имъ владѣютъ. Извѣстно также давно, что растеніе это имѣетъ замѣчательное свойство производить плодущія сѣмена, несмотря на то, что оно въ садахъ никогда не приносило мужескихъ цвѣтовъ.»

Растеніе это извѣстно подъ названіемъ *целобогине* (Caelobogine ilicifolia) и относится къ семейству молочайныхъ. Вотъ что говоритъ далѣе А. Браунъ:

«Исторія этого необыкновеннаго растенія могла бы давно покончить споръ о томъ, происходитъ ли зародышъ внутри цвѣтневой трубочки, или нѣтъ, потому что первое извѣщеніе о немъ было сдѣлано Джономъ Смитомъ еще въ 1839 г., въ засѣданіи 18-го іюня Лондонскаго линнеевскаго общества. Вотъ оно вкратцѣ. Въ 1829 году, королевскій садъ Кью получилъ отъ Аллена Кеннингама, изъ Мортонбея, съ восточнаго берега Новой Голландіи, растеніе неизвѣстнаго семейства. Сначала оставалось оно безплодно, но вскорѣ развернуло женскіе цвѣты, по которымъ можно было заключить, что оно относится къ семейству молочайныхъ.»

Но Смитъ обратилъ особенное вниманіе на то, что при всемъ стараніи, онъ не могъ найдти между цвѣтами целобогине ни одного мужескаго, а между тѣмъ растеніе принесло плодущія сѣмена, которыя проросли и дали начало молодымъ растеніямъ, совершенно подобнымъ старому, такъ что о смѣшеніи съ другими близкими видами молочайнаго семейства нечего и помышлять. Затѣмъ Смитъ замѣчаетъ, что такое явленіе совершенно опровергаетъ теорію зарожденія въ цвѣтневой трубкѣ.

Сообщенное Смитомъ оставалось неприкосновеннымъ, несмотря на то, что растеніе, о которомъ идетъ рѣчь, не разъ бывало внимательно осматриваемо многими знаменитыми ботаниками въ Кьюсскомъ саду. Наконецъ замѣчательное свойство целобогине было публично подтверждено докторами Гукеромъ и Зееманомъ въ вѣнскомъ собраніи естествоиспытателей. Затѣмъ А. Браунъ сообщаетъ собственныя свои наблюденія въ берлинскомъ саду, описываетъ загадочное растеніе со всевозможною подробностію и, присоединивъ еще примѣръ хары (Ch. crinita), производящей споры безъ оплодотворенія, заключаетъ, что дѣворожденіе въ царствѣ растеній дознано совершенно.

Вотъ послѣднее, и можетъ-быть сильнѣйшее доказательство противъ теоріи оплодотворенія Шлейдена. Вопросъ, какъ виндо,

все еще не вполнѣ разрѣшенъ: остается еще уловить физико-химическую сторону акта оплодотворенія, которая можетъ, по всей вѣроятности, изъяснить и явленіе дѣворожденія въ растеніяхъ.

Теперь, обращаясь опять къ явленію возобновленія въ растеніяхъ, не трудно убѣдиться, что оно есть основное и преобладающее явленіе въ мірѣ растеній.

Единственная ячейка, микроскопическій пузырекъ, наполненный жидкостію, содержащею въ растворѣ и въ крупинахъ вещества различнаго свойства, есть точка, отъ которой расходятся по всѣмъ направленіямъ волны обновленія черезъ рядъ постепенныхъ метаморфозъ: будетъ ли эта начальная точка *ячейка-спора*, воспроизводительная пылинка растенія, лишеннаго цвѣтовъ; будетъ ли то *ячейка-зарожденія*, *зародышевый мѣшочекъ* растенія, украшеннаго цвѣтами; или наконецъ простая ячейка, отторгнутая случайно отъ роднаго организма.

Обновляющія волны метаморфозы то подымаются, то опускаются, непреложно достигая подъ конецъ тѣхъ же размѣровъ, тѣхъ же свойствъ, которыя имѣли онѣ въ самомъ началѣ, чтобы снова начать ту же игру.

Та же волна обновленія замѣчается въ смѣнѣ одной формы другою, если будемъ смотрѣть на растеніе, какъ на тѣло, происшедшее отъ скопленія ячеекъ. *Почка-зародышъ или простая почка*, *случайно-отторгнутый кусокъ* или предшедствующій обликъ растенія, такъ-называемый *проталлій*, составляютъ здѣсь начальную точку, отъ которой бѣгутъ волны метаморфозы.

Не то ли же волненіе, не то ли же постоянное и постепенное обновленіе замѣчается во всей природѣ? въ царствѣ ли существъ чувствующихъ, въ животныхъ, въ исторіи ли человѣка и его обществъ?

Начинаясь однимъ ядромъ, горстью пастуховъ или предпріимчивыхъ странниковъ, долгое время община возрастаетъ, разростается, обновляясь и постепенно измѣняясь, черпаетъ новую жизнь въ самой себѣ; каждое новое поколѣніе пользуется тѣмъ, что̀ выработано отжившими или отживающими. Подобно тому молодой побѣгъ черпаетъ жизнь и силы изъ всѣхъ ему предшедствовавшихъ, опираясь притомъ на старый, полуотжившій стволъ.

Укрѣпившись, община принимаетъ новыя формы, и нѣкоторыя изъ поколѣній ея достигаютъ такой самостоятельности,

что могутъ, отдѣлившись отъ родной метрополіи, жить своею собственною жизнію, образовать новыя общества. Подобно тому сѣмя, отдѣлившись отъ роднаго дерева, можетъ дать начало новымъ самобытнымъ колоніямъ, во всемъ подобнымъ этому родному дереву, распространяя, такимъ образомъ, видъ его на землѣ, *да не изсякнетъ оно на долгія времена*.

Этими словами, которыми, между прочимъ, начали мы изъясненіе растительнаго обновленія, заканчиваемъ мы на этотъ разъ бесѣду нашу съ читателемъ.

ОЧЕРКИ ДѢВСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ

Говоря о природѣ тѣхъ странъ, куда еще не проникала гражданственность, гдѣ самъ человѣкъ является какъ-бы неизмѣненнымъ со временъ созданія, природу эту часто называютъ дѣвственною, и этимъ выраженіемъ нерѣдко желаютъ указать на какое-то оскверненіе природы человѣкомъ.

Приближаясь къ берегу, говоритъ одинъ писатель, мы увидѣли висѣлицу, и заключили, что вступаемъ на почву земли образованной.

На это отвѣтимъ мы словами многихъ сенъ-бернардскихъ путниковъ: занесенные снѣгомъ, полузамерзшіе, мы въ ужасѣ ожидали смерти, но услышали звонъ колокола, и заключили, что спасеніе близко; образованіе, сопутствуемое милосердіемъ, проникло въ суровые предѣлы альпійскіе.

Неужели дѣйствительно берлога дикаго звѣря, вонючая и наполненная безобразными остовами, менѣе оскверняетъ мѣсто нежели жилье человѣка?

Постараемся хотя на минуту подняться выше той точки зрѣнія, съ которой отдѣльный человѣкъ видитъ все только относительно себя самого, раздѣляя вселенную на двѣ неровныя части, изъ коихъ безконечно-малѣйшая—онъ самъ. Тогда все представится намъ въ иномъ видѣ, и самъ человѣкъ и дѣянія рукъ его явятся намъ въ новомъ видѣ, въ радужномъ свѣтѣ; тогда увидимъ все съ той

точки зрѣнія, которая помогаетъ человѣку отторгнуться духомъ отъ самого себя и свободно парить надъ пространствомъ; тогда чувство его не будетъ поражаться несовершенствами, которыя среди обыденныхъ тревогъ и заботъ отнимаютъ у него возможность цѣнить по достоинству самое человѣчество.

Уединеніе среди природы тѣмъ-то и полезно, что даетъ возможность, отбросивъ всякую суетность, обозрѣвать всю цѣлость природы въ главныхъ чертахъ, всегда прекрасныхъ и величавыхъ. Такъ глазъ, устремленный вдаль, схватываетъ гармоническое сочетаніе формъ и цвѣтовъ, ускользающее отъ него при близкомъ осмотрѣ тѣхъ же формъ, тѣхъ же цвѣтовъ.

Безконечно простерлась сухая пустыня сѣверной Африки: природа тамъ истинно дѣвственная; человѣкъ только по нуждѣ крадется чрезъ нее, съ помощью трезваго верблюда. Прекрасны миражи, появляющіеся передъ караванами и превращающіе песчаную степь въ цвѣтущія, тѣнистыя рощи, орошенныя прохладными потоками; чуденъ оазисъ дѣйствительный, съ его зелеными пальмами и свѣжимъ ручьемъ, къ которому жадно припадаютъ люди и звѣри. Но пути къ нему на жгучихъ пескахъ Сахары означены лишь оставами погибшихъ животныхъ и путниковъ; и не во сто ли кратъ лучше плодородная долина Нила, и не жалко ли то племя, которое допустило голодную ливійскую степь засыпать пирамиды, отнять у человѣчества полосу плодоноснѣйшей земли, и метать пески свои до самыхъ береговъ священной рѣки древнихъ Египтянъ?...

Между тѣмъ гражданственная Европа безпрестанно шлетъ изъ среды своей смѣлыхъ и образованныхъ представителей. Благодаря ихъ стараніямъ, Африка уже начинаетъ для насъ значительно уясняться, уже цивилизація твердою ногою вступила на ея почву, въ лицѣ алжирскихъ Французовъ, и мысль Фурье—послать мирное войско для превращенія Сахары въ страну обитаемую, для уничтоженія ея дѣвственности, можетъ уже казаться сбыточною...

Не будемъ же соединять съ выраженіемъ *дѣвственная природа* мысли объ оскверненіи ея человѣкомъ.

Чѣмъ образованнѣе страна, чѣмъ менѣе препятствій человѣкъ встрѣчаетъ въ климатѣ и другихъ физическихъ причинахъ, тѣмъ естественно меньше въ этой странѣ дѣвственныхъ мѣстъ. Взвѣсивъ физическія препятствія, по количеству дѣвственныхъ мѣстъ можно приблизительно судить о степени ея образованности. Ясно, что нечего искать степей или дѣвственной

почвы, напримѣръ, въ странахъ западной Европы. Напротивъ того наше отечество представляетъ еще много дѣвственнаго: обширные сѣверные лѣса, восточныя и южныя степи, бо́льшая часть Кавказа, хранятъ еще печать дикости или, ежели угодно, патріархальности.

I.

Начинаемъ свои очерки картиною горной природы умѣренныхъ странъ. Для этого приглашаемъ благосклоннаго читателя послѣдовать за нами въ Гурійскія или Аджарскія горы, простирающіяся по русско-турецкой границѣ за Кавказомъ (1).

Быстро катятся рѣки и рѣчки западнаго Закавказья; то мутною, то свѣтлою и прохладною струей плещутъ онѣ по каменистому дну; высокими холмами волнуется вокругъ нихъ мѣстность; горизонтъ окаймленъ вершинами дальнихъ горъ, тамъ и сямъ блистающихъ вѣчнымъ снѣгомъ. Маисовыя поля, стриженыя деревья, увѣшанныя гирляндами винограда, грецкіе орѣшники и вѣчно-зеленый остролистъ, сопровождаютъ эти рѣки вплоть до теплыхъ и прозрачныхъ водъ Чернаго моря, гдѣ на песчаномъ прибрежьѣ встрѣчаютъ ихъ душистые цвѣты бѣлаго панкрація...

Весною рѣзвые ручьи несутъ милліоны бѣлыхъ и розовыхъ цвѣтовъ дикой яблони, груши и сливы, которыхъ развилистыя вѣтви переплелись съ темнымъ плющемъ и нависли надъ водою.

Но подымайтесь выше, оставьте подъ собою темнокоричневые домики, построенные изъ каштановаго дерева, эти живописные домики, тонущіе въ зелени; оставьте рощи развѣсистыхъ орѣшниковъ, съ ихъ виноградными фестонами... Вотъ исчезаетъ и маисъ, сначала еще встрѣчающійся изрѣдка, небольшими клочками; исчезаетъ всякое жилье, не слышно болѣе ни голоса

---

(1) Заглавная картинка представляетъ берега рѣки Супсы въ Гуріи: налѣво, на первомъ планѣ, злаки и бѣлый лупинъ (Lupinus albus); правѣе плющъ, а на другой сторонѣ ручья плантація маиса. На второмъ планѣ гурійская досчатая хижина и фигура туземца въ папанаки, съ длинною винтовкой; высокіе тутты, увитые виноградными лозами; мелководная рѣка, усѣянная камнями; далѣе характерный домъ гурійскаго князя, окруженный широкою галлерееею, сверху деревянною, а снизу каменною. Лѣсистыя горы и развалины древней башни.

человѣческаго, ни гула быстрыхъ колесъ крошечныхъ гурійскихъ мельницъ.. Между вами и солнцемъ каштанъ и букъ шатромъ развѣсили свои вѣтви; исчезла тропа, надъ землею стелется блестящій листъ лавровишенника, и горный, малорослый медвѣдь неуклюжими прыжками отходитъ прочь съ вашей дороги... Сойдите съ гребня, по которому вы идете, и вы заблудились, потому что вы въ дѣвственномъ лѣсу: по этому гребню только изрѣдка пробираются пастухи, да турецкіе разбойники.

Какъ первый признакъ дѣвственности этихъ лѣсовъ бросается вамъ въ глаза громадность и вѣтвистость деревъ: буки, въ нѣсколько человѣческихъ обхватовъ, здѣсь не рѣдкость. Кора этихъ деревьевъ безъ малѣйшаго дупла или трещины, а вѣтки расширяются невѣроятными шатрами. Лѣсъ не вездѣ густъ, потому что около огромныхъ деревъ не могутъ расти другія; но это самое опредѣляетъ необыкновенное разнообразіе пейзажа, тѣмъ болѣе что узкій хребетъ, по которому вы идете безпрестанно направляется волнистою линіей, то вправо, то влѣво, то вдругъ понижаясь, то снова поднимаясь, а по сторонамъ обрывы, глубокія ущелья и вершины горъ различной вышины.

Тамъ, гдѣ встрѣчаются свѣтлые горные ручьи, распадающіеся на множество рукавовъ, мѣстность принимаетъ особый характеръ: почва завалена сухими, гніющими вѣтвями, старыми стволами, чрезъ которые иногда бьетъ пѣнистая вода; густой мохъ изумрудными подушками облегаетъ камни и пни; большіе грибы, странной, извилистой формы и высокаго оранжеваго цвѣта, придаютъ тонъ этому живописному хаосу. Солнечный лучъ зигзагомъ пробирается сквозь листву, блистая, отражается отъ гладкой зелени лавровишенника, золотыми чешуйками играетъ и переливается въ ручьяхъ, которые журчатъ на всѣ голоса... Вотъ раздвинулись гибкія вѣтки низкорослаго кустарника, и показалась маленькая головка проворной козули съ вѣтвистыми рожками: она въ одинъ прыжокъ очутилась у ручья и бережно опустивъ въ него мордочку, начала втягивать холодную струю... Хорошо отдохнуть среди дня въ этихъ прохладныхъ, сырыхъ мѣстахъ. Но миновавъ ручьи и идя все дальше по горному хребту, попадаешь иногда въ мѣста совершенно безводныя, и жажда дѣлается тѣмъ мучительнѣе, что въ глубинѣ ущелья вы ясно слышите плескъ источника, а миріады свѣжихъ листьевъ, окружающихъ васъ, такъ сочны, что вамъ непремѣнно захочется пить.

Поднимаясь еще выше въ горы, вы встрѣтите сѣверную ель, березу и рябину; у ручьевъ растетъ смородина; наконецъ лиственный лѣсъ окончательно переходитъ въ хвойный, молчаливый и величавый. Онъ высится темными стѣнами, выбѣгая кудрявыми опушками приземистой березы и рябины; почва подъ нимъ безтравна, вся усѣяна гніющими хвоями и какъ бы крѣпко убита, хотя здѣсь и пастухи рѣдко проходятъ. Стволы хвойныхъ деревъ ровны и прямы; вѣтви, особенно у старыхъ деревъ, увѣшаны длинною бахрамой, какъ будто сѣдою бородой; это лишайникъ (Usnæa barbata) который водится и у насъ подъ Москвою. Но какая разница! Здѣсь длина его рѣдко достигаетъ одного фута, тамъ же виситъ онъ волокнистыми гирляндами въ аршинъ и болѣе. Подойдя ближе къ безлѣснымъ скатамъ, издали блестящимъ на солнцѣ, находимъ, что тутъ цѣлыя куртины пьянишника (Rhododendron ponticum) и лавровишенника. Весною, когда пьянишникъ зацвѣтетъ своими обильными, крупными лиловыми цвѣтами, а лавровишенникъ распустится цѣлыми кистями бѣлыхъ цвѣтковъ, тогда густой миндальный ароматъ стоитъ въ воздухѣ. Лѣтомъ же скаты, какъ чешуею, покрыты одними блестящими листьями.

За березовыми опушками разстилаются горные луга: ни одной тропинки незамѣтно въ этомъ морѣ цвѣтистой травы.

Когда, послѣ длиннаго пѣшаго перехода по лѣсамъ, передо мною вдругъ открылась вольная даль съ зеленѣющими вершинами холмовъ; когда съ ближайшей горы, еще хранившей снѣжное пятно, пахнулъ мнѣ въ лицо свѣжій вѣтеръ и принесъ разнообразные ароматы всѣхъ травъ, засіявшихъ передо мною яркими красками цвѣтовъ своихъ, чувство восторга овладѣло мною, и я въ какомъ-то особомъ упоеніи бросился на этотъ душистый коверъ Какое богатство формъ и колеровъ! Вотъ хорошенькое растеніе, въ первый разъ найденное въ Малой Азіи старымъ Турнефоромъ, который назвалъ его *слоникомъ* (Elephas). Каждый цвѣтокъ дѣйствительно походитъ на слоновую голову, въ безконечной миніатюрѣ: тутъ и хоботъ, тутъ и уши, и даже глазки. Одинъ видъ съ желтыми, другой съ оранжевыми цвѣтами. Какія великолѣпныя буковицы (1)! Цвѣты у нашихъ русскихъ величиною едва превосходятъ одну треть вершка, а у этихъ длинные темнорозовые вѣнчики доходятъ чуть не до двухъ верш-

(1) Betonica grandiflora.

ковъ въ длину. Бездна лиловыхъ астръ (1), звѣробой (2) съ большими гладкими листьями и крупными золотыми цвѣтами; чудныя скабіозы (3), съ голубыми головками, величиною съ центифольную розу; и еще сотни другихъ цвѣтовъ, изъ которыхъ удалось мнѣ собрать лишь немногіе. Въ этихъ же мѣстахъ цвѣтутъ въ другое время сильно-пахучія лиліи, до того высокія и обильныя большими цвѣтами, что мнѣ случилось сорвать экземпляръ въ ростъ человѣческій, украшенный двадцатью пятью цвѣтами. Тутъ же встрѣтите большіе піоны (4), знаменитую розовую персидскую ромашку (5) и проч. и проч.

Здѣсь гдѣ-то пасутся стада и табуны, но они такъ растеряны въ этой обширной горной пустынѣ, что о нихъ и слуха нѣтъ. Мимоходомъ я видѣлъ жилье, устроенное пастухами подъ защитою вѣковыхъ деревъ; но оно походило скорѣе на берлогу чѣмъ на человѣческое жилище: ни мнѣ, ни спутникамъ моимъ, и въ голову не пришло зайдти туда.

Съ какою жадностію смотрѣлъ я на эти мѣста, сколько прекрасныхъ дней надѣялся и намѣревался провесть здѣсь! Но судьба распорядилась иначе: я вынесъ съ собою, изъ влажныхъ и горячихъ долинъ, жестокую лихорадку, которая какъ нарочно разразилась тутъ, среди безпріютной пустыни. На насъ густымъ туманомъ вдругъ набѣжали тучи, на сквозь промочившія насъ своею ѣдкою сыростію. Кое-какъ нашли мнѣ лошадь, привязали на нее обломокъ сѣдла и на него взгромоздили меня. Со мною былъ тогда русскій мой слуга и два Гурійца, оба послѣдніе — презамѣчательныя лица, типы чисто дѣвственные. Одинъ изъ нихъ сопровождалъ меня въ качествѣ тѣлохранителя. То былъ проворный малый, смуглый, кудрявый, съ блестящими глазами, нѣсколько знавшій по русски; онъ былъ мелкій туземный дворянинъ, *или азнауръ;* всегда веселый, готовый на всякую услугу, смѣльчакъ и силачъ. Другой, простой крестьянинъ, жившій при самомъ входѣ въ дѣвственный лѣсъ, замѣнялъ мнѣ вьючную лошадь. Онъ несъ на спинѣ огромную кипу бумаги для сушенія моихъ растеній, и нѣкоторые другіе пожитки. Этотъ человѣкъ, кроткій и добродушный, нимало не тяготился своею ношею, и былъ крайне благодаренъ за скудное вознагражденіе, которое я въ состояніи былъ дать ему.

---

(1) Aster amellus. (2) Hypericum perfoliatum. (3) Scabiosa caucasica. (4) Pæonia corallina. (5) Pyrethrum roseum.

Несмотря на лихорадку, которая едва позволяла мнѣ держаться въ сѣдлѣ, а иногда и вовсе не дозволяла, я еще ближе познакомился съ дѣвственными лѣсами горной Гуріи.

Крутизна скатовъ, безпорядочное накопленіе гніющихъ стволовъ, мѣстами сплошныя чащи кустарниковъ, стоящія на подобіе толстыхъ плетней, все это чрезвычайно затрудняетъ путника, что и пришлось мнѣ подробно испытать на себѣ. Хилый конь мой безпрестанно скользилъ; двадцать разъ былъ бы онъ въ пропасти, вмѣстѣ съ обезсилѣвшимъ сѣдокомъ, еслибы вѣрный мой тѣлохранитель не подоспѣвалъ на помощь: одною рукой держалъ онъ меня, валящагося на сторону какъ бездушное тѣло, другою подталкивалъ лошадь, упираясь въ нее колѣномъ. Не разъ удержалъ онъ ее на скользкой стремнинѣ—увы! за хвостъ...

Носильщикъ убѣдительно просилъ меня заѣхать къ нему домой; я долженъ былъ уступить добродушному Гурійцу. Гнѣздо его преживописно лѣпилось на горномъ гребнѣ, въ тѣни буковъ и тиссовъ. Домикъ этотъ, сколоченный изъ широкихъ каштановыхъ досокъ, съ высокою, острою крышею изъ того же дерева, потемнѣвшаго отъ времени, такъ что оно приняло красивый коричневый цвѣтъ, украшенъ былъ вьющимися *лоби,* или турецкими бобами, и даже виноградомъ.

Подъ навѣсомъ, передъ дверьми, замѣняющими здѣсь и окна, встрѣтила насъ жена хозяина. Она держала на рукахъ полнаго, румянаго ребенка, котораго тутъ же спустила на полъ. Эта молодая женщина представляла чистѣйшій типъ гурійской красоты: темно-каштановые волосы, ослѣпительная бѣлизна лица и обнаженной груди; правильность тонкихъ чертъ, длинныя рѣсницы, оттѣняющія прекрасные черные глаза, кротко и смѣло на насъ смотрѣвшіе, простота и грація тѣлодвиженій. Все это однако же не производило на меня большаго впечатлѣнія, потому что неумолимая лихорадка въ самую эту минуту сводила мнѣ челюсти и жужжала въ ушахъ. За то тѣлохранитель мой повидимому очень хорошо понималъ и сознавалъ красоту нашей хозяйки: онъ тотчасъ вступилъ съ нею въ веселый разговоръ, и оба очень много смѣялись.

Дѣвственная пустыня еще повсюду царствуетъ за Кавказомъ. Населеніе вообще весьма рѣдко, но и тамъ, гдѣ есть жилье человѣческое, страна не всегда теряетъ свой дѣвственный характеръ, ибо хищническіе аулы горцевъ отзываются еще чѣмъ-то первобытнымъ, и походятъ скорѣе всего на логовища сообща живущихъ дикихъ звѣрей. Земли вокругъ нихъ по большей части не рас-

паханы, сады заросли, и садовый ножъ никогда не касается плодовыхъ деревьевъ, которыя разрастаются вольно и приносятъ обильную жатву полудикихъ плодовъ. Рубка лѣса производится исподволь, по мѣрѣ надобности рѣдкихъ обитателей, бродящихъ по ущельямъ и горнымъ проходамъ и крадущихся втихомолку къ христіянскимъ селеніямъ, болѣе образованнымъ и богатымъ.

Первобытные лѣса западнаго и сѣверо-западнаго Закавказья доходятъ до самаго Тифлиса, а за нимъ къ сѣверо-западу сливаются съ дремучими чащами, обиталищемъ горскихъ племенъ, переходятъ за струи звонко бѣгущихъ по камнямъ Алазани и Іоры, за городки, стоящіе передъ входомъ въ хищническія страны; на ветхихъ стѣнахъ городковъ этихъ путешественникъ съ ужасомъ видитъ пригвожденныя человѣческія руки, а на базарахъ жители съ кликами разносятъ обезображенныя головы Чеченцевъ... Побѣдные трофеи христіянъ! (1).

Верстъ за тридцать на западъ отъ Тифлиса начинаются уже горные лѣса, не разъ мною посѣщенные. Особенно хорошо тамъ весною.

Однажды передъ разсвѣтомъ одинъ изъ близкихъ пріятелей моихъ выступилъ изъ Тифлиса съ ружьемъ въ рукахъ и съ собакою за пятами, направляясь къ лѣсистымъ горамъ. Солнце было уже высоко, когда онъ вошелъ въ древесную чащу. Время года было раннее, и хотя дикіе яблони и груши уже отцвѣли, но земля была покрыта пахучими фіялками. Лѣсъ становился все гуще и гуще, тропинка исчезла, и трудно было пробираться по крутизнѣ, усѣянной кругляками и множествомъ гніющихъ вѣтвей. Притомъ же яблони и груши, мѣстами составляющія здѣсь главную часть лѣса, до того извиваются и перепутываются вѣтвями, что безпрестанно задѣваютъ за платье, лѣзутъ въ лицо и упираются въ грудь.

Оглянувшись назадъ, охотникъ увидѣлъ лишь частые стволы да верхушки деревъ, а за ними вдалекѣ широкую равнину Куры,

---

(1) Дикіе обычаи дѣвственной старины до того еще распространены въ томъ краю, что даже въ самомъ Тифлисѣ появляются иногда кровавые трофеи, подобные тѣмъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Такъ я самъ видѣлъ голову смѣлаго, предпріимчиваго и свирѣпаго Хаджи-Мурата, выставленную на показъ въ одномъ публичномъ зданіи. Этого самаго Хаджи-Мурата, нѣкогда добровольнаго плѣнника, не разъ видалъ я въ тифлисскомъ театрѣ, въ итальянской оперѣ!..

извилины которой терялись въ туманѣ. Далѣе неясно громоздились зданія Тифлиса.

Наконецъ показались стволы буковъ, растущихъ на гребнѣ хребта, и кусты піоновъ блеснули своими яркорозовыми цвѣтами. Еще нѣсколько шаговъ, и охотникъ увидѣлъ самый гребень горы. Толстые буковые стволы уже не сливались съ близкою листвою, а рѣзко рисовались на отдаленномъ горизонтѣ; широкія вѣтви ихъ шумѣли отъ свободнаго напора вѣтра, листва же пропускала вольный свѣтъ, обильно изливавшійся съ безоблачнаго неба. Подъ однимъ изъ такихъ деревьевъ лежали олень и лань; спокойно жевали они свою жвачку, поводя чуткими ушами. Удержавъ собаку, которая было бросилась впередъ, пѣшеходъ нашъ долго любовался красивою четою. Въ то время, какъ самъ онъ послѣ мнѣ признался, ему и въ голову не приходило, что онъ охотникъ и слѣдовательно въ нѣкоторомъ смыслѣ *обязанъ* стрѣлять въ этихъ животныхъ. Когда же, ступивъ впередъ, онъ зашумѣлъ сухими листьями и вѣтвями, тогда олени вскочили на ноги; съ секунду простоявъ какъ вкопаные, они пристально взглянули на него своими темными, глубокими глазами, и бросившись въ чащу, мгновенно исчезли.

Не безъ вздоха сожалѣнія, продолжалъ мой пріятель, упустивъ изъ вида этихъ красивыхъ обитателей дикой горной мѣстности, сѣлъ я подъ тѣнь буковаго дерева, чтобъ отдохнуть послѣ труднаго подъема на крутизну. Собака моя, отказавшись отъ дальнѣйшаго преслѣдованія оленей, воротилась, высунувъ языкъ, и облизывала царапины на ногахъ своихъ. Я начиналъ чувствовать, какъ силы мои возстановлялись свѣжимъ горнымъ воздухомъ; величавый гулъ листьевъ, колебавшихся въ вышинѣ надъ моею головою, видъ зеленаго моря кудрявыхъ вершинъ древесныхъ, волновавшихся у меня подъ ногами, производили на меня успокоительное дѣйствіе. Я наслаждался своимъ уединеніемъ и уже совершенно погрузился въ безмолвное созерцаніе, какъ вдругъ уединеніе мое было прервано, хотя мимолетнымъ, но до того тяжелымъ видѣніемъ, что оно навсегда врѣзалось въ моей памяти.

Собака моя внезапно привстала и насторожила уши; я насильно уложилъ ее на землю, схвативъ за ошейникъ и заставивъ молчать. Послышался легкій шорохъ, и на гребнѣ горы, между двумя колоссальными буками, рѣзко рисуясь на синевѣ свѣтлаго неба, показалась человѣческая фигура. Я весь превратился во вниманіе. Голова этого человѣка была обрита, черные усы и густая борода въ безпорядкѣ окаймляли блѣдное, желтоватое лицо съ впалыми

щеками; мутно свѣтились глаза изъ-подъ нависшихъ бровей. Шатаясь и поспѣшно оглядываясь, подошелъ онъ и облокотился на пень. Оборванная одежда его едва прикрывала наготу тѣла; открытая, мохнатая грудь была такъ худа, что на ней ясно обозначалось начало реберъ. Онъ тяжко опустился на одно колѣно и сталъ торопливо снимать съ ноги обвивавшую ее грязную тряпицу.

Подъ тряпицею была черная, зіяющая рана. Пошаривъ въ полуразвалившемся карманѣ, онъ досталъ оттуда горсть пороху, посыпалъ имъ рану и началъ быстро ее завязывать... Все это въ нѣсколько минутъ совершилось передъ моими глазами, но видъ этого несчастнаго навсегда остался въ моей памяти. Онъ приподнялся, оглянулся вокругъ, глаза его, встрѣтившись съ моими, сверкнули мрачнымъ блескомъ, а рука спустилась на рукоять тяжелаго кинжала, торчавшаго изъ-подъ рубища. Однако, видя, что я не болѣе какъ охотникъ, и притомъ замѣтивъ мое ружье, онъ съ прежнею поспѣшностію, шатаясь и хромая, сталъ спускаться подъ гору и скрылся въ густотѣ лѣса.

Кто былъ этотъ таинственный бѣглецъ, можно дагадаться, если сообразить, что горный отрогъ, по которому онъ пробирался, примыкаетъ къ главному Кавказскому въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются аулы не-мирныхъ горцевъ. Охотникъ нашъ подсмотрѣлъ одну изъ тайнъ дѣвственнаго лѣса...

II

Если теперь отъ береговъ Каспійскаго моря податься еще болѣе на востокъ, то умѣренныя страны громаднаго азіятскаго материка представятъ намъ необозримыя дѣвственныя пустыни; но онѣ еще слишкомъ мало извѣстны, притомъ же цѣль наша не состоитъ въ обозрѣніи природы по поясамъ, мы пробуемъ только нѣсколькими чертами передать читателю дѣйствительное впечатлѣніе дѣвственныхъ странъ.

Сѣверные лѣса, занимающіе обширныя пространства въ европейской Россіи и въ Сибири и переходящіе на материкъ Америки, могутъ по всей вѣроятности считаться первобытными. Если лѣса эти не представляютъ того разнообразія, какимъ отличаются, напримѣръ, лѣса Закавказья, за то среди нихъ человѣкъ можетъ по крайней мѣрѣ считать себя въ большей безопасности.

Населеніе тамъ еще рѣже, но фанатизмъ туземныхъ дикарей менѣе свирѣпъ. Самые звѣри здѣсь не такъ опасны: неуклюжій, питающійся большею частію плодами медвѣдь и волкъ не могутъ сравниться съ гіеною, барсомъ и особенно тигромъ, которые заходятъ до прикаспійскихъ и пріаральскихъ камышей.

Сѣверная природа вообще отличается скромною красотою: величіе лѣсовъ ея заключается въ простотѣ формъ и нѣкоторый правильности, бросающейся съ перваго раза въ глаза; тутъ мало рѣзкаго, необыкновеннаго; гармонія размѣровъ и очертаній не представляетъ сложности. Безконечною колоннадою тянутся хвойные лѣса, подлѣска вовсе нѣтъ, и чащу составляютъ не колючіе кустарники и вьющіяся растенія, а молодые подростки, тѣсною семью подымающіеся между дряхлыми деревьями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ старый лѣсъ погибъ отъ бури или ветхости.

Хвойныя деревья растутъ вообще медленно, но, тѣмъ не менѣе, въ тѣхъ мѣстахъ куда еще не проникла цивилизація, стволы ихъ достигаютъ непомѣрной вышины. Такъ въ лѣсахъ Сѣверной Америки встрѣчаются ели въ 25 саженей вышиною; вѣтви ихъ начинаются при самомъ основаніи ствола, образуя такимъ образомъ пирамиду темной зелени, съ любую сельскую колокольню, а иногда и выше. Въ тѣхъ же лѣсахъ лиственница достигаетъ тридцати саженей и представляетъ отъ основанія до половины гладкій нераздѣльный стволъ почти въ сажень въ отрубѣ. Нѣкоторыя изъ сосенъ (1) тѣхъ мѣстъ дотого пропитаны смолою, что если въ сухой лѣтній день на одну изъ нихъ падетъ молнія, то она внезапно воспламеняется снизу до верху, какъ пороховой столбъ. Еще громаднѣе американскіе *тиссы* (2). Но всѣ эти великолѣпныя деревья могутъ существовать въ настоящемъ ихъ видѣ лишь до того времени, пока первобытная дѣвственность лѣсовъ, ими составляемыхъ, не будетъ нарушена предпріимчивостью человѣка; уже близко время, когда они, вмѣсто того чтобы дряхлѣть, неподвижно прозябая въ пустынѣ, займутъ почетныя мѣста на корабляхъ и, одѣвшись парусами гордо понесутъ голубой со звѣздами флагъ свободной Америки или львовъ могучей Британіи.

Для дѣвственныхъ странъ сѣвера, впрочемъ, травная растительность можетъ-быть болѣе характерна нежели древесная, ибо однолѣтнія растенія не только жаркихъ, но и теплыхъ странъ,

---

(1) Pinus ponderosa. (2) Thuja gigantea.

въ концѣ весны уже совершенно высыхаютъ, и луга встрѣчаются тамъ только на высокихъ горныхъ скатахъ. Наши же травныя степи, а особенно поемные луга, зеленѣютъ и цвѣтутъ все лѣто.

Кому не случалось слышать о ростѣ сибирскихъ травъ: путникъ, заснувшій на нѣсколько часовъ на мягкомъ бархатѣ весенней травы, просыпается опутанный высокими стеблями и длинными листьями! Эта народная гипербола дѣйствительно отчасти оправдывается гигантскими размѣрами однолѣтнихъ растеній нѣкоторыхъ сѣверныхъ луговъ. Таковы луга на полуостровѣ Камчаткѣ, коего климатъ умѣряется морскими вѣтрами. Въ нѣсколько недѣль вырастаютъ тамъ травы и однолѣтніе кустарники въ сажени полторы вышиною, удлинняясь такимъ образомъ ежедневно на нѣсколько вершковъ. Кустарники приземистаго ивняка, виднѣвшіеся въ началѣ весны, совершенно скрываются въ травной чащѣ : крапива здѣсь выростаетъ выше человѣческаго роста, также какъ кипрей или иванъ-чай (1). Особенно же замѣчательны камчатская таволга (2) съ своими обильными бѣлыми цвѣтами и широкими лапчатыми листьями, и красивыя лилейныя: *сарана* (3), съ крупными красными цвѣтами и съѣдобною луковицею, камчатская лилія (4) и голубоцвѣтный касатикъ. Травы камчатскія такъ густы и высоки, что путникъ, принужденный пробираться черезъ нихъ цѣликомъ (ибо дорогъ или вовсе нѣтъ, или онѣ совершенно зарастаютъ), долженъ держаться береговъ рѣкъ и съ величайшею осторожностію переходить отъ одной изъ нихъ къ другой: ничего нѣтъ легче какъ здѣсь заблудиться, особенно если неосмотрительно пускаться по тропамъ, протоптаннымъ, или, лучше сказать, промятымъ медвѣдями, главными обителями этихъ дѣвственныхъ луговъ. Въ концѣ лѣта, когда растенія достигли своего полнаго роста, они истинно поразительны; трудно представить себѣ, чтобы подобные стволы могли вырости въ короткое лѣто и еще на сѣверѣ: таковы напримѣръ огромные *барщевики*, зонтичныя травы, представляющіяся настоящими деревьями, такова камчатская таволга, о которой мы уже упомянули.

---

(1) Epilobium angustifolium, растущій повсюду въ Россіи и употребляемый на поддѣлку чая. (2) Spiræa kamtschatica. (3) Fritillaria sarana. (4) Lilium kamtschaticum.

III.

Но если жителю сѣвера трудно представить себѣ картину дѣвственныхъ странъ холоднаго пояса, то какъ долженъ онъ напрягать свое воображеніе, чтобы составить себѣ живое понятіе о дѣвственныхъ лѣсахъ жаркихъ странъ!

Теплицы и оранжереи наши представляютъ правда многія изъ тѣхъ растеній, которыя встрѣчаются въ жаркихъ странахъ; звѣринцы полны животныхъ, обитающихъ между этими растеніями. Но чтобы по такимъ образчикамъ составить себѣ понятіе о настоящемъ, нужно мгновенно и единовременно, силою творческой фантазіи, раздробить смѣсь тепличныхъ растеній, распредѣливъ ихъ по тѣмъ поясамъ и участкамъ, гдѣ они водятся, превратить притомъ двухъ-вершковыя травы въ саженныя, а саженныя деревца въ стофутовыя деревья, и все это въ необъятномъ изобиліи, въ непостижимой, своенравной, но гармонической смѣси; надо мысленно предать себя томящему жару подъ открытымъ небомъ и прохладѣ подъ сводами вѣковыхъ деревъ, мысленно вытерпѣть ослѣпительный блескъ тропическаго солнца, и потомъ представить себѣ мракъ лѣсовъ, и ревущій потокъ, переполненный полугодовымъ ливнемъ, и тысячи незнакомыхъ звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ одной теплицѣ, ни въ одномъ звѣринцѣ.

Три главныя черты характеризуютъ тропическій лѣсъ: огромность старыхъ деревъ, необыкновенное разнообразіе формъ, и густота, непроходимая чаща, какъ вьющихся растеній, такъ и тѣхъ, которыя составляютъ подлѣсокъ.

Деревья умѣренныхъ странъ только изрѣдка достигаютъ въ своихъ стволахъ той толщины, которая вовсе не рѣдкость подъ тропиками. Притомъ же большая часть тропическихъ деревьевъ постоянно одѣта листьями, смѣняющимися лишь постепенно новыми листьями, часто весьма большими, жесткими и глянцовитыми. Цвѣтутъ эти деревья весьма рѣдко, въ нѣсколько лѣтъ одинъ разъ, но за то цвѣты ихъ очень крупны и необыкновенно красивы. Вѣтви начинаются обыкновенно на большой высотѣ, такъ что невозможно достать ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Корни часто выходятъ изъ земли въ видѣ изогнутыхъ столбовъ, выпирая кверху громадные стволы и образуя своды, подъ которыми иногда можетъ скры-

ваться всадникъ съ своею лошадью Щели этихъ корней, а также и малѣйшія разсѣлины стволовъ, содержатъ цѣлый міръ травъ, черпающихъ изъ нихъ свою пищу или пользующихся землею, накопившеюся въ ихъ углубленіяхъ. На развалинахъ вѣтвей и на самыхъ вѣтвяхъ, въ вышинѣ, также гнѣздятся различныя растенія, свѣшивая оттуда яркія гроздья чудныхъ по формѣ, ароматныхъ цвѣтовъ своихъ.

Перечислять и описывать деревья нѣтъ никакой возможности; мы попробуемъ дальше разказать нѣчто о самыхъ характерныхъ изъ нихъ; теперь замѣтимъ, что они естественно не могутъ расти часто, но тѣмъ не менѣе вѣтви и шумящая листва ихъ сдвигаются въ вышинѣ, и подъ навѣсомъ ихъ вырастаютъ милліоны другихъ деревъ меньшихъ размѣровъ, кустарниковъ и травъ.

Чаща особенно увеличена вьющимися растеніями, или ліанами. Ліаны тропическихъ лѣсовъ относятся къ нѣсколькимъ растительнымъ семействамъ. Онѣ ближе всего подходятъ по характеру своему къ виноградной лозѣ, имѣя деревянистые, гибкіе стебли, сдерживаемые въ вертикальномъ положеніи лишь помощью другихъ деревъ.

Вотъ главныя черты тропическихъ лѣсовъ. Для того чтобы читатель могъ составить себѣ о нихъ болѣе опредѣленное и живое представленіе, мы перенесемъ его въ южную Америку. Тамъ остановимъ мы его вниманіе на той странѣ, которая по превосходству можетъ назваться страною дѣвственной природы: я говорю о равнинѣ, орошаемой Амазонскою рѣкой съ ея притоками.

Представьте себѣ величавую рѣку, начавшуюся у Мадрита и вливающуюся въ море при Петербургѣ, вообразите, что въ этотъ главный потокъ вливается множество громадныхъ притоковъ, и тогда получите понятіе о величинѣ бассейна Амазонской рѣки, занимающаго площадь равную двумъ третямъ Европы. Неселеніе же этого огромнаго пространства едва равняется населенію одной изъ нашихъ многолюдныхъ губерній; состоитъ оно изъ полудикихъ или полуобразованныхъ Испанцевъ и совершенно дикихъ Индійцевъ.

Одною изъ причинъ долговременной дѣвственности равнины, омываемой Мараньйономъ, должно считать жаркій климатъ и непроходимые лѣса, наводненные въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Но главнѣйшая тому причина все же лежитъ въ характерѣ католическихъ Испанцевъ, которые и въ Сѣверной Аме-

рикѣ не въ состояніи укрѣпиться на прочныхъ основаніяхъ гражданственности, между тѣмъ какъ англо-саксонское и германское племена такъ мужественно и успѣшно борются съ силами природы. Вотъ что говоритъ путешественникъ Уалласъ, приблизившись къ устью Мараньйона:

«Съ какимъ-то священнымъ ужасомъ и удивленіемъ взирали мы на эту могучую и знаменитую рѣку. Насъ поражала мысль, что передъ нами стремятся воды, собранныя на протяженіи 3.000 миль, что передъ нами скопились онѣ въ эту желтоватую, влажную равнину, со всѣхъ рѣкъ, начинающихся отъ снѣжныхъ Андскихъ вершинъ и тянущихся слишкомъ на 1.200 миль. Венесуэлла, Колумбія, Экуадоръ, Перу, Боливія и Бразилія — шесть государствъ, занимающихъ пространство, превосходящее всю Европу, и каждое принесло свою дань для образованія могучаго потока, и дружелюбно принимало его на рамена свои.»

Всего болѣе поражаютъ въ Амазонской рѣкѣ огромная поверхность ея гладкихъ и спокойныхъ водъ, блѣдно желтоватый цвѣтъ ихъ и широкія окраины, покрытыя водяными пловучими растеніями и прибрежными травами. Отъ нихъ часто отрываются куски, въ видѣ плавающихъ острововъ. Не менѣе поразительны несчетное количество вѣтвей, плодовъ и листьевъ, которые несутся по теченію, и прекрасные, ровные берега, одѣтые непрерывными лѣсами. Совершенно особый и странный видъ придаютъ этимъ берегамъ бѣлые стволы и листья цекропій, также какъ темные пни древесные, образующіе живую стѣну вдоль по берегу.

Какая кипучая жизнь царствуетъ на этомъ гигантскомъ потокѣ! Несчетныя стаи попугаевъ, большихъ желтыхъ и красныхъ индійскихъ вороновъ перелетаютъ черезъ рѣку утромъ и вечеромъ, испуская громкіе крики. Множество разныхъ аистовъ и другихъ птицъ наполняютъ прибрежныя болота, а большая красивая утка плаваетъ въ заводьяхъ и около береговъ (Chenabole jubata). Самыя же характеристическія птицы Амазонской рѣки — чайки и морскія ласточки, которыя стаями вьются надъ ея водами. Всю ночь слышатся ихъ крики, на песчаныхъ отмеляхъ, гдѣ онѣ кладутъ свои яйца, а днемъ привлекаютъ онѣ вниманіе путешественника особымъ способомъ перемѣщенія своего: двѣнадцать или двадцать штукъ усаживается рядкомъ на пловучей вѣтви и такимъ образомъ подвигаются по теченію, на протяженіи многихъ миль. Во все продолженіе своего плаванія сидятъ онѣ такъ чинно и тихо, что можно подумать будто заняты и не

вѣсть какимъ важнымъ дѣломъ. Птицы эти кладутъ яйца въ песокъ. Индійцы увѣряютъ, что днемъ онѣ поливаютъ ихъ водою, которую носятъ туда во клювѣ, опасаясь, чтобъ яйца не испеклись подъ жгучими лучами солнца.

Кромѣ того, встрѣчается множество нырковъ, черепахъ и аллигаторовъ, медленно плывущихъ по теченію.

Рѣки бассейна Амазонской рѣки вообще заключаютъ въ себѣ много особеннаго. Одна изъ этихъ особенностей выражается въ цвѣтѣ ихъ водъ. Иныя прозрачны и отражаютъ голубое небо, почему называются голубыми; другія, какъ напримѣръ Ріо-Бранко, катятъ воды бѣлыя, какъ бы молочныя, или какъ Ріо-Негро—темныя будто чернила, въ глубокихъ мѣстахъ; на болѣе мелкихъ мѣстахъ отливаютъ онѣ золотомъ и сохраняютъ даже въ стеклянной посудѣ буроватый цвѣтъ. Рѣзко отдѣляется на нихъ бѣлая пѣна водопадовъ и бурныхъ валовъ. Сама Амазонская, на нѣкоторомъ протяженіи, отъ истока до впаденія въ нее Уаіякали, имѣетъ буроватый цвѣтъ; далѣе становится она прозрачною и желтоватою.

Причина окрашиванія воды рѣкъ басейна Мараньйона заключается въ свойствѣ почвы, по которой онѣ текутъ и гдѣ начинаются.

Такъ Ріо-Бранко протекаетъ по бѣлому известняку и, содержа въ себѣ частицы его, принимаетъ бѣловатый цвѣтъ. Ріо-Негро и многіе изъ ея притоковъ не только протекаютъ, но и начинаются среди непроходимыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ: воды, собирающіяся мало-по-малу для образованія этихъ рѣкъ, просачиваются чрезъ толстые слои гніющихъ растительныхъ остатковъ, отъ которыхъ и получаютъ свой темный цвѣтъ.

Прозрачныя рѣки напротивъ текутъ или начинаются въ гранитной почвѣ или между другими твердыми породами.

Не менѣе замѣчателенъ приливъ и отливъ въ устьяхъ Амазонской. Во время полнолуній и новолуній, когда явленіе это особенно сильно, въ устье рѣки набѣгаетъ огромная поперечная волна. Съ ужаснымъ шумомъ и трескомъ бѣжитъ она противъ теченія и бушуя заливаетъ окрестность. За первою волною слѣдуетъ еще нѣсколько, затѣмъ воды рѣки текутъ обратно. Приливъ чувствуется до Обидоса, то-есть за 500 миль отъ устья. Явленіе это, происходящее отъ столкновенія двухъ противоположныхъ потоковъ, называется въ Бразиліи *пиророко*.

Сила теченія и огромность водяной массы Амазонской рѣки всего лучше выражается тѣмъ, что въ обыкновенное время, внѣ

приливовъ, рѣка несетъ свои прѣсныя воды на 150 миль отъ своего впаденія въ океанъ, среди котораго онѣ легко распознаются по цвѣту и по множестру ила, вѣтвей, листьевъ, плодовъ и проч., которые ими увлекаются.

Дѣйствительно, рѣка, имѣющая 2740 англійскихъ миль въ длину и принимающая такіе притоки, какъ напримѣръ Ріо-Негро, ширина котораго доходитъ мѣстами до 20 миль, сама уподобляется внутреннему морю.

Время разлива Амазонской начинается въ концѣ декабря или въ январѣ, продолжается до средины іюня. Тогда воды ея сильно надуваются и заливаютъ огромныя пространства, поросшія дѣвственными лѣсами. Такія наводненныя пространства Индѣйцы называютъ *гапо;* по нимъ-то, пробираясь между стволами деревъ, Индійцы направляютъ свои легкія лодки, переплываютъ отъ одной рѣки до другой и тѣмъ избѣгаютъ быстрины главныхъ потоковъ.

Огромностью басейна Амазонской рѣки причиняется еще то странное явленіе, что рѣки его разливаются въ разное время. Такъ, во время разлива Амазонской, Ріо-Негро продолжаетъ убывать до февраля или марта; тогда начинаются дожди по теченію этого притока, и воды его вдругъ подымаются До этого же времени прибывающая вода Амазонской рѣки напираетъ въ устье Ріо-Негро, превращая послѣднюю въ огромное озеро съ стоячими водами.

По берегамъ этихъ-то громадныхъ рѣкъ простирается толща самой плодородной земли, заросшей большею частію непроходимыми дѣвственными лѣсами.

Жизнь рѣдкихъ обитателей этихъ странъ находится въ совершенной гармоніи съ окружающею природою: жилища, промыслы, торговля, все отзывается дикостью, патріархальностью, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, едва замѣтнымъ отблескомъ дряхлой испанской цивилизаціи. Обстоятельства здѣсь почти въ томъ же положеніи, въ которомъ были они тому назадъ лѣтъ за сто.

Далѣе мы приведемъ нѣсколько чертъ изъ жизни обитателей береговъ Мараньйона; теперь же познакомимъ читателя съ нѣкоторыми изъ растительныхъ формъ этихъ мѣстъ, чтобы дополнить картину дѣвственнаго лѣса, коего коснулись мы лишь въ главныхъ чертахъ.

При устьяхъ экваторіальныхъ рѣкъ и на морскихъ берегахъ взоры путешественника прежде всего поражаются березовыми

лѣсами, состоящими изъ такъ-называемыхъ *ризофоръ* (1). Это деревья съ весьма извилистыми, узловатыми вѣтвями, которыя пускаютъ длинные воздушные корни; достигнувъ илистой, затопленной почвы, такіе корни пускаютъ побѣги, превращающіеся въ новыя деревья. Кромѣ того, длинные плоды ризофоры прорастаютъ на самомъ деревѣ, и уже проросши, падаютъ и укореняются въ землѣ.

Такимъ образомъ происходятъ густые, перепутанные лѣса, защищающіе берега отъ напора волнъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необитаемые. Сырой ихъ воздухъ наполненъ жалящими насѣкомыми; почва повсюду наводнена или превращена въ мягкую трясину: однѣ водяныя птицы, цапли и миріады раковъ, находятъ тамъ себѣ убѣжище. Однакоже смѣлые Индійцы-охотники пускаются туда перепрыгивая съ корня на корень для собиранія вкусныхъ устрицъ, живущихъ на этихъ же погруженныхъ въ воду, корняхъ.

Оставивъ за собою прибрежныя ризофоровыя чащи и вступивъ въ настоящій дѣвственный лѣсъ, Европеецъ опять окруженъ незнакомыми для себя формами, невѣдомою роскошью растительности, обиліемъ гигантскихъ стволовъ и листьевъ.

Хотя самые стволы деревъ и не всегда отличаются снаружи чѣмъ-либо рѣзко оригинальнымъ, но при ближайшемъ осмотрѣ ихъ все ново, все замѣчательно. Семейства, къ которымъ относятся эти деревья, вовсе не тѣ, къ которымъ принадлежатъ наши (2), или если и принадлежатъ къ знакомымъ семействамъ, то отличаются громадностью размѣровъ. Такъ между миртовыми, наиболѣе извѣстными намъ по малорослому мирту, въ бразильскихъ лѣсахъ встрѣчаемъ гигантскія *сапукайи* (3) и *ювіи* (4).

Первое изъ этихъ деревъ называютъ Европейцы *горшечнымъ*. Оно достигаетъ вышины 100 футовъ и поддерживается снизу огромными корневыми дугами, выпирающими его къ верху. Вѣтви его начинаются на большой высотѣ и образуютъ густой шатеръ; листья жестки, глянцовиты и величиною около четверти аршина. Послѣ бѣлыхъ мелкихъ цвѣтовъ образуются большіе плоды, имѣющіе видъ кружекъ и заключающіе въ себѣ вкусныя сѣмена. Изъ плодовъ Индійцы дѣлаютъ разную посуду.

---

(1) Rhizophora Mangle.

(2) Это миртовыя, мимозовыя, сапиндовыя, стеркуліевыя, лавровыя, мальпигіевыя и пр. и пр.

(3) Lecythos ollaria.

(4) Bertholetia excelsa.

Ювія достигаетъ также вышины отъ 100 до 120 футовъ. Вѣтви этого дерева опускаются оконечностями до самой земли и заканчиваются пучками большихъ продолговатыхъ листьевъ. На 15-мъ году ювія цвѣтетъ, покрываясь большими гроздьями золотисто-желтыхъ колокольчатыхъ цвѣтовъ. За цвѣтами въ концѣ марта или началѣ апрѣля слѣдуютъ шаровидные плоды, имѣющіе по футу въ поперечникѣ. Необыкновенно жесткая скорлупа ихъ заключаетъ въ себѣ до 15 или 20 сѣменъ, одѣтыхъ крѣпкою кожурою и весьма вкусныхъ. Сѣмена эти извѣстны у насъ подъ названіемъ *американскихъ орѣховъ*. Они лежатъ въ плодѣ свободно и при малѣйшемъ движеніи вѣтвей производятъ страшный грохотъ.

Необыкновенно любопытна *массерандуба*, или *молочное дерево* (Brosimium galactodendron). Это очень большое дерево, производящее вкусные плоды, величиною съ яблоко. Но всего замѣчательнѣе свойство его обильнаго сока: сокъ этотъ бѣлаго цвѣта и на вкусъ приближается совершенно къ обыкновенному молоку. Поэтому Испанцы и называютъ его *arbor del vacca*. Уалласъ разказываетъ, что въ одномъ домѣ хозяинъ угощалъ его этимъ растительнымъ молокомъ изъ ствола, лежавшаго на дворѣ около мѣсяца. Въ этомъ стволѣ прорѣзали кору на нѣсколькихъ мѣстахъ, и оттуда черезъ минуту собралось большое количество прекраснѣйшиго молока. Массерандубовое молоко уподоблялось густымъ сливкамъ, къ нему подмѣшивалась вода, и послѣ пропусканія сквозь полотно, подавалось оно къ чаю и кофе.

Эти три примѣра безъ сомнѣнія недостаточны, чтобы дать понятіе объ особенности деревъ амазонской равнины. Но если напомнимъ, что эти же страны производятъ самыя драгоцѣнныя строевыя и подѣлочныя деревья, какъ то: красное дерево (Swietenia Mahagoni), *фернамбуковое* (Caesalpinia brasiliana), *якорандовое* (Nissolia cabiuna), *брауновое* (Melanoxylon brauna) и пр., если прибавить, что тутъ же произрастаетъ неоцѣненное по цѣлебному свойству *копайевое* дерево (Copaifera officinalis) и другія цѣлебныя, то уже можно будетъ составить нѣкоторое понятіе о разнообразіи свойствъ древесныхъ породъ амазонскаго бассейна.

Всѣ эти деревья достигаютъ огромныхъ размѣровъ, и не могутъ по этому самому расти близко одно отъ другаго. Между ними остается пространство, занятое болѣе скромнымъ деревцами, кустарниками и травами. Пальмы, возвышающіяся въ лѣсахъ Ориноко и Кассикіаре надъ остальными деревьями, здѣсь,

напротивъ, не пробиваютъ своими легкими, колонннообразными стволами густаго листоваго полога гигантскихъ лѣсныхъ патріарховъ; онѣ скрываютъ свои кудрявыя вершины подъ этимъ общимъ шатромъ вмѣстѣ съ другимъ подлѣскомъ.

Почва первобытнаго лѣса вообще сыра и топка, покрыта гніющими вѣтвями, плодами и заросла безчисленными мелкими травами. Въ этомъ заключается первое препятствіе для путника, другое представляютъ ліаны, о которыхъ я уже помянулъ, и которыя въ Бразиліи называются вообще *сипосами* (cipos). Деревянистые крѣпкіе стебли *бигноніи* (Bignonia), *баугиніи* (Bauhinia), *аристолохіи* (Aristolochia) и другихъ растеній, обвертываютъ собою высокія деревья, перебѣгаютъ съ одного изъ нихъ на другія и принося лишь на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи листья и цвѣты, растягиваются по воздуху подобно канатамъ. Многія изъ нихъ висятъ съ большой вышины и постоянно качаются, скрипя и ударяясь о ближайшіе стволы. Нѣкоторыя не только обвиваютъ деревья, но даже срастаются въ ними, окружая ихъ массою своихъ стеблей; одна *пагубная ліана* (cipo matador) такъ крѣпко сжимаетъ свою подпору, что наконецъ умерщвляютъ ее, держась долгое время на сухомъ стволѣ, когда же тотъ отъ ветхости падаетъ, то она, распростертая на сырой землѣ, вскорѣ сама чахнетъ и умираетъ.

Итакъ надо представлять себѣ внутренность дѣвственнаго экваторіальнаго лѣса въ видѣ безконечной колоннады, опутанной по всѣмъ направленіямъ длинными и крѣпкими веревками ліанъ, которыя сотнями, тысячами стелятся по землѣ, извиваясь какъ змѣи, распадаясь на гніющіе куски и повсюду преграждая путь. Въ вышинѣ та же путаница, тѣ же канаты, тѣ же фестоны, тамъ и сямъ несущіе пучки яркихъ листьевъ и цвѣтовъ.

Теперь вообразите себѣ еще, что большіе стволы деревъ, ихъ обнаженные корни и вѣтви въ вышинѣ усѣяны разными чужеядными растеніями, или такими, которыя довольствуются небольшимъ скопленіемъ земли въ древесныхъ разсѣлинахъ. Между этими чужеядными особенно красивы орхидныя, располагающіяся часто на высокихъ вѣтвяхъ цѣлыми рядами. Эти орхидныя отличаются красотою, стройностью и ароматомъ цвѣтовъ, также какъ особенностью самыхъ листьевъ. Цвѣты нерѣдко ярко-пестрые и вися на легкихъ стебляхъ представляютъ большое сходство съ пестрокрылыми насѣкомыми; листья снабжены при основаніи продолговатыми шишками. Кромѣ орхидныхъ замѣчательны многія аройниковыя своими весьма большими круглыми или стрѣль-

чатыми листьями. Одно изъ нихъ — *випо д'имбо* (Philodendron) растетъ на высокихъ вѣтвяхъ и сбрасываетъ свои воздушные корни почти до самой земли.

На землѣ: нискорослыя пальмы, и множество невысокихъ деревъ, между которыми особенно привлекательны *карезимасы* (Rexia). Какъ стрѣлы подымаются тонкіе ихъ стволы, распуская правильно расположенныя вѣтви свои попарно одна противъ другой; въ такомъ же положеніи сидятъ ихъ овальныя листья, одѣтые снизу густыми жесткими волосками. Листья эти, говоритъ Бурмейстеръ, употребляются цвѣтными красавицами для приглаживанія волосъ. Когда густые, черные, волнистые волосы мулатки достаточно прибраны, тогда цвѣты той же карезимасы служатъ имъ украшеніемъ. Цвѣты эти состоятъ изъ 5 ярко-карминовыхъ сердцевидныхъ лепестковъ и 10 красивыхъ стрѣльчатыхъ тычинокъ. Они образуютъ цѣлыя кисти и до того привлекательны, несмотря на отсутствіе аромата, что ученый путешественникъ не разъ поворачивалъ своего коня назадъ, чтобы только достать часть этихъ пунцовыхъ цвѣтовъ и украситься ими на подобіе мулатокъ.

Если карезимасы поражаютъ своею красотою, то *цекропіи* (1) или по-бразильски *имбаубы*, которыхъ, какъ я сказалъ, особенно много на берегахъ Амазонской, невольно привлекаютъ вниманіе своею странностью. Представьте себѣ гладкій стволъ толщиною только въ четверть аршина, подымающійся до 40 и 60 футовъ. На верхушкѣ качаются, широко раскинувшись, гибкія и рѣдкія вѣтви, несущія по концамъ листья, подобные каштановымъ. Весь стволъ держится внизу на довольно тонкомъ простомъ корнѣ, который выпираетъ его кверху. Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что при малѣйшемъ вѣтрѣ весь стволъ непремѣнно повалится, но оказывается, что онъ необыкновенно легокъ и внутри совершенно пустъ. Пользуясь этимъ, Бразильцы строятъ водопроводныя трубы изъ имбаубовыхъ стволовъ. Черезъ узкія долины тянутся эти природой отработанные водопроводы на высокихъ подставкахъ и изливаютъ содержимое въ водохранилища, расположенныя при домахъ. Такъ какъ дерево имбаубы довольно рыхло, то часть воды испаряется на своемъ пути, а остальная получаетъ чудную свѣжесть.

Въ такомъ то видѣ появляются на Амазонской рѣкѣ растенія,

(1) Cecropia concolor, palmata изъ семейства крапивныхъ.

родственныя нашей крапивѣ. Но не однѣ крапивныя принимаютъ такіе гиганскіе размѣры; самые злаки, скромные злаки, составляющіе наши бархатные луга, низкорослость которыхъ вошла въ пословицу: тише воды, ниже травы; и они подъ экваторомъ подымаются подобно деревьямъ. Таковы бамкуки и вообще злаки близкіе бамбукамъ.

Но ограничимся приведенными примѣрами: несмотря на свою малочисленность, они уже въ состояніи дать пищу воображенію. Но чтобы воображеніе могло вполнѣ разыграться, надо вспомнить, что амазонскіе лѣса скрываютъ въ чащѣ своей милліоны милліоновъ движущихся существъ. Страницы, на которыхъ Александръ Гумбольдтъ начерталъ ночную жизнь животныхъ американскихъ лѣсовъ въ своихъ *Картинахъ природы* (1), безъ сомнѣнія далеко выше всего, что̀ мы можемъ предложить читателю въ этомъ родѣ. Но все же это только эпизодъ, одна величавая сцена эпоса природы, мы же хотимъ и тутъ выставить лишь характеристическія черты мѣстности, о которой идетъ рѣчь.

Густота лѣсовъ экваторіальныхъ до того велика, что среди нея скрываются животныя несравненно лучше нежели среди рѣдкихъ заростей сѣверныхъ и умѣренныхъ странъ. Тишина, царствующая въ этихъ лѣсныхъ пустыняхъ днемъ, пока сильный вѣтеръ или ураганъ не нарушаетъ ея, когда солнце палитъ своими отвѣсными лучами, тишина эта не вообразима для насъ, привыкшихъ къ веселому щебетанію мелкихъ пѣвчихъ птицъ, къ постоянному шороху мелкихъ листьевъ.

Животная жизнь амазонской равнины скопляется или, лучше сказать, дѣлается всего замѣтнѣе для человѣка при рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, однимъ словомъ тамъ; гдѣ разступается лѣсъ, тамъ, гдѣ взоръ свободнѣе можетъ проникнуть. Мы уже сказали нѣсколько словъ о птицахъ на Амазонской рѣкѣ, но существуетъ мнѣніе, что экваторіальныя птицы вообще не отличаются гармоническимъ голосомъ. Это мнѣніе подтверждаетъ между прочимъ ученый зоологъ и путешественникъ Бурмейстеръ. Мы же нашли у Уалласа (2), долго и внимательно плававшаго по Амазонской, Ріо-Негро и Такантину, совершенно противное.

«Мы должны, говоритъ этотъ путешественникъ, отбросить бо-

---

(1) Ansichten der Natur.

(2) Reisen am Amazonestrom und Rio-Negro. Naturwissenschaftliche Berichte von Alfred Wallace. Aus dem Englischen. Cassel 1855.

щепринятое мнѣніе, что тропическія птицы, при всемъ блескѣ своихъ перьевъ, лишены гармоническаго голоса. Многія изъ самыхъ блестящихъ, правда, вовсе не пѣвчія, но здѣсь есть не мало мелкихъ пташекъ, которыхъ можно назвать прекрасными пѣвцами.»

Такое противорѣчіе, вѣроятно, происходитъ отъ того, что оба путешественника, которыхъ слова мы здѣсь приводимъ, были въ разныхъ мѣстахъ; притомъ же Уалласъ въ болѣе пустынныхъ и несравненно менѣе населенныхъ, тамъ гдѣ животная жизнь ни мало еще не стѣснена человѣкомъ.

Хотя впрочемъ тишина тропическаго лѣса иногда и поразительна, но взоръ и тогда открываетъ среди него непрестанную жизнь. Предъ путешественникомъ безпрестанно мелькаютъ чудныя по формамъ и яркости своей насѣкомыя. Бабочки величиною въ двѣ ладони, самаго высокаго лазореваго цвѣта, безъ шуму, прихотливо носятся съ цвѣтка на цвѣтокъ въ сопровожденіи многихъ другихъ. Въ вышинѣ вдругъ слышится нестройный крикъ, и всадникъ, поднявъ глаза, различаетъ небольшое стадо зеленыхъ попугаевъ, которые до его приближенія заняты были въ тишинѣ истребленіемъ плодовъ, совершенно скрытыхъ въ густой и высокой листвѣ. По временамъ раздается отрывистый голосъ *феррадора* (Chasmarhynchus nudicollis), совершенно бѣлой птицы, издающей звукъ подобный стуку молота о наковальню. Къ нему по вечерамъ присоединяется глухое кваканье большой травяной лягушки (Hyla palmata). Густой лиственный навѣсъ скрываетъ также семьи обезьянъ, которыя замѣчаютъ издали приближеніе человѣка и тотчасъ убираются, мгновенно исчезая и испуская пронзительные крики.

Животныя Америки вообще отличаются тѣмъ, что они почти всѣ не способны къ прирученію: такъ всѣ кабаны тѣхъ странъ до сихъ поръ находятся въ дикомъ состояніи и до того скрытны, что присутствіе ихъ большею частію замѣтно лишь слѣдомъ или по шуму, производимому ихъ стадами; американскіе быки-бизоны также еще не покорились человѣку. Однимъ словомъ, большая часть домашнихъ животныхъ Америки вывезена изъ Европы: быки, лошади, свиньи, овцы, козы, куры... Европа, взамѣнъ, получила изъ Америки лишь индѣйскаго пѣтуха.

Чѣмъ страна ближе къ первобытному состоянію, тѣмъ, безъ сомнѣнія, менѣе искусственнаго въ самыхъ промыслахъ ея обитателей; равнина Амазонской рѣки подтверждаетъ это вполнѣ.

Такъ на островѣ Мехіанѣ въ устьѣ Амазонской, также какъ

во многихъ другихъ мѣстахъ по теченію этой рѣки, производится до сихъ поръ ловля аллигаторовъ, этихъ огромныхъ, безобразныхъ и нерѣдко опасныхъ ящеровъ, между тѣмъ какъ цивилизація удалила крокодиловъ даже изъ Нила!

Весьма интересно разказываетъ Уалласъ о ловлѣ аллигаторовъ въ озерѣ, находящемся на срединѣ острова Мехіаны. Разказъ этотъ здѣсь не лишній, тѣмъ болѣе, что онъ характеризуетъ и природу и жизнь тѣхъ отдаленныхъ странъ.

Рано утромъ, взявъ съ собою трехъ негровъ, Уалласъ пустился на лодкѣ по Амазонской рѣкѣ съ намѣреніемъ объѣхать островъ и пристать къ его берегу, ближайшему отъ внутренняго озера.

Часовъ въ 10 вступили они въ *игарипе* (1), которая сначала была шаговъ въ 2000 шириною, но потомъ стала постепенно съуживаться и доходила мѣстами отъ 80 до 50 шаговъ. Уалласъ наслаждался видомъ растительности, которая здѣсь превосходила все, что онъ до тѣхъ поръ видѣлъ. Съ каждымъ поворотомъ рѣки представлялось что-либо новое. То колоссальный кедръ, нависшій надъ водами, то гигантское *бумажное дерево* (2), выдвигавшееся подобно великану изъ среды лѣсныхъ деревьевъ.

Граціозныя пальмы, *ассаи* (3), возвышались тамъ и сямъ кучками: однѣ изъ нихъ держали свои стволы прямо, какъ стрѣлы, другія нагибались надъ рѣкою и нерѣдко встрѣчались своими кудрявыми головами съ другими, наклонившимися съ противоположнаго берега. Въ изобиліи попадались также *маврикеевы пальмы* (4). Ихъ прямые стволы, подобные греческимъ колоннамъ, неимовѣрной величины опахальныя листья и большіе гроздья плодовъ производили впечатлѣніе силы и громадности. У самыхъ водъ росли несчетные цвѣтущіе кустарники, которые нерѣдко были заплетены вьющимися растеніями, *павиликою* (convolvulus), *пассифлорами* и *бигноніями*. Каждое павшее или ветхое дерево было покрыто неимовѣрнымъ числомъ чужеядныхъ растеній, съ цвѣтами странныхъ формъ и богатыхъ колеровъ, тогда какъ зад-

(1) Такъ называютъ на Амазонской мелкія рѣчки, впадающія въ главные притоки. По нимъ могутъ проходить только мелкія лодки.

(2) *Bombax*. Стволы деревъ этого рода, чрезъ развитіе сердцевины, принимаютъ видъ громадныхъ бочекъ.

(3) Eutrepe edulis Mart., изъ плодовъ которой дѣлаютъ освѣжительный напитокъ *ассаи*.

(4) *Mauritia*. Одинъ вполнѣ развитый листъ этой пальмы такъ тяжелъ что составляетъ полную ношу здороваго человѣка.

ній планъ лѣса составляли извилистые стволы и малорослыя пальмы. Блестящія красныя и золотистыя птицы безпрестанно перелетали надъ головами путниковъ, а крикливые попугаи лазили за пищею съ дерева на дерево.

При каждой извилинѣ рѣчки, говоритъ Уалласъ, мы видѣли передъ собою кучку красивыхъ бѣлыхъ цаплей, которыя взлетали на воздухъ при нашемъ появленіи, но потомъ, при новомъ поворотѣ рѣки снова показывались сидящими на какомъ-нибудь пнѣ. По кустамъ порхали бабочки, и на илистыхъ отмеляхъ нерѣдко грѣлись на солнцѣ молодые аллигаторы.

Однакоже путешественники подвигались впередъ, и картина стала измѣняться: деревья сдвинулись надъ ихъ головами, едва пропуская солнечные лучи; пальмы, изгибаясь по всѣмъ направленіямъ, спускались иногда до самыхъ водъ, а стволы павшихъ деревъ перекидывались тамъ и сямъ чрезъ всю рѣчку, и нужно было сбрасывать ихъ, или перетаскивать черезъ нихъ лодку.

Въ этой чащѣ гнѣздились всякія прибрежныя птицы: разные ибисы, цапли, журавли, которые подымались всѣ вдругъ, и наполняли собою воздухъ, испуская нестройные крики.

Наконецъ охотники достигли назначеннаго мѣста, гдѣ стояла полуразвалившаяся хижина, и гдѣ ожидали ихъ лошади и заранѣе привезенные съѣстные припасы. Послѣ богатой растительности они были поражены пустыннымъ видомъ болотистой равнины, на которой тамъ и сямъ росли кусты и искривленныя деревья, сожженныя палящимъ солнцемъ.

Прошедши около пяти миль по трудной мѣстности, охотники достигли озера, на берегу котораго былъ старый шалашъ. Тутъ расположились на ночлегъ, развѣсивъ койки по деревьямъ и подъ кровлею хижины.

Здѣсь-то въ озерѣ ловятъ аллигаторовъ и крупную вкусную рыбу: *пираруку* (sudis gigas), которую солятъ и отправляютъ въ Пару (1).

Ягуары были въ изобиліи, особенно въ послѣднее время привлекались они развѣшенною для сушенія рыбою. Аллигаторы полоскались въ водѣ также около самаго ночлега, но это не помѣшало путникамъ крѣпко заснуть.

Озеромъ называютъ здѣсь длинное, извилистое водяное пространство, весьма не глубокое; оно покрыто пловучими растені-

(1) Большой городъ при устьѣ Амазонской рѣки.

ями, мѣстами заросло водяными травами и дотого полно крокодиловъ и рыбъ разной величины, что дѣйствительно нѣтъ ни одного мѣста безъ рыбы или аллигатора, такъ что невольно удивляешься, какъ могутъ столько крупныхъ животныхъ жить въ такомъ тѣсномъ пространствѣ!

Началась охота: часть негровъ вошла въ воду съ длинными палками и погнала аллигаторовъ къ берегу. Тутъ ждали ихъ другіе негры съ арканами и баграми. Здѣсь крокодиловъ оглушали баграми и, накинувши на нихъ арканы, тащили на берегъ. Десять или двѣнадцать человѣкъ тащили иногда одного. Къ нему осторожно приближались люди, вооруженные топорами, и отрубали сначала хвостъ, какъ самое опасное орудіе, затѣмъ топоромъ били по шеѣ и оставляли животное на мѣстѣ издыхающимъ или издохшимъ. Если веревка отрывалась или скользилъ багоръ, то негры должны были какъ можно скорѣе уходить, чтобы не подвергнуться страшнымъ зубамъ аллигаторовъ и ударамъ огромныхъ хвостовъ ихъ. Поймавши штукъ двѣнадцать или пятнадцать, стали ихъ потрошить и выбирать нутреное сало, которое у аллигаторовъ бываетъ въ изобиліи. Сало это набивали въ шкуры другихъ, менѣе крупныхъ аллигаторовъ, нарочно для того приготовленныя.

Крокодилы были отъ 10 до 18 и 20 футовъ длины; но есть другая порода малорослая, ее бьютъ для мяса, употребляемаго въ пищу.

Тутъ же ловилась, солилась и вялилась рыба. Рыбу сначала распластываютъ. Во время этой операціи милліоны мухъ тотчасъ садятся на каждый кусокъ. Днемъ хищныя птицы безпрестанно бросаются на оставляемыя рыбьи головы и внутренности, ночью же къ мѣсту сушки подходятъ ягуары и утаскиваютъ нерѣдко цѣлыхъ рыбъ. Вообще животная жизнь здѣсь не умолкаетъ. На закатѣ солнца тотчасъ начинаются несвязные крики цаплей и журавлей, а лягушки испускаютъ свои печальные звуки. Всю ночь слышится плескъ рыбы и аллигаторовъ. Но лишь только начнетъ заниматься утренняя заря, какъ подымается невыносимый шумъ. Внезапно и единовременно десятки тысячъ бѣлокрылыхъ попугаевъ встрѣчаютъ утро своими криками. Сотня ревностнѣйшихъ точильщиковъ, въ самомъ разгарѣ своей работы, едва могутъ дать слабое понятіе объ этомъ невыносимомъ шумѣ. Нѣсколько попозже раздается новый шумъ: просыпаются мухи, унизавшія собою каждую соломинку; взлетая, производятъ онѣ громкое и непрерывное жужжаніе.

Крокодилій жиръ топятъ и употребляютъ какъ горючій матеріялъ; на вкусъ же онъ очень непріятенъ.

По всей Амазонской рѣкѣ, кромѣ аллигаторовой ловли, производится собираніе черепашьихъ яицъ; изъ нихъ также вытапливаютъ масло для сожиганія и частію для пищи.

Вотъ два промысла, которые безъ сомнѣнія уничтожатся съ водвореніемъ цивилизаціи и замѣнятся обработкою масляннстыхъ растеній, между которыми въ тѣхъ странахъ водится пальма (Elais oleifera); пальмое масло далеко превосходитъ смрадный крокодилій или черепашій жиръ.

Пара, столица той огромной провинціи, которая заключаетъ въ себѣ большую часть теченія Амазонской рѣки, имѣетъ только 25 или 30 тысячъ жителей. Остальныя двѣнадцать городковъ суть деревни большею частію малонаселенныя, обросшія густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ; сообщенія между ними могутъ иногда происходить только по рѣкамъ, на лодкахъ или баркасахъ. Повсюду негры-невольники, жизнь которыхъ находится въ рукахъ ихъ владѣльцевъ. Путешественникъ встрѣчаетъ примѣры притѣсненія, также какъ и примѣры патріархальнаго быта. Такъ, въ одномъ мѣстечкѣ, на рѣчкѣ Капимѣ, Уалласъ былъ радушно принятъ владѣльцемъ, имѣніе котораго необыкновенно походило по устройству своему на внутреннія русскія барскія усадьбы съ селами. Въ числѣ невольниковъ были всякіе мастеровые: сапожники, портные, кузнецы, каменщики и проч. Съ неграми работали Индійцы, которые съ трудомъ подчинялись установленному порядку въ работахъ.

Каждый вечеръ сеньйоръ Калистро (такъ звали патріархальнаго хозяина), сидя въ креслахъ, прощался со своими людьми, которые всѣ проходили мимо него.

Индійцы довольствовались обыкновенно словами «boa noite» (доброй ночи); молодежь, также какъ женщины и дѣти, протягивали обыкновенно руки и просили благословленія: «sua bencas», на что̀ хозяинъ отвѣчалъ: «Deos te bencoe» (Богъ да благословитъ тебя), творя крестное знаменіе. Старые негры говорили: «Louvando seja o nomme do Sennor Jesu Christo» (благословенно имя Господа Іисуса Христа). «Para sempre» (и во вѣки), отвѣчалъ съ жаромъ патріархъ.

Дѣти на этотъ же ладъ здоровались со своими родителями и просили благословенія даже у пріѣзжающихъ гостей, какъ у старшихъ себѣ.

Рабы сеньйора Калистро были, дѣйствительно, въ самомъ луч-

шемъ положеніи. Всѣ маленькія требованія ихъ исполнялись съ охотою, работа производилась умѣренная, и строгость употреблялась только въ крайнихъ случаяхъ. Но что станется съ этимъ народомъ, привыкшимъ къ доброму господину своему, по его смерти!...

Первобытные обитатели амазонской равнины, краснокожіе Индійцы, до сихъ поръ еще находятся въ дикомъ состояніи.

Тѣ, которыхъ называютъ цивилизованными, суть только осѣдлые, и занимаются нѣсколько обработкою земли.

Это безъ сомнѣнія шагъ впередъ, но нехотя и лѣниво совершается онъ, этотъ трудный шагъ.

Остальныя индійскія племена до сихъ поръ скитаются по лѣсамъ и пампамъ, живя исключительно охотою и рыбною ловлею.

Бурмейстеръ проводитъ параллель между американскимъ туземцемъ и небольшимъ звѣремъ, встрѣчающимся до сихъ поръ въ лѣсахъ амазонской равнины. Это *ай-ай*, или лѣнивецъ (Bradipus). Одиноко и уныло влачитъ свое существованіе это странное созданіе, проводящее всю жизнь на деревьяхъ. Пальцы его, снабженные длинными когтями, прижатыми къ ладони, не позволяютъ ему свободно двигаться на землѣ, но даютъ за то возможность крѣпко держаться на деревьяхъ.

Забравшись на дерево, ай-ай остается на немъ, пока не съѣстъ всѣхъ листьевъ, и тогда медлительно перетаскивается на другое дерево; воспроизводительная потребность лишь на короткое время извлекаетъ его изъ обычной апатіи.

Такой же апатіи подверженъ дикій первобытный обитатель амазонскихъ пустынь, краснокожій человѣкъ. Единственная забота его есть добываніе пищи охотою; возвратившись съ похода по лѣсамъ, онъ бросаетъ дичь своей сожительницѣ, которая заботится о приготовленіи пищи и обо всемъ, что̀ касается до несложнаго хозяйства: мущина же только охотится и отдыхаетъ послѣ охоты.

Этимъ ограничу я на этотъ разъ свой разказъ. Я старался собрать нѣсколько характеристическихъ чертъ дѣвственной природы, старался вызвать передъ глаза читателя болѣе опредѣленные образы тѣхъ странъ, которыя не покорились еще человѣку, и если краткая рѣчь моя успѣла возбудить любопытство въ читателѣ, то я могу считать цѣль свою достигнутою.

О ВИНОГРАДѢ И ВИНѢ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СЪ ЦѢЛІЮ ОПРЕДѢЛИТЬ ВИНОГРАДНУЮ ПОЛОСУ РОССІИ

Среди знойнаго лѣта, по каменистымъ дорогамъ Закавказья, проѣзжему нерѣдко попадаются огромныя двухколесныя арбы, запряженныя парою или четвернею черныхъ буйволовъ. Лѣниво подвигаются тяжелыя животныя, громко скрипятъ безобразныя колеса и оборванный возница, съ длиннымъ кинжаломъ за поясомъ, закинувъ назадъ рукава чухи, то и дѣло понукаетъ свою упряжь суковатою палкой или громаднымъ кнутомъ. На арбѣ лежитъ, вверхъ ногами, одна изъ кожаныхъ бочекъ, столь извѣстныхъ подъ именемъ *бурдюковъ* Это цѣлая буйволиная шкура, пропитанная нефтью: она наполнена виномъ и вся дрожитъ отъ напора заключенной въ ней жидкости.

Кисловатый паръ, вмѣстѣ съ испареніями нефти, поражаетъ ваше обоняніе при приближеніи арбы; и тогда вамъ невольно представится вопросъ: что станется съ этимъ виномъ, палимымъ солнцемъ и нещадно болтаемымъ въ неуклюжей посудѣ? И что подумаете вы, узнавъ, что вино останется въ этомъ бурдюкѣ даже и по сдачѣ его торговцу.

Можно привыкнуть ко многому, въ томъ числѣ и къ глотанію нефти; Грузины находятъ даже пріятнымъ такъ называемый бурдючный букетъ. За неимѣніемъ лучшаго, мы объясняемъ это тѣмъ, что

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Но кто же, кромѣ русскаго мужичка, найдетъ пріятность и сладость на полатяхъ курной избы? Кто будетъ пить безъ отвращенія вино съ нефтью, кромѣ закавказскаго туземца, и кого, кромѣ него, можно увѣрить, что бурдючный букетъ выше бордосскаго и бургонскаго?

Есть другой способъ храненія вина за Кавказомъ; онъ уже тѣмъ лучше бордюка, что не придаетъ вину такого непріятнаго запаха. Молодое вино наливаютъ въ громадные глиняные кувшины, имѣющіе форму высокихъ урнъ; такіе кувшины, зарытые въ землю, уподобляются настеящимъ цитернамъ: для чистки ихъ стѣнокъ рабочій спускается внутрь по лѣстницѣ. Впрочемъ, чтобы дать полное понятіе о величинѣ грузинскихъ винныхъ кувшиновъ, мы скажемъ только, что нѣкоторые изъ нихъ вмѣщаютъ до пятисотъ ведръ!

Закавказскіе винодѣлы вообще увѣрены въ превосходствѣ этого способа сохранять вино. Здѣсь не мѣсто оспаривать такое мнѣніе; однако всякому вѣрно бросится въ глаза неудобство при доставаніи жидкости, а также вредное вліяніе окружающей земли. Лучшимъ доказательствомъ того, что просачиваніе (а слѣдовательно и обмѣнъ жидкости изъ кувшина въ почву и наоборотъ) имѣетъ мѣсто, служитъ слѣдующее обстоятельство, всѣмъ извѣстное въ Грузіи: если два кувшина, зарытые одинъ близь другаго, наполнены виномъ разныхъ годовъ, то молодое, приходя въ броженіе, заставляетъ бродить и старое, уже давно перебродившее. Поэтому даже избѣгаютъ наливать въ смежные кувшины вина разныхъ годовъ.

Вообще можно сказать, что за Кавказомъ винодѣліе не только не опередило древнихъ, но даже отстало отъ нихъ. Тѣ же бурдюки, пропитанные масломъ, употреблялись у Грековъ и у Римлянъ; древняя эпопея часто упоминаетъ о нихъ. Такъ Уллисъ, передъ отправленіемъ въ пещеру циклоповъ, запасся мѣшкомъ изъ козлиной кожи, который Маронъ, жрецъ Апполона, наполнилъ ему виномъ. За 32 года до Р. Х., во время знаменитаго празднества, даннаго Птоломеемъ-Филадельфомъ, огромная посуда изъ барсовыхъ шкуръ, заключавшая въ себѣ 3,000 амфоръ вина и влекомая на колесницѣ въ 50 футовъ длиною и 20 шириною, участвовала въ торжественномъ шествіи. Но уже со временъ баснословной древности, со времени Гомера, дорогія вина, для окончательной обработки, сливались въ деревянныя бочки. Въ кожаныхъ сосудахъ онѣ иногда до того подвергались испаренію, что совершенно высыхали и становились твердыми какъ соль. Такъ Аристотель (за 384 г. до Р. Х.) говоритъ, что аркадійскія вина

дотого засыхали, что ихъ доставали изъ кожи кусками; для питья ихъ разводили горячею водой и процѣживали сквозь полотно.

Глиняная посуда, употреблявшаяся древними для храненія вина, тщательно смазывалась изнутри воскомъ, а снаружи смолою. Для внутренней смазки употреблялись также жирныя вещества, съ примѣсью ароматическихъ.

Если сравнить производство вина въ древности съ тѣмъ, что теперь дѣлаютъ въ Грузіи по этой части, то Грузія окажется до сихъ поръ какъ бы отдаленною провинціею Рима, въ которую еще не успѣло проникнуть образованіе метрополіи.

Все это весьма естественно, потому что Россія, страна сѣверная, отнюдь не виноградная въ центрахъ своего образованія и администраціи, къ тому же слишкомъ недавно слившаяся съ своими южными провинціями.

Однакоже, прежде нежели оцѣнимъ состояніе винодѣлія въ Россіи, посмотримъ, до какой степени эта отрасль промышленности согласуется съ физическими условіями нашего отечества. Для этого мы намѣрены обозрѣть сначала виноградники и винодѣліе западной Европы; чрезъ сравненіе намъ можно будетъ опредѣлить приблизительно, какъ значеніе, которое винодѣліе должно имѣть у насъ, такъ и виноградную полосу Европейской Россіи.

Начнемъ обозрѣніемъ сѣверной границы распространенія винограда, по Декандолю.

Если обращать внаманіе только на виноградники; разводимые для выдѣлки вина, то граница эта отодвинулась съ прошлаго столѣтія отъ сѣверо-запада къ юго-западу. Въ настоящее время, начиная съ запада, богатые виноградники португальскіе не переходятъ въ сырыя провинціи сѣверо-западной Испаніи, Галицію и Астурію, хотя и здѣсь нѣкоторые землевладѣльцы разводятъ небольшое количество лозъ въ горахъ, относительно не столь сырыхъ.

Въ западной Франціи послѣдняя верхняя граница находится подъ 47° 30′, въ южной Бретани, или даже близь устьевъ Луары. Отсюда граница винограда поднимается къ сѣверо-востоку и чрезъ Майéнъ, Андelисъ на Сенѣ, Компіенъ и Лаонъ, переходитъ въ Бельгію, гдѣ она пересѣкаетъ Маасъ между Литтихомъ и Мастрихтомъ (50° 45′ с. ш.).

Въ Германіи, внизъ по Рейну, повсюду тянутся прекрасные виноградники, которые совершенно прекращаются въ Дюссельдорфѣ. На сѣверо-востокѣ они доходятъ до Потсдама и даже до Берлина (52° 31′ с. ш.), гдѣ впрочемъ вино уже почти негодно къ

употребленію. Виноградъ воздѣлывается въ садахъ также около Данцига, въ окрестностяхъ котораго даже дѣлаютъ вино; еще занимаются этимъ около Мемеля и Кенигсберга, не доходя нѣсколькихъ верстъ до русской границы. Но такое винодѣліе можно считать только прихотью богатыхъ владѣльцевъ.

Прослѣженная нами сѣверная граница отошла однакоже къ югу, какъ мы уже сказали, по всему своему протяженію отъ Луары до Потсдама. Еще сѣвернѣе попадаются и донынѣ тамъ и ямъ рѣдкіе виноградники; но кромѣ того достовѣрно извѣстно, что, въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ протекшія два или три столѣтія, виноградники были даже весьма обильны къ сѣверу отъ настоящей границы сѣвернаго ихъ распространенія. Такъ напримѣръ, несомнѣнно, что виноградъ воздѣлывался въ Англіи, это подтверждается старыми хрониками и достовѣрными преданіями. Въ Глочестерѣ, по сказанію Уильяма Мельмсбери, виноградъ славился своею сладостію. Хроника Стау сообщаетъ, что виноградъ воздѣлывался не только въ Виндзорскомъ паркѣ, но и во всей остальной Англіи: въ его время была при дворѣ рукопись, въ которой между прочимъ значился счетъ издержкамъ на воздѣлываніе виноградника, находившагося въ маломъ дворцовомъ паркѣ при Ричардѣ II; также приложенъ былъ счетъ самому вину, коего часть потреблялась собственно для королевскаго дома, остальное же продавалось въ его пользу, съ уплатою десятой части этого дохода Уэльтгемскому аббату, приходскому пастырю какъ стараго, такъ и новаго Виндзора.

Струттъ прилагаетъ къ своему сочиненію изображеніе стараго саксонскаго давильнаго пресса, а Миллеръ говоритъ, что хотя въ настоящее время въ Англіи весьма мало винограда; но въ старину онъ былъ распространенъ тамъ *повсемѣстно*. Между прочимъ это доказывается тѣмъ, что въ Англіи многія мѣста получили свои названія отъ винограда, а при монастыряхъ и аббатствахъ существуютъ акты, вводившіе ихъ во владѣніе *землями; годными подъ виноградники*. Тотъ же авторъ прибавляетъ, что онъ самъ видѣлъ около Лондона опыты разведенія винограда; впрочемъ всѣмъ извѣстно, что и въ наше время въ южной Англіи разводятъ это растеніе, частію изъ любопытства, частію изъ прихоти. Плоды его иногда можно ѣсть, а вино не всегда дурно.

Въ сѣверо-западной Германіи также было нѣчто подобное. Мейенъ говоритъ, что, въ XIV вѣкѣ, въ Пруссію (провинцію) введенъ былъ виноградъ и довольно долго тамъ воздѣлывался. Во времена тевтонскихъ рыцарей тамъ дѣлали и вино, хотя впрочемъ

до того кислое и негодное, что въ наше время, по сравненію съ винами, вывозимыми съ юга, его бы и въ ротъ не взяли. Въ старину около Кракова также существовали виноградники. Слѣдовательно вообще можно сказать, что виноградъ можетъ рости до 54° с. ш., а подъ 50° даетъ еще довольно сносное вино. Обратимся теперь къ Россіи.

Послѣдними слѣдами виноградниковъ, къ сѣверу, у насъ можно считать: Могилевъ на Днѣстрѣ (48° с. ш.), Кіевъ, гдѣ виноградъ разводится только въ нѣкоторыхъ садахъ, а вино вовсе не выдѣлывается, Кременчугъ (49° с. ш.), Харьковъ (гдѣ въ Ботаническомъ саду разведены многіе сорты винограда, хорошо выспѣвающіе, но вина также не дѣлаютъ), наконецъ въ Саратовѣ сдѣланы пробы разведенія винограда; слѣдовательно граница его идетъ почти подъ 54° с. ш. и соотвѣтствуетъ первой западной, лежащей подъ 54° и даже 55° с. ш. Для винодѣлія же виноградъ разводится въ Россіи только въ самой южной части, начиная за 150 верстъ отъ моря, и при Одессѣ, словомъ до 47° с. ш., т.-е. тремя градусами южнѣе западно-европейской границы, а въ Бессарабіи и на Дону 48° с. ш. Чтобы рѣшить, дѣйствительно ли климатъ Россіи причиною, что винодѣліе у насъ отодвигается такъ далеко на югъ отъ сѣверо-западной границы его распространенія, разсмотримъ климатическія условія произрастанія винограда въ западной Европѣ, причемъ коснемся также и самыхъ способовъ обработки его, равно какъ и способовъ выдѣлки вина; все это дастъ намъ возможность оцѣнить причину сравнительно низкаго качества нашихъ винъ.

Для того, чтобы виноградъ могъ, вызрѣвая вполнѣ, давать вино *годное къ употребленію*, по вычисленіямъ Декандоля, необходима сумма 2,900° тепла (по стоградусному термометру Цельзія), считая отъ весенняго дня, коего средняя температура 8° или 10°, и кончая послѣднимъ осеннимъ днемъ, такой же средней температуры. Кромѣ того необходимо, чтобы число дождливыхъ дней, въ послѣдніе мѣсяцы созрѣванія плодовъ, не превышало двѣнадцати. Что касается до послѣдняго обстоятельства, то южная часть нашего отечества вообще согласуется съ нимъ; относительно суммы тепла также можно надѣяться на благопріятные выводы, потому что лѣто во всей южной Россіи жарче, нежели въ соотвѣтственныхъ ей точкахъ западной Европы, а именно, сумма эта равна: въ Москвѣ 2,405°, въ Одессѣ 4,015°, въ Курскѣ 3,077°, въ Луганѣ 4,116°, въ Митавѣ 2,905°, въ Тамбовѣ 2,525°. Поэтому выходитъ, что сѣверная граница разведенія винограда для

вина можетъ доходить (въ Митавѣ) до 56°с. ш., понижаясь затѣмъ до 51° с. ш. (въ Курскѣ). Но если сообразимъ, что въ Митавѣ осень весьма дождлива, весна сыра, а сумма температуры распредѣлена на слишкомъ большое количество мѣсяцевъ, то найдемъ, что Митаву нельзя считать мѣстомъ благопріятнымъ для разведенія винограда. Съ другой стороны Курскъ, повидимому, представляетъ къ тому всѣ условія: находясь въ самой рединѣ южной половины сплошнаго русскаго материка, это мѣсто пользуется климатомъ весьма сходнымъ съ другими, лежащими съ нимъ на одинаковой широтѣ; поэтому мы склонны бы были почитать 51°с. ш. за возможную границу виноградниковъ въ Россіи; но тому препятствуютъ крайности въ температурѣ, которыя здѣсь еще весьма чувствительны: холодныя зимы, а главное, поздніе весенніе морозы и ранніе осенніе исключаютъ отсюда воздѣлываніе винограда въ большихъ размѣрахъ.

Но за то мы въ правѣ полагать, что Харьковъ и Кіевъ лежатъ именно на сѣверной пограничной линіи распространенія виноградниковъ въ Россіи.

Обратимся къ болѣе подробному обзору виноградниковъ западной Европы.

Важнѣйшіе изъ нихъ суть: во Франціи—бордосскіе и бургонскіе; въ средней Европѣ—рейнскіе и венгерскіе; въ южной Европѣ португальско-испанскіе и итальянскіе.

Изъ бордоскихъ винъ лучшими считаются тѣ, которыя производитъ такъ-называемый *Медокъ*, т.-е. клочокъ земли по лѣвому берегу Гаронны, отъ впаденія въ нее рѣчки Ялы до моря. Знаменитые шато-лафитъ, шато-марго и сенъ-жульенъ растутъ на берегу Жиронды, т.-е. въ сѣверной части Медока. Качество этихъ винъ, равно какъ и всѣхъ хорошихъ бордоскихъ, значительно зависитъ отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ климатическихъ условій. Не говоря уже о позднихъ весеннихъ и раннихъ осеннихъ морозахъ (составляющихъ здѣсь исключеніе), вино всего болѣе боится осеннихъ дождей. Поэтому береговой климатъ Медока не всякій годъ равно благопріятенъ винодѣлію. Въ дождливые годы, бордоскія вина значительно теряютъ своего достоинства, заключающагося главнѣйше въ букетѣ. Лучшими условіями для этихъ винъ, по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ благопріятнѣйшіе годы (1811, 1815, 1831 и 1834), можно считать: сухую, ясную погоду во время созрѣванія винограда, которое тогда довершается вполнѣ; сырую погоду передъ сборомъ плодовъ, что смяг-

чаетъ шкурки ягодъ; и вообще время достаточно сухое, потому что тогда только вырабатывается совершенно сила вина.

Вообще Медокъ служитъ доказательствомъ того, что виноградъ болѣе любитъ сухой климатъ, нежели сырой: крайности того и другаго вредны, но крайняя сырость вреднѣе.

Почва Медока признана всѣми виноградарями и винодѣлами классически виноградною: это легкій песчаный грунтъ, съ кремнями, лежащій на глинистой подпочвѣ, окрашенной желѣзомъ въ красноватый цвѣтъ. Эта почва волнуется легкими холмами, что также весьма благопріятно виноградникамъ: они любятъ скаты, такъ что горы не только не вредятъ, но особенно нравятся имъ.

Выжимка вина въ Медокѣ не отличается особою тщательностію. Послѣ сбора винограда ягоды отдѣляютъ отъ вѣтокъ и сваливаютъ въ огромное четырехугольное вмѣстилище, устроенное на подобіе пивнаго котла. Затѣмъ на массу винограда вскакиваютъ отъ восьми до десяти босоногихъ рабочихъ, которые становятся въ два ряда другъ противъ друга и начинаютъ выдѣлывать разныя *па*, подъ звуки скрипки или кларнета. Во время выжимки вина въ каждомъ замкѣ непремѣнно встрѣчаешь странствующаго музыканта. Особое вниманіе обращается на остальные процессы винодѣлія: броженіе, кларификацію и содержаніе вина. Кромѣ того на доброту вина имѣютъ неотразимое вліяніе порода винограда и сортировка его при выдѣлываніи. Во многихъ департаментахъ Франціи, гдѣ винодѣлы, погнавшись за количествомъ вина, замѣнили благородныя, но мало плодовитыя, породы винограда болѣе грубыми и обильными, вино вдругъ утратило всю цѣнность и не могло болѣе служить предметомъ вывоза.

Бургонское вино растетъ гораздо сѣвернѣе бордоскаго: Шабли подъ 48° с. ш., Шамбертень нѣсколько южнѣе. Климатъ здѣшній, будучи менѣе подъ вліяніемъ моря нежели медокскій, опредѣляетъ вѣроятно сумму лѣтней температуры, дѣйствующей на бургонскія лозы, выше той, которая дѣйствуетъ на бордоскія. Количество дождей въ Медокѣ также больше; но бургонскіе виноградники должны болѣе опасаться морозовъ. Тѣмъ не менѣе, большее количество тепла опредѣляетъ въ бургонскомъ большую силу, развивая въ его виноградѣ спиртовыя начала и не уничтожая притомъ его высокаго букета и пріятности.

Пино есть главная порода бургонскихъ виноградниковъ. Еще въ старину высоко цѣнили эту драгоцѣнную лозу и опасались за уничтоженіе ея. Замѣчательно, что Іоаннъ Безстрашный, герцогъ

Бургундскій, запретилъ своимъ подданнымъ, подъ опасеніемъ пени, садить въ виноградникахъ одну очень плодовитую, но грубую лозу Гаме.

Приготовленіе бургонскаго еще во многихъ отношеніяхъ не совершенно. Собранный виноградъ кладутъ прямо въ деревянные ушаты и давятъ ногами; раздавленную такимъ образомъ массу несутъ въ выходъ и сваливаютъ въ огромные чаны. По прошествіи 4 или 5 дней, винная брага, вслѣдствіе броженія, образуетъ сверху вздувшуюся кору или *шапку* (chapeau). Тогда три или четыре совершенно голыхъ работника вскакиваютъ на эту кору и начинаютъ пробивать ее ногами, перемѣшивая самую жидкость. Вскорѣ они погружаются въ массу до самыхъ плечъ и ворочаются въ ней, какъ крокодилы въ грязи. При этомъ несчастные рабочіе, со всѣхъ сторонъ обданные углекислымъ газомъ, едва могутъ дышать и ежеминутно усиливаются захватить свѣжаго воздуха; ноздри ихъ судорожно расширяются, мертвая блѣдность покрываетъ лицо, съ котораго струится потъ.

Изъ германскихъ виноградниковъ обратимъ вниманіе только на рейнскіе: они для насъ тѣмъ интереснѣе, что лежатъ, сравнительно съ нашими, далеко на сѣверъ; такъ напримѣръ знаменитый Іоганнисбергъ выше 50° с. ш.

Іоганнисбергскій виноградъ растетъ на мергелѣ, образовавшемся изъ глинистаго сланца и известняка. Главная порода лозъ *рисслингъ*. Сборъ производится сколь возможно позже.

Между знаменитыми рудесгеймскими, штейнбергскими, маркобрунскими и др. виноградниками, дающими столь цѣнное вино, едва уступающее іоганнисбергскому, Штейнбергъ особенно замѣчателенъ раціональностью и порядкомъ, какъ въ винодѣліи, такъ и въ самой обработкѣ винограда. Вообще рейнскіе виноградники превосходятъ въ этомъ отношеніи не только французскіе, но вѣроятно и всѣ остальные. Обратимъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что климатъ рейнскаго винограднаго округа (Rheingau) отнюдь не жаркій и отличается отъ средне-русскаго главнѣйше легкостію зимъ. Лучшіе виноградники расположены на горныхъ скатахъ, да и весь округъ имѣетъ склонъ къ югу.

О богемскихъ виноградникахъ скажемъ только, что они насаждены большею частію французскими лозами, и даютъ хотя не высокое, но хорошее вино, подъ широтою отъ 50° до 51° с. ш. и подъ 32° в. д. Здѣшній климатъ уже значительно приближается къ малороссійскому, хотя лѣто не столь жаркое. Виноградники здѣсь также расположены на скатахъ.

Одно старинное преданіе, говоритъ Равальдъ, разказываетъ, что добрые духи ввели однажды человѣка въ обширный, древній погребъ, который былъ скрытъ обвалившеюся на него землею. Тамъ, нескончаемыми рядами стояли вѣковыя бочки: давно свалились съ нихъ обручи, изъ нѣкоторыхъ повыпадали и многія доски; но винный камень образовалъ сѣрыя стѣнки вкругъ благороднаго напитка, который хранился въ нихъ уже многіе вѣка, и сталъ прозраченъ какъ хрусталь, густъ какъ масло и желтъ какъ чистое золото. На крѣпко убитомъ полу всюду стояли несчетныя бутыли, украшенныя толстыми бѣлоснѣжными паричками изъ плѣсени. Если можно гдѣ-либо вообразить себѣ такой погребъ, то это только въ одной странѣ, а именно въ Венгріи! восклицаетъ Равальдъ. На югъ отъ Офена-Песта, около Тетени, можно видѣть одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ подваловъ, отличающихся гигантскими размѣрами своими. До сихъ поръ еще въ обитаемой, или, лучше сказать, въ употребляемой части его, можно очень свободно помѣстить до 300,000 эймеровъ (1,371,000 ведръ) вина; что же касается до остальныхъ частей и отдѣловъ этого погреба, то врядъ ли кто-либо изъ живущихъ понынѣ осматривалъ ихъ вполнѣ. Сказываютъ, будто подвалъ этотъ простирается на цѣлыя мили, изворачиваясь во всѣ стороны, то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ, попеременно расширяясь и съуживаясь и проходя чрезъ толщи песчаника, въ которомъ онъ выкопанъ трудомъ и терпѣніемъ. Кто хочетъ полюбоваться на бочки-великаны, тому также не долго искать ихъ: въ одномъ тирновскомъ погребѣ есть между прочимъ бочка, содержащая 2,110 эймеровъ (10,742 ведра); а въ Баѣ, большая эстергазовская бочка еще огромнѣе.

Все это показываетъ не только высокое превосходство огневаго венгерскаго вина, но и огромное развитіе винодѣлія въ этой странѣ. Драгоцѣннѣйшимъ виномъ почитаетcя токайское, которое многіе ставятъ выше всѣхъ остальныхъ винъ на свѣтѣ, «Summum pontificem talia vina decent!» воскликнулъ Папа Пій IV на Тріентскомъ соборѣ, подымая кубокъ, полный золотистаго токайскаго вина.

Подъ именемъ токайскаго разумѣются вообще всѣ вина, выдѣлываемыя въ верхней Венгріи, на пространствѣ около 5 квадратныхъ миль. Виноградники расположены по скатамъ холмистыхъ отроговъ Карпатъ (называемыхъ здѣсь *Хегіаллія* въ Цемплинскомъ Комитатѣ, подъ 48° с. ш. Почва произошла отъ разрушенія трахита и порфира, и покрыта камнями. Лучшее токай-

ское вино воздѣлывается на горѣ близъ *Торчала*. Затѣмъ слѣдуютъ виноградники Токая, Таліи, Косфалуда и проч.

На зиму лозы покрываются землею, отъ которой ихъ освобождаютъ только въ мартѣ. Лѣтомъ ихъ стригутъ три раза и при послѣднемъ, вкругъ основанія каждой лозы, выкапываютъ яму, чтобы виноградъ не могъ касаться земли; потому что растеніе держутъ низко. Сборъ обыкновенно начинается въ самомъ концѣ октября, или даже въ началѣ ноября, часто при добромъ морозѣ. Поздній сборъ вообще и повсемѣстно считается здѣсь необходимостью. Гроздья обыкновенно поспѣваютъ уже въ началѣ октября, поэтому онѣ успѣваютъ подсыхать на корню, чему способствуютъ и ночные осенніе морозы. Ко времени сбора плоды уже приближаются къ состоянію изюма; ихъ собираютъ съ величайшимъ тщаніемъ, очищаютъ отъ гнилыхъ ягодъ и складываютъ въ чаны. Сокъ, вытекающій изъ этихъ полусухихъ ягодъ отъ собственной ихъ тяжести, называется *токайскою эссенціею* и почти не встрѣчается въ продажѣ. Сливъ эссенцію, виноградъ превращаютъ въ густую массу и смѣшиваютъ съ сокомъ другаго винограда; это смѣшеніе производится посредствомъ взбалтыванія всей жидкости вмѣстѣ.

Итакъ, лучшее изъ лучшихъ винъ выдѣлывается изъ винограда, прикрываемаго на зиму землею, а собираемаго въ морозы, растущаго притомъ на довольно высокихъ холмахъ (до 250 футовъ надъ уровнемъ моря), на одной широтѣ съ Екатеринославлемъ.

Несмотря на то, что винодѣліе и даже воздѣлываніе винограда въ Венгріи не весьма тщательно, и во многихъ отношеніяхъ не совершенно, промышленность эта до того развита въ томъ краю, что можетъ считаться характеристическимъ признакомъ страны. Всякій (а особливо богатые горожане и вельможи) поставляетъ себѣ въ особую славу и удовольствіе украшать свои винодѣльныя заведенія. Во время сбора винограда вся страна покрывается ликующимъ народомъ. Въ богатыхъ экипажахъ и верхами аристократія спѣшитъ размѣститься по своимъ замкамъ; тащится за нею виноторговецъ въ своей бричкѣ; а деревенское населеніе со всѣхъ сторонъ стремится на работу, съ пѣснями и кликами. Прежде всего появляются цыгане, за ними разныя шутовскія шествія: разряженные поселяне пестрою толпой, со смѣхомъ и шумомъ, слѣдуютъ за толстымъ мальчишкой, который выпачканъ сокомъ краснаго винограда и представляетъ Бахуса. Всевозможныя племена сходятся въ это время между собою,

дружно работаютъ и пируютъ: такъ въ Токаѣ Маджіаръ садитъ виноградъ, а на сборъ являются и Нѣмецъ изъ Ципса, и Словакъ съ запада, и Русскій съ сѣвера. Всякій несетъ съ собою свои обычаи и нравы, свою пѣсню и пляску. По холмамъ и долинамъ, усаженнымъ лозами, шумно работаютъ поселяне, а въ замкахъ, въ то же время, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ царствуетъ гостепріимство, господа пируютъ и пробуютъ молодое вино. Но лишь только оно вошло въ погреба и на долгіе годы легло на покой, какъ холмы и долы пустѣютъ, и вся окрестность стихаетъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла также обречена на покой.

Въ южно-европейской виноградной полосѣ первое мѣсто занимаютъ вина португальскія и испанскія. Въ нашемъ громадномъ отечествѣ есть страны, соотвѣтствующія по климату родинѣ портвейна, хереса и малаги, и потому мы имѣемъ полное право сказать нѣсколько словъ о виноградникахъ этихъ краевъ.

Винодѣліе здѣсь, вообще говоря, не въ цвѣтущемъ состояніи: опорто (или портвейнъ) выжимаютъ нагіе мальчики, пляшущіе подъ музыку по грудамъ спѣлаго винограда, точно какъ въ Бургундіи; сливаютъ же многія испанскія вина и хранятъ ихъ въ кожаной или глиняной посудѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, чтобы вино не выдыхалось, наливаютъ сверхъ него нѣкоторое количество масла. Лучшіе виноградники испанскіе находятся въ Гренадѣ, производящей малагу, и въ Севильѣ, откуда получаются хересъ и тинто.

Климатъ южной Испаніи имѣетъ уже тропическій характеръ, и природа тамошняя сходна съ сѣверо-африканской: финиковая пальма, издревле пересаженная на Пиренейскій полуостровъ, нерѣдко приноситъ плоды; кактусы и агавы, съ сочными, колючими формами, вѣчно-зеленые, цвѣтущіе померанцы — все это ясно говоритъ, что солнце здѣсь круглый годъ нагрѣваетъ землю, изгоняя всякое зимнее дыханіе и посылая растеніямъ громадную сумму тепла. Дѣйствительно, въ продолженіе весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ, сумма эта превышаетъ 7,000°, количество черезчуръ достаточное для вызрѣванія винограда; за то онъ и даетъ здѣсь весьма обильный и почти всегда жгучій сокъ, несмотря на небрежность обработки.

Изобиліе это бывало такъ велико, особенно въ тѣ счастливые для Испаніи годы, когда въ нее стекались сокровища со всѣхъ концовъ свѣта, что однажды усомнились, достанетъ ли посуды, для помѣщенія всей годичной прибыли вина. Какой-то

великолѣпный грандъ вздумалъ тогда вырыть для вина цѣлое озеро. Дѣйствительно, озеро вырыли, обложили его плотно камнемъ и налили въ него стараго тинто, опустошивъ для этого многіе погреба. Среди озера на столбахъ возвышался островокъ съ павильйономъ, украшенный цвѣтами и зеленью; по берегамъ высились померанцовыя и апельсинныя деревья, раскачивая свои золотые плоды и наполняя воздухъ сладкимъ ароматомъ. Гости сѣли въ гондолы изъ драгоцѣннаго дерева и при звукахъ музыки поплыли по веселящей влагѣ, черпая ее золотыми кубками. Долго веселились благородные кавалеры и дамы, пировали въ павильйонѣ, катались по драгоцѣнному озеру; наконецъ вино начало истощаться и гондолы сѣли на мель. Тогда послѣдній фейерверкъ и фонтанъ душистой воды съ островка, возвѣстили о концѣ пиршества: общество возвратилось на берегъ, предоставляя служителямъ остатки вина и угощеній.

Упадокъ, который въ Италіи замѣтенъ во всемъ, отразился и на винодѣліи. Несмотря на климатъ и почву, въ высшей степени благопріятные винограду, итальянскія вина, за немногими исключеніями, хороши только на мѣстѣ и не терпятъ перевозки. Въ этомъ отношеніи они сходны съ нашими закавказскими и вѣроятно отъ тѣхъ же причинъ.

Климатъ Италіи, хотя умѣреннѣе закавказскаго, однакоже весьма къ нему подходитъ; но къ несчастію Италія отнюдь не есть страна, въ которой бы можно было учиться винодѣлію. Замѣтимъ, что бо́льшая часть итальянскихъ винъ очень хороши и годны къ употребленію, вскорѣ по выдѣлкѣ ихъ; причиною тому, повидимому, единственно хорошій климатъ. Знаменитое вино Lacrymae Christi растетъ на лавахъ Везувія, а сиракузское— на Этнѣ.

Еще ближе къ южно-русскому климату подходятъ Турція и Греція, не отличающіяся также превосходствомъ въ винодѣліи; однако вина этихъ странъ не только не уступаютъ итальянскимъ, но даже гораздо лучше ихъ. Многія изъ нихъ сходны съ токайскимъ, тѣ же, которыя выдѣлываются на нѣкоторыхъ островахъ, отличаются совершенно особыми качествами; таковы: кандійское и въ особенности кипрское. Лозы, производящія первое, дали начало знаменитому вину острова Мадейры, куда онѣ издавна были перевезены. Кипрское для перевозки сливается обыкновенно въ кожанную посуду.

Между не-европейскими винами самое для насъ интересное есть прославленное персидское вино, растущее въ садахъ Ши-

раза, подъ 30° с. ш. Это самые южные изъ виноградниковъ сѣвернаго полушарія. Качества этого превосходнаго вина много зависятъ отъ породы винограда, извѣстной подъ именемъ дамасской лозы, которая тамъ чрезвычайно цѣнится. Теплый, прекрасный климатъ ширазской долины, также не мало вліяетъ на превосходство вина. Знаменитое константское вино (на мысѣ Доброй Надежды) выдѣлывается частію изъ лозъ, перевезенныхъ изъ Шираза.

Краткій обзоръ топографіи винограда и вина, сдѣланный нами, показываетъ, что качество вина зависитъ главнѣйше не отъ выдѣлки его, хотя нельзя отвергать и этого обстоятельства; но гораздо важнѣе выдѣлки климатъ и порода винограда. Нѣтъ сомнѣнія, что если въ Рейнскомъ округѣ, вмѣсто рисслинга насадить дамасскаго и чіудадскаго винограда, то вино оказалось бы дурнымъ; также и рисслингъ, перенесенный въ Гренаду и Севилью, далъ бы вино, далеко уступающее хересу, тинто и малагѣ. Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы, при выборѣ лозъ, соображаться съ климатомъ.

Съ этою мыслію обратимся къ виноградникамъ и виноградной полосѣ Россіи.

Если сравнивать русское винодѣліе съ западно-европейскимъ или даже не-европейскимъ, то нельзя сказать, чтобы оно у насъ процвѣтало. Если же принимать въ разсчетъ только русское, то, по количеству и качеству производимаго вина, первое мѣсто занимаетъ Закавказье, затѣмъ южный берегъ Крыма и наконецъ Новороссійскій край, съ губерніями Ставропольскою и Астраханскою.

Климатъ названныхъ странъ несомнѣнно соединяетъ главныя условія винодѣлія; такъ, лѣто до того жарко, что сумма температуры весеннихъ, лѣтнихъ и перваго осенняго мѣсяцевъ не только равняется количеству тепла, необходимому для выработки вина, но даже превосходятъ его. Въ Одессѣ напримѣръ, это количество далеко превосходитъ 4,000°, тогда какъ для винограда требуется только 2,900°. Если же кто найдетъ возраженіе въ зимнихъ морозахъ, которые бываютъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ Новороссійскаго края (да и то не всегда довольно сильны, чтобы убить лозу), то можно отвѣчать, что отъ нихъ легко защитить растеніе, прикрывая его на зиму землею, какъ то дѣлается въ большихъ размѣрахъ въ Венгріи и даже у насъ на Дону. Слѣдовательно, зимніе морозы не должно принимать въ разсчетъ, при опредѣленіи климатическихъ условій винодѣлія.

Напротивъ того, поздніе весенніе и ранніе осенніе морозы имѣютъ большое вліяніе на эту отрасль промышленности: они одни въ состояніи совершенно исключить виноградъ изъ страны.

Однако, въ разсматриваемыхъ нами мѣстностяхъ, нечего опасаться этого зла; поэтому климатъ ихъ благопріятенъ винодѣлію. А между тѣмъ на Кавказѣ оно находится на низкой степени развитія, тогда какъ тамъ не только климатъ, но и всѣ другія физическія условія благопріятствуютъ ему: разнообразіе почвъ, между которыми много каменистыхъ и вулканическихъ, особенно любимыхъ виноградомъ, множество скатовъ по самымъ разнообразнымъ направленіямъ, долины, ущелья, — тутъ точно есть изъ чего выбирать.

Какая же причина тому, что русскіе пьютъ исключительно французскія и испанскія вина, что наше собственное, или потребляется на мѣстѣ неприхотливыми туземцами, или если вывозится, то болѣе для поддѣлки и фабрикаціи иностранныхъ винъ? Какая причина тому, что только рѣдкіе вельможи имѣютъ на столахъ хорошее закавказское вино?

Дурная выдѣлка, скажутъ многіе. Но развѣ испанскія и португальскія вина, итальянское лакриме-кристи, сиракузское, да и самыя бургонскія и токайское, не выдѣлываются еще довольно грубо? Развѣ глиняная, и даже кожаная посуда употребляется только на Кавказѣ? И можно ли, послѣ этого, считать выдѣлку главною причиной несовершенства закавказскихъ, а въ особенности крымскичъ винъ, тогда какъ крымскія выдѣлываются, безъ сомнѣнія, лучше испанскихъ и итальянскихъ. Кавказъ, въ высшей степени, соединяетъ въ себѣ условія страны виноградной, ибо кромѣ тѣхъ климатическихъ, почвенныхъ и топографическихъ условій, о которыхъ говорено выше, Кавказъ есть отечество винограда; онъ-то, по всей вѣроятности, и населилъ своими лозами большую часть западной Европы. Здѣсь онѣ одичали, встрѣчаются около изгородокъ, а иногда и просто въ лѣсу; на Кавказѣ же, гдѣ онѣ растутъ въ горахъ, до высоты 3,000 ф. надъ уровнемъ моря, попадаются цѣлыя заросли дикаго винограда: могучія лозы прядаютъ по деревьямъ, перебрасывая свои толстые стебли съ вѣтки на вѣтку, съ одного ствола на другой, съ вершины этихъ стволовъ, густыми зелеными пологами и фестонами, ниспадаютъ виноградные побѣги и листья, качаясь по вѣтру и омывая нижніе края свои въ пѣнистыхъ рѣчкахъ, въ свѣтлыхъ ручьяхъ. На западѣ Закавказья самые виноградники имѣютъ скорѣе видъ лѣсовъ, нежели садовъ.

Несомнѣнность того, что на Кавказѣ виноградъ дѣйствительно дикій, а не одичалый, какъ по ту, такъ и по другую сторону хребта, доказывается не только преданіями, но и свидѣтельствомъ многихъ ученыхъ, находившихъ дикія лозы въ такихъ отдаленныхъ и неприступныхъ мѣстахъ, и притомъ въ такомъ множествѣ, что невозможно долѣе сомнѣваться въ справедливости этого обстоятельства.

Итакъ, да не покажется страннымъ, что *главною* причиной неуспѣшности винодѣлія въ Россіи, мы считаемъ *неправильность въ выборѣ лозъ*. Изъ нашего бѣглаго обзора европейскихъ виноградниковъ можно усмотрѣть, до какой степени каждая мѣстность цѣнитъ свою особую породу: *пино* во Франціи, *рисслингъ* и *Orleans-Rebe* на Рейнѣ, *дамасская лоза въ Ширазѣ* равно цѣнны на своихъ мѣстахъ. Замѣчательно, что мадейрскій виноградъ, происшедшій изъ Кандіи (столь сходной по климату съ островомъ Мадейрою), въ настоящее время уже принялъ свои особые признаки и отличительныя черты; онъ до того приспособился къ мѣсту своего обитанія, что еслибы вырыть всѣ лозы, производящія теперь знаменитую мадеру, то нѣтъ сомнѣнія, что мы, по крайней мѣрѣ на сто лѣтъ, лишились бы одного изъ любимѣйшихъ и лучшихъ винъ. Слѣдовательно, прежде всего необходимо узнать: захочетъ ли тотъ или другой сортъ винограда рости тамъ, гдѣ его садятъ. Еще мало одной репутаціи породы, нужно знать, поддержится ли эта репутація по перевезеніи лозы на другое мѣсто. Тутъ то же, что съ людьми; Негры знамениты силою своихъ мускуловъ, но попробуйте переселить ихъ на сѣверъ: сила эта исчезаетъ какъ прахъ, и русскій рабочій окажется во сто разъ сильнѣе Негра. Точно такъ же, какъ и русскій подъ тропиками вовсе не будетъ въ состояніи работать. Негры хороши подъ своими жгучими небесами, а сѣверные жители среди своихъ снѣговъ.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы заводить на южномъ берегу Крыма и за Кавказомъ новый Рейнскій округъ, новый Медокъ, или Гренаду въ миніатюрѣ, прежде всего должно обратить вниманіе на свои собственныя, домашнія средства. Вспомнимъ, что виноградъ растетъ у насъ самъ собою, что въ туземныхъ виноградникахъ есть столѣтнія лозы, а между ними есть такія, которыя даютъ вино не хуже бургонскаго и испанскаго. Если же вводить иностранныя лозы, то ввесть только тѣ, которыя растутъ въ краяхъ, совершенно сходныхъ, по климату и почвѣ, съ той страной, куда перевозятъ лозы.

За Кавказомъ есть нѣсколько знаменитыхъ винъ, которыя дѣйствительно превосходны. Таковы между прочимъ *цинондальское* — изъ кахетинскихъ, *соджовахское* — изъ имеретино-гурійскихъ, и *аджалежское* — изъ мингрельскихъ. Качество ихъ зависитъ преимущественно отъ выбора лозъ; мнѣ извѣстно, что для приготовленія лучшаго цинондальскаго употребляются только извѣстныя породы, тщательно отбираемыя и отнюдь не смѣшанныя съ другими. Для приготовленія лучшаго соджовахскаго вина также выбираются самыя зрѣлыя и крупныя гроздья винограда, называемаго *джани*. Всѣхъ этихъ винъ вовсе нѣтъ въ продажѣ, отъ того ли, что не достаетъ рукъ для сортировки ягодъ, или просто отъ безпечности. Остальныя, обыкновенныя вина кавказскія, выдѣлываются изъ разныхъ породъ: бѣлыя и черныя гроздья, съ круглыми, длинными, мелкими или крупными ягодами, съ тонкою и толстою шелухой, все нерѣдко бросается въ одинъ чанъ, вѣтви и зерна давятся вмѣстѣ. Словомъ, нѣтъ никакого различія, все давятъ и пьютъ безъ пощады, не давъ соку даже перебродить; его употребляютъ дѣйствительно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ выходитъ изъ давильнаго чана. Это называютъ въ Грузіи *маджіоромъ*.

Сорты винограда извѣстны только самимъ винодѣламъ, да и то, какъ мы уже сказали, никто не заботится о сортировкѣ. Названія сортовъ происходятъ отъ цѣнности производимаго изъ нихъ вина: если *тунга* (9 бутылокъ) вина стоитъ 2 *абаза* (40 коп. сер.), то виноградъ, изъ котораго оно сдѣлано, называется *двухъ-абазнымъ*, если тунга вина въ 3 абаза, то и виноградъ *трехъ-абазный*, и т. д.

Именно то обстоятельство, что за Кавказомъ есть свой виноградъ, дающій цинондальское, аджалежское и джани, заставляетъ принимать, что въ тѣхъ околоткахъ, гдѣ растутъ эти породы, должно распространять ихъ преимущественно предъ остальными, какъ иностранными, такъ и туземными. Кахетія и Имеретія значительно разнятся между собою, по климату, почвѣ и топографіи. Съ другой стороны очень вѣроятно, что и для Крыма ближе и лучше принять сорты кавказскіе, нежели рейнскіе и французскіе, потому что Крымъ, во всѣхъ физическихъ отношеніяхъ, есть продолженіе Кавказа.

Но для того, чтобы распространить даже и туземные хорошіе сорты, не довольно одного общаго указанія на пользу этого распространенія: должно указать какъ на породы, такъ и на почву, топографію и проч., приличныя каждой изъ нихъ. Это

дѣло не легкое: еще никто и не принимался за изученіе породъ туземныхъ кавказскихъ виноградниковъ. Въ этомъ случаѣ необходимо также и сравнительное изученіе этихъ породъ съ европейскими, потому что наши туземные сорты могутъ совпадать съ иностранными, или по крайней мѣрѣ близко съ ними сходствовать; притомъ же чрезъ сравненіе составныхъ частей сока виноградовъ и требуемыхъ лозами условій возможно заранѣе судить о качествѣ того или другаго изъ туземныхъ сортовъ. Наконецъ изученіе иностранныхъ виноградовъ, съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ нашимъ мѣстностямъ только по сравненію съ туземными и принимая въ разсчетъ всѣ физическія условія, можетъ показать, какіе изъ нихъ приличны для переселенія, и въ какой мѣрѣ превосходятъ они туземные.

Чтобы дать понятіе о трудностяхъ такого изученія, скажемъ только, что въ Дижонскомъ Ботаническомъ саду воздѣлывается болѣе 800 сортовъ винограда, а у Бабо описано 280 *главнѣйшихъ* породъ, разводимыхъ въ Германіи.

Самое раздѣленіе и наименованіе виноградовъ до того шатки, по причинѣ измѣнчивости лозы и легкости перехода одного сорта въ другой, что изученіе этого предмета становится необыкновенно сложнымъ; а между тѣмъ, говоритъ Бобо, винодарь до тѣхъ поръ будетъ находиться въ затрудненіи, пока не установится какое-нибудь общепринятое раздѣленіе, потому что безъ этого онъ всегда подверженъ опасности принять одинъ сортъ за другой, и можетъ впасть въ трудно поправимую ошибку: насадить у себя лозы не того сорта, который ему нуженъ.

Изъ всего этого выводимъ мы то заключеніе, что для раціональнаго улучшенія винодѣлія въ виноградныхъ странахъ Россіи, и въ особенности на Кавказѣ, какъ въ странѣ по преимуществу виноградной, необходимо начать съ подробнаго сравнительнаго изученія туземно-кавказскихъ сортовъ винограда, въ параллель съ иностранными.

Обратимся теперь къ странамъ, лежащимъ на сѣверъ отъ той полосы, которая въ настоящее время занята русскими виноградниками.

Мы уже замѣтили, что въ нашемъ отечествѣ винодѣльная граница значительно подалась къ югу, сравнительно съ своею западною частію. Обозрѣвая европейскіе виноградники, мы могли усмотрѣть, что вредное вліяніе зимы (котораго всего естественнѣе опасаться, даже въ той части Россіи, о которой

идетъ рѣчь) можетъ быть оставлено безъ вниманія тамъ, гдѣ весенніе морозы не продолжаются слишкомъ поздно, а осенніе начинаются не очень рано. Слѣдовательно опредѣленіе сѣверной границы возможнаго распространенія винодѣлія въ Россіи, зависитъ отъ оцѣнки двухъ послѣднихъ обстоятельствъ.

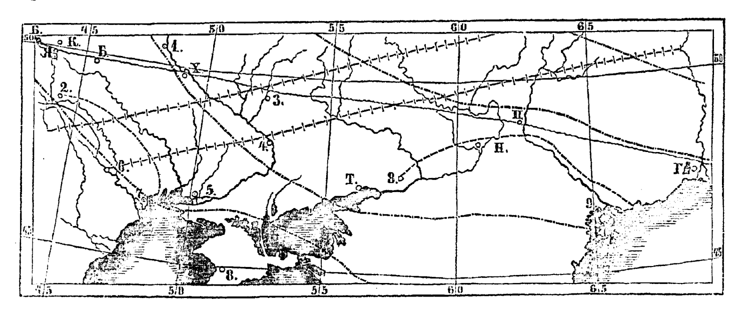
Въ извѣстномъ сочиненіи Тенгоборскаго (1) сѣверная граница распространенія винограда въ Россіи опредѣлена слѣдующимъ образомъ. «Воздѣлываніе винограда въ Россіи простирается до 49°с. ш.; но мѣстности, благопріятствующія собственно винодѣлію, не переходятъ за 48°. Къ сѣверу отъ этого градуса, по мнѣнію Палласа и Фрибе, виноградъ можетъ быть воздѣлываемъ только какъ садовый плодъ. Природною границею этой обработки считается обыкновенно въ Европейской Россіи украинская линія, простирающаяся на 268 верстъ, отъ впаденія Орла въ Днѣпръ выше Верхнеднѣпровска, вверхъ по рѣчкѣ Берестовой и по правому берегу ея до соединенія р. Береки съ Донцомъ въ нѣсколькихъ верстахъ на западъ отъ Изюма. Опытъ доказалъ, какъ говоритъ Палласъ въ своихъ запискахъ, что виноградъ можетъ расти на берегахъ Волги до Царицына, на берегахъ Дона до устья Медвѣдицы, на берегахъ Донца до Чугуева, около 40 верстъ на юго-востокъ отъ Харькова, на берегахъ Днѣпра до Кіева и на берегахъ Буга до Ольвіополя. Но чтобы производить хорошее вино, можно распространить это воздѣлываніе только на югъ отъ широты Царицына по берегамъ Дона и Донца, не далѣе какъ до впаденія въ него Лугани и на берегахъ Днѣпра до бывшей украинской линіи. Слѣдя по первой изъ этихъ линій и продолжая ее къ западу, пространство болѣе или менѣе благопріятное для воздѣлыванія винограда обнимало бы всю Бессарабію и Подольскую губернію, большую часть Кіевской, губерніи Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую и Ставропольскую, большую часть Астраханской и почти три четверти земли Войска Донскаго; всего пространства отъ 13,000 до 14,000 кв. геогр. миль.»

Если мы даже примемъ, что 48° с. ш. есть предѣлъ виноградниковъ въ Россіи, то и тогда оттанется множество странъ, не заключающихъ въ себѣ ни одного винограднаго куста, а именно вся обширная полоса между Таганрогомъ и Херсономъ, на сѣверъ отъ Азовскаго и Чернаго морей. Но, во времена Палласа, клима-

---

(1) О производительныхъ силахъ Россіи Л. В. Тенгоборскаго. Москва. 1855.

тическія условія распространенія винограда и винодѣлія далеко не были такъ изучены, какъ въ настоящее время. Знаменитый ученый этотъ судилъ болѣе по кратковременнымъ и несовершеннымъ опытамъ, произведеннымъ въ разныхъ мѣстахъ означенной имъ линіи, нежели по выводамъ изъ многочисленныхъ сравнительныхъ наблюденій, которыя такъ подробно обсудилъ въ послѣднее время Альфонсъ Декандоль (1).

Изъясненіе карты. 1. Кіевъ. 2. Каменецъ. 3. Полтава. 4. Екатеринославъ. 5. Херсонъ. 6. Кишеневъ. 7. Одесса. 8. Симферополь. 9. Астрахань. Б. Броды, Я. Ямполь. К. Катербургъ. б. Бердичевъ. Х. Ходоровъ. Т. Таганрогъ. Н. Нижне-Чирская. Ц. Царицынъ. Г. Гурьевъ.

Предѣльная линія возможнаго распространенія винограда.
— — настоящаго — —
Изохимена.
Изотера.

Мы уже сказали, что опредѣленіе линіи сѣвернаго распространенія винодѣлія зависитъ болѣе всего отъ весенней и осенней температуръ, обратимъ же вниманіе на слѣдованіе метеорологическихъ линій въ Россіи и особенно на линіи равной зимней температуры (изохимены). Эти линіи выводятся изъ наблюденій температуры 6 мѣсяцевъ, между которыми 3 относятся ко второй половинѣ весны и первой половинѣ осени, слѣдовательно для насъ особенно важно ихъ обсужденіе.

Изохимены въ Россіи внезапно понижаются отъ самыхъ береговъ балтійскаго моря, такъ, что напримѣръ въ Петербургѣ (60° с. ш.) и Гурьевѣ (47° с. ш.), въ Либавѣ (55° 30′ с. ш.) и Астрахани (46° с. ш.), зима оказывается одной и той же температуры; но, такъ-какъ, при проведеніи изохименъ, принима-

(1) Geographie Botanique raisennée etc. par A. De-Candolle. Paris. 1855.

лись въ разсчетъ 3 зимнихъ мѣсяца, не имѣющихъ никакого вліянія на виноградарство, то линіи эти, сами по себѣ, ничего не говорятъ; съ другой стороны, такъ-какъ въ восточныхъ странахъ зимы несравненно холоднѣе нежели въ западныхъ, то очевидно, что большая часть отрицательныхъ градусовъ падаетъ здѣсь именно на 3 зимнихъ мѣсяца и конецъ осени. Первые же мѣсяцы осени и послѣдніе весны гораздо теплѣе на востокѣ нежели на западѣ. Основываясь на этомъ, мы считаемъ изохимену (—6°), проходящую надъ Гурьевымъ, предѣломъ сѣвернаго распространенія винодѣлія на востокѣ Россіи. Она. сама по себѣ, означаетъ довольно легкую зиму, а если принять въ соображеніе вліяніе самаго холоднаго мѣсяца и зимы вообще, то осень и весна окажутся, въ восточной части разсматриваемой линіи, совершенно благопріятными какъ для поднятія весеннихъ соковъ въ виноградной лозѣ и цвѣтенія ея, такъ и для дозрѣванія гроздьевъ. Послѣднему способствуютъ подъ конецъ даже морозы, судя по примѣру токайскихъ виноградниковъ.

Избранная нами изохимена (—6°) начинается на востокѣ надъ Гурьевымъ, проходитъ сѣвернѣе Элтонскаго озера, пересѣкаетъ Волгу выше Царицына и постепенно повышается къ Курску, пересѣкая Медвѣдицу и Хоперъ верстахъ въ 75 отъ впаденія ихъ въ Донъ. По правую сторону Дона она переходитъ 50 градусъ с. ш., а верстъ за 250 отъ Дона встрѣчается съ *изотерою* (равнолѣтнею линіею 16°), бѣгущею отъ сѣверной части Бессарабіи прямо на Саратовъ.

Точку, въ которой изохимена—6° пересѣкается съ изотерою 16°, считаемъ мы поворотомъ предѣльной линіи винодѣлія отъ сѣверо-западнаго направленія къ юго-западному, потому что въ этой точкѣ температура осеннихъ мѣсяцевъ уже недостаточна для вызрѣванія винограда, она лежитъ подъ 51° с. ш., не далеко отъ Бирюча, Воронежской губерніи. Отсюда за сѣверную границу виноградниковъ считаемъ мы изотеру 16°, которая проходитъ нѣсколько выше Харькова и Полтавы на Каменецъ-Подольскъ.

Начертанная нами линія однакоже должна быть не совсѣмъ вѣрна. Можно предвидѣть, что, при болѣе точномъ вычисленіи весенней и осенней температуръ, погрѣшность окажется именно на западѣ, гдѣ предѣльная линія должна проходить сѣвернѣе, и при 51° с. ш., гдѣ она должна понижаться, ибо лѣто Подоліи еще весьма жарко при теплыхъ веснахъ и [illegible]яхъ, тогда какъ

подъ 51° с. ш. морозы кончаются довольно поздно и рано начинаются.

Производя поправку по этимъ соображеніямъ, получимъ слѣдующую предѣльную линію для возможнаго сѣвернаго распространенія винодѣлія въ Россіи. При австрійской границѣ она начинается подъ 50° с. ш., затѣмъ постепенно понижается до Волги, которую проходитъ подъ Царицынымъ, далѣе слѣдуетъ прямо на Гурьевъ. Вотъ главныя мѣста на ея пути: отъ Бродъ въ Галиціи направляется она на Катербургъ, Бердичевъ (Волынской губерніи), Полтаву, Старобѣльскъ (Харьковской губерніи), черезъ Пятиизбинскую станицу на Дону, далѣе на Сарепту и черезъ степь въ Гурьевъ.

Такимъ образомъ виноградная полоса Европейской Россіи занимаетъ площадь, которая, по крайней мѣрѣ, вдвое больше всей Франціи, а между тѣмъ все производство вина въ Россіи равняется только $^1/_{22}$ части этого производства во Франціи.

Если принять, что половина русской виноградной полосы не удобна для виноградства, а Франція вся покрыта виноградниками, чего, на самомъ дѣлѣ, далеко нѣтъ, то и тогда выходитъ, что Россія можетъ производить столько же вина сколько Франція.

Если винодѣліе у насъ дойдетъ до той степени совершенства, до которой оно доведено въ Медокѣ, тогда цѣнность ежегодно производимаго вина въ Россіи равнялась бы 412 милліонамъ франковъ или 103 милліонамъ рублей серебромъ, тогда какъ, въ настоящее время, цѣнность эта едва превышаетъ 4 милліона съ половиною рублей, считая по возможно дорогой цѣнѣ!

Въ заключеніе скажемъ, что мы не имѣли претензіи, въ короткой статьѣ нашей, рѣшить окончательно затронутыхъ нами вопросовъ. Цѣль наша состояла единственно въ томъ, чтобы показать возможность раціонально опредѣлить протяженіе и распространеніе виноградного пояса Европейской Россіи.

Мы будемъ считать себя счастливыми даже и въ томъ случаѣ, если намъ удастся своею статьею познакомить читателя не-спеціалиста съ климатическими условіями, опредѣляющими распространеніе винодѣлія въ Россіи, указавъ ему, въ какомъ углу нашего отечества искать ему условій благопріятныхъ для этой отрасли народнаго хозяйства.

ОЧЕРКИ ТИФЛИСА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.

Я прожилъ въ Тифлисѣ *около* пяти лѣтъ, покинулъ его недавно: поэтому воспоминанія мои свѣжи и многочисленны. Главная часть этихъ воспоминаній имѣетъ, впрочемъ, чисто ботаническій интересъ. Частному человѣку трудно путешествовать по Закавказью, особенно, если онъ бо́льшую часть года удержанъ на мѣстѣ своего служенія. Дурное состояніе дорогъ, значительность необходимыхъ издержекъ, нужда въ конвоѣ и многихъ матеріяльныхъ пособіяхъ, не добываемыхъ деньгами, причиною, что не всякому дано познакомиться съ Кавказомъ и Закавказьемъ, на сколько онъ желалъ бы этого. Не буду описывать въ подробности всякихъ *достопримѣчательностей* Тифлиса и его окрестностей: цѣль моя—познакомить читателя съ этими мѣстами, выставивъ передъ нимъ черты болѣе рельефныя. Я желаю характеризовать наподобіе того, какъ характеризуютъ зоологи или ботаники предметы своихъ наблюденій, т.-е. не описывая вполнѣ, для избѣжанія повтореній, а выставляя частные, индивидуальные, или видовые признаки. Такъ начнемъ же съ самаго города.

Тифлисъ расположенъ въ котловинѣ, на глинистой почвѣ, окруженъ горами со всѣхъ сторонъ; онѣ разступаются только тамъ, гдѣ входитъ и выходитъ изъ котловины шумная и мутная Кура. Дома большею частію безъ крышъ, на грузинскій ладъ

большіе съ балконами, окружающими ихъ почти со всѣхъ сторонъ; меньшіе, которыхъ особенно много на лѣвомъ берегу рѣки, на Авлабарѣ (1), безъ балконовъ. Чисто азіятская часть города, т.-е. этотъ же самый Авлабаръ, есть сплетеніе узкихъ и кривыхъ улицъ. Сады или, лучше сказать, виноградники занимаютъ сѣверную и южную оконечности Тифлиса: первые расположены по рѣчкѣ Верѣ, тотчасъ за городомъ; вторые начинаются въ самомъ городѣ и переходятъ по берегу Куры и на одинъ изъ острововъ ея (Орточальскій) за заставу.

Лѣто въ Тифлисѣ душно: іюль и августъ—самые жаркіе мѣсяцы; трава начинаетъ сохнуть въ концѣ мая, такъ-что лѣтомъ и городъ, и ближайшая окрестность его, сожженные солнцемъ, составляютъ печальный видъ. Зима часто сухая и довольно холодная; снѣгъ на улицахъ никогда не держится болѣе одного дня. Самый сильный холодъ доходитъ до —10 Р. Но это только на нѣсколько часовъ и въ продолженіе немногихъ дней. Весна начинается незамѣтно; лѣто также незамѣтно переходитъ въ осень и зиму. Цвѣтеніе начинается въ концѣ января, но цвѣтеніе жалкое, неизмѣняющее зимняго колорита. Въ февралѣ иногда распускается миндаль; но за то въ мартѣ опять снѣгъ и холодный вѣтеръ, сбивающій миндальные цвѣты.

Бóльшая часть улицъ тифлисскихъ расположены по скату горъ: крыши грузинскихъ саклей приходятся часто наравнѣ съ мостовою, или, лучше сказать, съ грязью и пылью улицъ. Не совѣтую ходить по этимъ улицамъ ночью: какъ разъ попадешь въ трубу.

Сѣверный и сѣверо-восточный холодные вѣтры дуютъ весьма часто: они подымаютъ облака пыли и сушатъ грязь; юго-восточный вѣтеръ особенно удушливъ и сухъ. Южный и западный нагоняютъ дождь, юго-западный—лѣтнія грозы и ливни, отъ которыхъ по всему городу стремятся каскады грязной воды.

Съ весны, т.-е. съ начала апрѣля, особенно пріятно посѣщать сады или ближайшія окрестности, еще не сожженныя солнцемъ. Послѣ конца мая Тифлисъ вообще непривлекателенъ.

Тифлисскіе сады имѣютъ свой особый колоритъ и не лишены прелести: многіе изъ нихъ расположены террасами и всѣ обильно политы искусственными каналами. Виноградъ покрываетъ весь садъ лиственнымъ пологомъ: онъ вьется по столбамъ, поддержи-

(1) Часть города.

вающимъ множество тонкихъ перекладинъ, и образуетъ крытыя аллеи. Надъ этимъ живымъ зеленымъ покровомъ возвышаются плодовыя деревья, каковы: миндаль, персики, абрикосы, сливы. вишни, черешни, яблоки, айва, груша; кое-гдѣ большіе орѣшники распускаютъ свои широкія вѣтви; не мало и другихъ деревъ: унаби (Ziziphus vulgaris), пшатъ (Eleagnus hortensis), хурма (Diospyros lotus), шелковица и прочія. Прежде всего цвѣтетъ миндаль, за нимъ всѣ деревья семействъ миндальныхъ и яблочныхъ. Сады сначала густо покрыты бѣло-снѣжными лепестками, потомъ ярко-розовыми цвѣтами персиковыхъ деревъ. Затѣмъ молодая зелень начинаетъ примѣшиваться къ обильнымъ цвѣтамъ, исчезающимъ мало-по-малу; а когда наступаютъ жары, густота виноградной листвы осѣняетъ крытыя аллеи, сохраняя въ нихъ нѣкоторую прохладу.

Въ этихъ-то садахъ особенно хорошо весной. Прибавьте, что ароматъ миндальныхъ деревъ распространяется повсюду; къ нему примѣшивается запахъ пахучей фіялки, которая тогда расцвѣтаетъ во множествѣ. Тогда, впрочемъ, и въ ближайшихъ окрестностяхъ Тифлиса хорошо; весенніе, большею частію голубые или лиловые (1), цвѣты, нѣжная зелень и обиліе весеннихъ водъ тому способствуютъ. Но скоро наступаютъ жары: безлѣстная окрестность не представляетъ тѣни; а въ садахъ рѣдко удается бывать, такъ какъ немногіе дома ими снабжены. Въ городѣ же дѣятельность не прекращается, и потому бросимъ взглядъ на самый Тифлисъ.

Майданъ и *армянскій базаръ*, съ выходящими изъ нихъ переулками и *темными рядами*, всего болѣе характеризуютъ его, какъ азіятскій городъ, не говоря объ Авлабарѣ, представляющемъ нѣчто въ родѣ Калькутты или Каира. *Майданъ*, или *татарскій базаръ* есть тѣсная площадь, постоянно набитая народомъ. Если смотрѣть на нее съ обрывистаго, каменистаго Сололакскаго хребта, ограничивающаго городъ съ юга, то, кромѣ головъ человѣческихъ, лошадиныхъ, буйволовыхъ, бычачьихъ, ослиныхъ и даже верблюжьихъ, почти ничего не видно. Зловонныя испаренія подымаются надъ Майданомъ густою тучею; грязь рѣдко высыхаетъ. Тутъ представители разнообразнаго населенія Тиф-

---

(1) Два вида пахучей фіялки (Viola odorata et Viola Collina), касатики: сѣтчатый, малорослый, грузинскій (Iris reticulata, pumilia et Iberica), полевой гіацинтъ (muscari pallens), двуцвѣтная сцилла (Scilla biflora), и Fritillaria tulipaefolia.

лиса: Татары, въ рыжеватыхъ шапкахъ и буркахъ, съ черными, сѣдыми, красными и бѣлыми бородами; дородные Армяне, съ наклонными шеями, въ чистыхъ чухахъ и московскихъ картузахъ; молодцоватые Грузины, перетянутые, часто заселенные и оборванные, съ шапками, заломленными на-бекрень; Кабардинцы, дико смотрящіе изъ подлобья и продающіе оружіе и бурки; мулла въ бѣлой чалмѣ; Персіяне съ красными ногтями, въ аршинныхъ шапкахъ и широкихъ кафтанахъ, или абахъ своихъ; на ногахъ у нихъ пестрые носки и маленькія туфли, надѣтыя на одни только пальцы.

Тулукчи (водовозы) и работники въ валеныхъ коническихъ колпакахъ; рачинцы (1), муши (2) въ *папанаки* (3), Греки въ красныхъ фесахъ, пестрыхъ небольшихъ чалмахъ, курткахъ и синихъ шальварахъ. Хевсуръ со щитомъ и лукомъ пробирается также сквозь толпу; мелькаетъ круглая шляпа Европейца; извощикъ кричитъ во все горло: *кабарда*! (по грузински: берегись) то же взываетъ всадникъ, котораго лошадь машетъ головою, прыгаетъ, садится назадъ и бряцаетъ посеребренными побрякушками сбруи. Тянутся двуколесныя арбы, да какія разнообразныя! грузинская, у которой угловатыя колеса вертятся вмѣстѣ съ осью: онѣ запряжена парою, четвернею или даже шестернею буйволовъ; на ярмѣ сидитъ оборванный мальчикъ: онъ колотитъ тяжелую скотину палкой; на арбѣ огромный бурдюкъ, торчащій вверхъ ногами, или цѣлое семейство съ женщинами и дѣтьми, подъ прикрытіемъ полосатаго, ярко-цвѣтнаго ковра. Вотъ арбы Осетинъ и Лезгинъ, съ саженными скрыпящими колесами: онѣ запряжены лошадьми; греческія арбы, съ низкими сплошными колесами безъ спицъ, обитыми желѣзными выпуклыми шинами: ихъ везетъ классическая пара валовъ. Справа, изъ переулка, ведущаго на мостъ, выступаетъ караванъ верблюдовъ: вожатый Татаринъ тянетъ перваго изъ нихъ за ноздри веревкою; верблюдъ жалобно рычитъ, машетъ косматой головой, загибаетъ шею на-

---

(1) Имеретины изъ горной области, называемой *Раджа* или *Рача*.

(2) *Муша* значитъ носильщикъ. Сила этихъ людей необыкновенна: они носятъ въ гору и на далекое разстояніе огромныя ноши, какъ напримѣръ буйволовый бурдюкъ съ виномъ, комодъ съ тремя ящиками, набитыми книгами, каретный кузовъ и проч.

(3) *Папанаки*—четырехугольный кусокъ сукна, употребляемый всѣми Имеретинами вмѣсто шапки; богатые украшаютъ его дорогимъ галуномъ. *Папанаки* сдерживается на головѣ ремнемъ, завязаннымъ подъ бородою.

задъ, лѣниво опускается на колѣни. Тутъ же идетъ изъ Эривани персидскій караванъ на вьючихъ лошадяхъ, стройныхъ, хотя малорослыхъ. Особенно красивы ихъ головы. Всѣ онѣ обвѣшаны кистями, бубенчиками, и колокольчиками.

Въ лавкахъ продаютъ плоды, живую рыбу, муку, свѣчи, сыръ, масло; битые фазаны, турачи (1), джейраны и дикія козы висятъ тамъ и сямъ и гніютъ среди жаркаго воздуха; тутъ же входъ въ темные ряды, или крытыя галлереи, въ которыхъ расположены армянскія лавки, наполненныя московскими товарами, такъ же какъ коврами, войлоками и другими произведеніями Закавказья и Персіи.

Пройдя чрезъ одну изъ этихъ галлерей, вы входите на армянскій базаръ—длинную, узкую и кривую улицу, гдѣ всѣ дома построены на грузинскій ладъ, то-есть безъ крышъ, и заняты открытыми лавками и мастерскими. Эта улица еще пестрѣе Майдана: она начинается отъ Эриванской площади, среди которой стоитъ большое зданіе съ колоннадою: это театръ, въ соединеніи съ гостиннымъ дворомъ—родъ Пале-Рояля. Другимъ концомъ Армянскій базаръ примыкаетъ къ банной площади, уже полной сѣрныхъ испареній минеральной воды, замѣняющей здѣсь простую во всѣхъ банныхъ бассейнахъ. Къ этимъ испареніямъ примѣшиваются другія, совершенно инаго свойства: испаренія отъ шашлыка, плова, босбаша, провѣсной, вареной рыбы и проч.

Тутъ, такъ же какъ и въ другихъ мѣстахъ базара и примыкающихъ къ нему переулковъ, помѣщается множество татарскихъ ресторановъ: нельзя сказать, чтобъ они плохо стряпали, нельзя сказать также, что кушанья ихъ безвкусны; но такъ какъ все жарится и варится публично, да притомъ съ пріемами далеко не чистоплотными, то не совѣтую долго оставаться передъ этими общественными кухнями. Вотъ обыкновенное устройство лавки: передней стѣны не существуютъ—вмѣсто нея родъ прилавка съ широкимъ входомъ; за этимъ прилавкомъ купецъ или мастеровой. Если это поваръ, то у него пылаетъ огонь въ очагѣ; котлы, имѣющіе совершенно подобіе нашихъ кучерскихъ шапокъ, поставленныхъ вверхъ полями, кипятъ и трещатъ: въ нихъ смѣшеніе жирной баранины, нутренаго сала, винограднаго сока, разныхъ ароматныхъ травъ,—все это разведено водою и состав-

(1) Весьма вкусная дичь, похожая на куропатокъ: это Tetrao Francolinus L.

ляетъ *чахирь-тму*; отымите виноградный сокъ—получите босбашъ. На сковородахъ жарится картофель и даже котлеты—россійское нововведеніе. На желѣзныхъ полкахъ нанизаны небольшіе куски баранины: это шашлыкъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; птица и большіе куски мяса жарятся на такихъ же вертелахъ: это шашлыкъ въ обширномъ значеніи слова. Всѣмъ этимъ заправляетъ жирный, лоснящійся Грузинъ: онъ то-и дѣло шныряетъ въ разные концы своей смрадной лавки, снимаетъ пѣну съ босбаша, отбрасываетъ на цѣдилку рисъ для плова и тому подобное.

Въ татарскихъ лавкахъ подобнаго рода видите вы вмѣсто Грузина Татарина или Персіянина съ зюльфами и въ валеной шапкѣ. У Грузина на прилавкѣ множество маринованныхъ травъ и *чурѣки* (грузинскій хлѣбъ), у Татарина вмѣсто чурековъ— *лаваши* (татарскій хлѣбъ) (1).

За кухнями слѣдуетъ цѣлый рядъ фруктовыхъ и овощныхъ лавочекъ; онѣ также довольно интересны. Плоды и овощи расположены въ широкихъ и низкихъ деревянныхъ чашахъ; тутъ виноградъ синій, бѣлый, розовый, съ крупными и мелкими зернами; разнообразные гроздья его виднѣются отвсюду; персики, курага (абрикосы), алучша (круглая, зеленая слива), груши, между которыми особенно замѣчательны *гулябы*, небольшія, чрезвычайно сочныя и ароматическія, и проч. Тутъ же морковь, цвѣтомъ болѣе походящая на свеклу, картофель, бѣлые и красные бобы, горохъ самыхъ разнообразныхъ формъ: есть горошины круглыя, продолговатыя, четырехугольныя, угловатыя ароматныя и острыя травы, эстрагонъ (по-грузински тархунъ) и еще другой видъ полыни, Кинза (bifora radians), цицматы (крессъ), маринованные ростки и цвѣты *жонжоли* (Staphylleae), жесткій салатъ, изюмъ, кишмишъ, медъ въ горшкахъ, осетинскій сыръ въ видѣ небольшихъ грязныхъ лепешекъ; тутъ же сверху висятъ сальныя свѣчи, сахаръ, стручковый перецъ, провѣсные балыки. Въ свое время появляется множество арбузовъ и дынь. Арбузы здѣсь вообще не хороши, но дыни, особенно эриванскія

(1) Туземный хлѣбъ дѣлается изъ прѣснаго тѣста; печеніе его весьма замѣчательно: печи имѣютъ видъ цилиндрическихъ ямъ, обложенныхъ кирпичемъ; на днѣ печки разводятъ огонь, пекарь намазываетъ тѣсто на внутреннія стѣнки печи весьма ловко и быстро. Грузинскій хлѣбъ имѣетъ видъ длинныхъ, остроконечныхъ лепешекъ, татарскій же—продолговатыхъ, тонкихъ листовъ.

дутмы, отличаются необыкновенною сладостью и нѣжностью мяса. Ароматъ ихъ, впрочемъ, не можетъ сравниться съ ароматомъ хорошихъ канталупъ.

Продавцы кричатъ во все горло, немилосердо стучатъ вѣсами, отвѣшивая на одной и той же чашкѣ медъ, персики, сыръ, масло, сметану, и все это прямо на желѣзѣ или на мѣди: оберточной бумаги не употребляется. Около этихъ лавокъ скитаются жующія, засаленныя, дорожныя фигуры, повара, хозяйки и проч. Недалеко отсюда табачный рядъ: вы видите, какъ крутятъ папиросы, какъ крошатъ табакъ; далѣе въ лавкѣ сидитъ Грузинъ, разматывающій шелкъ: для этого онъ употребляетъ не только руки, но и одну изъ ногъ, на которую надѣтъ однимъ концомъ мотокъ блестящихъ нитей.

Загляните въ переулки: тамъ увидите, какъ куютъ желѣзо, серебро, шьютъ чухи и папахи, долбятъ деревянныя трубки. Вся эта индустрія не прекращается и съ наступленіемъ вечера: одни зажигаютъ фонари, другіе вонзаютъ сальныя свѣчи въ кучи изюма и другихъ продуктовъ; крики и шумъ не умолкаютъ. Пустите на эту улицу такую же пеструю толпу, какъ на Майданѣ, прибавьте нѣсколько лавокъ съ стеклянными дверьми и большими окнами, сквозь которыя виднѣются московскіе товары, представьте, что мостовая на армянскомъ базарѣ самая ужасная, грязь изрѣдка смѣняется пылью, вспомните, что на низкихъ крышахъ домовъ гнѣздятся группы женщины въ бѣлыхъ чадрахъ или *катибахъ* (1), что извощики здѣсь скачутъ безпрестанно, и будете имѣть полное понятіе объ армянскомъ базарѣ.

Хороши также здѣшніе нищіе: вотъ идетъ человѣкъ почти нагой, онъ дряхлъ, какъ Сатурнъ, лицо его энергично не менѣе бронзовыхъ изображеній этого бога, еслибы еще Сатурну прибавить серебряную бороду и усы. Вмѣсто платья онъ закрытъ полосатымъ ковромъ желтаго и краснаго цвѣта.

Итакъ, несмотря на зной, душное лѣто и часто непріятную зиму, Тифлисъ живописенъ по своему мѣстоположенію, по разнообразности зданій... вѣчно шумящая Кура, прихотливо изогнутые пласты (2) обнаженныхъ обрывовъ, обширные навѣсы ви-

---

(1) *Катиба*—родъ широкой куцавейки съ мѣховою выпушкой, дѣлается большею частію изъ бархата или атласа, яркихъ цвѣтовъ.

(2) Горы около Тифлиса и въ самомъ Тифлисѣ состоятъ изъ глинистаго сланца, содержащаго большое количество углекислой извести; послѣдняя является въ видѣ мелкихъ кристалловъ налетомъ на тонкихъ

ноградныхъ садовъ, караваны верблюдовъ и лошаковъ, пестрая толпа и живой говоръ на базарѣ,—все это привлекаетъ вниманіе небывалаго человѣка; но тому, кто ищетъ впечатлѣній на лонѣ природы, тому надо уйти, уѣхать изъ Тифлиса верстъ за 20 по-крайней мѣрѣ: тамъ найдетъ онъ то, чего не достаетъ Тифлису— растительности сильной, могучей, безъ которой нѣтъ разнообразія, безъ которой всякая мѣстность суха и мертва.

Съ балкона моего дома, стоящаго у подошвы горы Св. Давида (1), видѣнъ весь Тифлисъ: на сѣверъ видъ простирается далеко; по этому направленію долина Куры расширяется, видно нѣсколько плановъ лѣсистыхъ горъ, за которыми громоздятся снѣжныя вершины и блеститъ Казбекъ. Ближайшій изъ этихъ лѣсистыхъ хребтовъ называется Гурамовскими горами (Сагурамъ или Сагурамосъ мта). Туда-то часто стремилось мое ботаническое сердце, туда я не разъ ходилъ и ѣздилъ.

Въ Сагурамскіе лѣса, теперь замѣтно рѣдѣющіе, заходилъ нерѣдко хищный Лезгинъ, потому-что хребетъ этотъ примыкаетъ къ главному Кавказскому; въ нихъ же встрѣчались не менѣе свирѣпый барсъ, малорослый горный медвѣдь и кабанъ; олени и козули скрывались въ густой тѣни. Но теперь все это отодвинулось далѣе, страшась приближенія цивилизованнаго города.

Съ ружьемъ или безъ ружья, но, во-всякомъ случаѣ, съ портфелемъ, назначеннымъ для растеній, отправлялся я на Сагурамъ. Мѣсто это такъ живописно, что я хочу заманить туда и читателя.

плиткахъ шифера или же въ видѣ кристалловъ крупныхъ, восполняющихъ длинныя щели между каменными массами; во многихъ мѣстахъ, а именно по берегу Куры, попадаются огромныя толщи крупнаго конгломерата, состоящаго изъ округленныхъ галекъ, склеенныхъ глинистоизвестковымъ цементомъ. Конгломератъ этотъ, разрушенный дѣйствіемъ водъ, покрываетъ своими гальками все дно Куры и ея притоковъ, такъ же, какъ отмели и острова. Тамъ, гдѣ напластованіе неясно, встрѣчаются обширные наносы особой глины, называемой здѣсь *гаджею*. Изъ гаджи, которая есть разрушившійся глинистый сланецъ, съ примѣсью большаго количества извести и гипса, дѣлаютъ всѣ здѣшніе кирпичи; для этого, впрочемъ, въ гаджу вовсе не примѣшиваютъ песку. Гаджа употребляется также вмѣсто цемента, который она, впрочемъ, дурно замѣняетъ.

(1) Гора Св. Давида, или Святая гора (Мта-Цминда), ограничиваетъ обрывистымъ скатомъ своимъ городъ съ западной стороны, закрывая собою видъ по этому направленію. Монастырь, или церковь Св. Давида стоитъ на полу-горѣ; къ нему ведетъ крутая дорога зигзагомъ. Выше могутъ лазить только козы, пастухи — да, пожалуй натуралисты.

Ранней весною цвѣтутъ тамъ, какъ и вездѣ около Тифлиса, Cyclamen europaeus, Scylla biflora, Viola odorata, да кромѣ того во множествѣ *восточный геллеборъ* (Helieborsu Orientalis), хорошенькая Primula amaena и подснѣжникъ (Galanthus nivalis). Съ цѣлію собрать эти растенія, погулять, подышать горнымъ воздухомъ, поднимемся въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ по крутизнѣ, между деревьями, которыя становятся все гуще и гуще, все выше и толще.

Особенно памятны мнѣ два ночныя путешествія на Сагурамъ. Было уже довольно жарко: потому мы и выбрали ночь. Съ вечера еще манилъ насъ волшебный хребетъ измѣнчивостью яркихъ цвѣтовъ, которыми окрашивался онъ во время солнечнаго заката и зари. Изъ ярко-зеленаго переходилъ онъ въ въ лиловый, измѣняясь въ красноватыхъ отливахъ по мѣрѣ пониженія заходящаго свѣтила; затѣмъ становился онъ темно-синимъ; подымающіеся пары накидывали на темную гору легкую голубоватую дымку, и Сагурамъ началъ сливаться съ далью, являться въ видѣ мрачной, неопредѣленной массы; между тѣмъ Казбекъ принималъ еще алый цвѣтъ отъ зари и виднѣлся влѣво отъ Сагурама, потонувшаго въ ночномъ парѣ и темнотѣ.

Перейдя Куру среди ночной тишины, нарушаемой рѣзкимъ шумомъ мутныхъ волнъ ея, мы направились поодаль отъ берега вверхъ противъ теченія. Приходилось идти верстъ пятнадцать по пустой равнинѣ, окаймленной справа голыми холмами. Въ тишинѣ спящей окрестности подошли мы къ деревнѣ *Овчаламъ*, въ садахъ которой раздавались унылые голоса маленькихъ совъ; перешли въ бродъ чрезъ ревущій ручей и остановились наконецъ у подошвы горы для роздыха.

Отсюда ведетъ кверху живописная дорога, сначала вдоль окраины глубокаго оврага,—дорога, годная для проѣзда арбъ; она превращается скоро въ тропинку, покрытую толстымъ слоемъ круглыхъ камней. Когда мы вступили въ нее, темнота вдругъ увеличилась, слѣва возвышались скалистые обрывы, справа подымался естественный валъ, увѣнчанный кустами боярышника и граба, которые сдвигались тамъ и сямъ надъ нашими головами непроницаемымъ сводомъ. Наконецъ блеснулъ мѣсяцъ сквозь деревья на противоположной сторонѣ оврага. Мы вышли изъ глубокой дороги и начали подыматься цѣликомъ по крутому боку Сагурама.

Лѣсъ состоитъ большею частію изъ бука; множество грушевыхъ деревъ, яблонь, сливъ и разныхъ боярышниковъ наполня-

ютъ медово-миндальнымъ ароматомъ свѣжій горный воздухъ. Грабы необыкновенно густы и компактны, особенно, когда они переплетены ежевикою, таволгой и дикимъ виноградомъ. Многія деревья пали поперекъ дороги; стволы ихъ покрылись густымъ мохомъ и лишайникомъ. Омела (Viscum album) тамъ и сямъ поселилась на старыхъ вѣтвяхъ. Сырость, подымающаяся изъ овраговъ и задержанная листвою, составляетъ поразительную противоположность съ сухостью тифлисскаго воздуха. Красивыя орхидныя цвѣтутъ здѣсь въ изобиліи; пахучія фіялки растутъ тысячами. Запахъ ихъ такъ и носится въ воздухѣ.

Круглые камни летятъ изъ-подъ ногъ внизъ; звонко гремятъ они, пробуждая ночное эхо. Нога скользитъ по валежнику, безпрестанно спотыкаешься, падаешь на колѣни, кицъ, опираясь рукою о почву, усѣянную фіялками, карминовыми цвѣтами цикламена и голубыми сциллы. Безостановочно подымаешься выше: букъ становится толще и величавѣе, яблони и груши старѣе, форма ихъ вѣтвей затѣйливѣе; сухіе сучья то и дѣло хрустятъ подъ ногою. Ночь прохладна и сыра; сухаго лѣса много: скоро запылалъ костеръ, бросая съ клубами дыма огненные языки и милліоны искръ къ небу. Изогнутыя во всѣ стороны, мшистыя, узловатыя вѣтки старыхъ яблонь вдругъ освѣтились, густая листва зарумянилась, вокругъ костра ярко, съ боковъ темно, какъ въ печи, а подъ ногами спускается въ бездну густой лѣсъ: надъ его кудрявыми верхушками сидимъ мы теперь и смотримъ на Куру, отражающую лунный свѣтъ. Она бѣжитъ лентою, извивается въ котловинѣ, гдѣ громоздятся зданія Тифлиса, и, пройдя этотъ лабиринтъ, сверкаетъ еще разъ и исчезаетъ.

Эхо откликается съ разныхъ сторонъ на говоръ нашъ и крики, на трескъ костра. Сумасшедшій дроздъ, не разобравъ, что еще далеко до восхожденія солнца, принялъ нашъ огонь за первые лучи его; онъ съ шумомъ вспорхнулъ, защебеталъ, но, пораженный повсемѣстной тишиною, опять смолкъ.

Поужинавъ хлѣбомъ, мы улеглись спать, однако, чтобы не терять времени, покуда мы спимъ, можно еще поговорить съ читателемъ о Сагурамѣ.

Если идти по хребту къ западу, то скоро дойдемъ до четырехугольной развалины: то старинная ограда какого-то дома; она заросла травою и молодыми деревьями; зеленыя ящерицы и змѣи скрываются въ щеляхъ ея. Пройдя эту ограду, открывается небольшая церковь изъ сѣраго камня, съ остроконечнымъ коническимъ куполомъ и узкими окнами, какъ и у всѣхъ грузинскихъ

церквей. Деревянная дверь этой церкви заперта; только одинъ разъ въ годъ, въ маѣ мѣсяцѣ, дверь эта отворяется. Сюда пріѣзжаетъ священникъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ богомольцевъ, для совершенія литургіи. Въ этотъ день праздникъ около Зюда-Дзени—такъ называется это мѣсто. Послѣ обѣдни пируютъ на открытомъ воздухѣ, и лѣсъ, молчаливый въ продолженіи цѣлаго года, наполняется отголосками радостныхъ кликовъ и пѣсней. Но лишь только толпа отхлынетъ, Зюда-Дзени опять становится дикимъ, уединеннымъ мѣстомъ.

Въ первый разъ посѣтилъ я Зюда-Дзени въ самый день праздника, но пришелъ, когда пиръ уже кончился и мѣсто это совершенно опустѣло. На полуразвалившейся стѣнѣ сидѣли огромные коршуны или грифы (Vultur fulvus), готовые броситься на остатки пиршества. Нѣсколько бѣлыхъ сипей (Catartes Perenopterus) взвились при нашемъ приближеніи, тяжело размахивая крыльями и спрятавъ синеватыя голыя шеи свои въ пуховыя коймы; поднялись и грифы. Пуля изъ ружья моего товарища не настигла ни одного; только эхо повторило шумъ выстрѣла, а съ ближайшихъ деревъ поднялись другія сипи, которыя вмѣстѣ съ грифами начали описывать круги у насъ подъ ногами и надъ вершинами деревъ. Круги ихъ становились все обширнѣе; скоро вознеслись они къ облакамъ и кружились въ вышинѣ, подобно движущимся точкамъ.

Жаръ былъ нестерпимъ: жажда мучила насъ, а ключа поблизости не было; церковь заперта висячимъ замкомъ; сквозь неплотно притворенныя половинки двери слышалось намъ, какъ капаетъ вода, ниспадая со сводовъ въ чашу. Народъ истолковываетъ чудомъ замѣчательное физическое явленіе образованія воды въ небольшомъ храмѣ Зюда-Дзени. Оно и въ самомъ дѣлѣ чудо, ибо законы, которыми управляется вселенная, созданы Творцомъ и въ самомалѣйшихъ приложеніяхъ своихъ истинно чудесны.

Темный храмъ построенъ изъ мелко-ноздреватой лавы, среди сыраго лѣсистаго мѣста, на влажной почвѣ. Солнечные лучи возбуждаютъ нагрѣваніемъ своимъ дѣятельное испареніе: пары, собираясь на стѣнахъ и сводахъ, проникаютъ въ пòры камня; но такъ какъ камень постоянно нагрѣвается, то эта вода, въ него проникнувшая, снова испаряется. Отъ быстраго испаренія, какъ извѣстно, предметъ, на которомъ оно происходитъ, сильно охлаждается; слѣдовательно, камень сводовъ и стѣны Зюда-Дзени, постоянно охлаждаясь, покрывается каплями, происходящими отъ испаряющейся воды внутри зданія. Капли эти, по мѣрѣ образо-

ванія, падаютъ на полъ или въ чашу, нарочно для того поставленную.

Однако, воды мы такъ и не добились и сбѣжали внизъ сколь возможно быстрѣе. Въ другой разъ ходилъ я на Сагурамъ опять ночью. На полугорѣ мы зашли въ такую трущобу, что принуждены были остановиться Къ счастію, неподалеку нашли мы ключь холодной воды и могли развести костеръ, потому что и тутъ было много сухаго лѣса. Товарищи мои улеглись спать, я же оставался часовымъ. Сначала я любовался на огонь, на разнообразныя группы деревъ, то вырѣзывавшихся изъ мрака, когда ихъ освѣщала внезапная вспышка костра, то частію сливавшихся съ темнотою ночи, когда клубы дыма затѣмняли пламя; прислушивался къ печальнымъ ночнымъ звукамъ,—но вскорѣ потомъ задремалъ. Дремота моя была прервана дикимъ крикомъ, или, лучше сказать, рыканіемъ, отъ котораго какъ я, такъ и товарищи мои вдругъ вскочили, схватившись за ружья. Ревъ былъ очень близокъ. Никто изъ насъ не рѣшился идти на него; да и куда пойдешь среди безлунной ночи? Мы начали кричать хоромъ. Ревъ не умолкалъ. Мы выстрѣлили залпомъ въ ту сторону, откуда онъ слышался—рычаніе повторилось еще нѣсколько разъ и потомъ вдругъ замолкло. Это маленькое происшествіе послужило намъ развлеченіемъ; но никто изъ насъ не могъ догадаться, какой звѣрь рычалъ такимъ образомъ. Я зналъ, что олени страшно ревутъ; но это бываетъ только одинъ разъ въ годъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, а не лѣтомъ; притомъ же такого рева я никогда не слыхалъ.

Какъ только разсвѣло, мы пошли по тому направленію, откуда слышалось рычаніе, и нашли, среди густоты высокихъ деревъ, оставленную саклю, крыша которой частію провалилась, частію же заросла травой. Сквозь провалъ чернѣла глубокая яма: можетъ-быть, она служила убѣжищемъ барсу.

По лѣвой сторонѣ Куры, внизъ по теченію, тянется равнина, пересѣченная только тамъ и сямъ невысокими холмами; она переходитъ верстъ за сорокъ отъ Тифлиса, въ такъ-называемую Караясскую степь.

Въ концѣ весны вздумалось мнѣ совершить пѣшеходное путешествіе въ Караясы. Со мною отправился пріятель мой К*, который проводилъ бо́льшую часть жизни своей въ горахъ, лѣсахъ и оврагахъ, съ ружьемъ и собакою. Мы двинулись ночью и, для удобства ходьбы, въ короткихъ парусинныхъ пальто и такихъ же панталонахъ. На головахъ у насъ были бѣлыя шляпы.

Въ этомъ видѣ, при блескѣ мѣсяца, мы походили на привидѣній; таково было, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, повидимому, произведенное нами на маленькій татарскій караванъ, попавшійся намъ при выходѣ изъ города, потому что вьючныя коровы бросились въ сторону съ дороги и сбили съ себя ношу. Подобные караваны весьма оригинальны: двѣ-три коровы, на которыхъ иногда сидятъ окутанныя яркимъ тряпьемъ женщины, часто съ дѣтьми; затѣмъ выступаетъ сухопарый верблюдъ; верхомъ на тощей лошади ѣдетъ косматый Татаринъ въ буркѣ и бараньей шапкѣ; другой тащится пѣшкомъ около вьючнаго скота, погоняя его длинной палкой; у обоихъ блестятъ изъ-за пояса кинжалы, а за плечами торчатъ винтовки. Прибавьте, что все это освѣщено ярко-багровымъ блескомъ зари или блѣднымъ сіяніемъ мѣсяца, потому что днемъ вообще избѣгаютъ пускаться въ путь. Характеристическія лица Татаръ также придаютъ не мало оригинальности этой картинѣ: изъ-подъ мохнатой овчинной шапки бураго цвѣта выглядываютъ черные, блестящіе глаза; орлиный носъ изгибается надъ кудрявыми усами, соединяющимися со всклокоченною бородою, часто окрашенною въ красный цвѣтъ; сморщенная кожа лица съ коричневымъ отливомъ. Вотъ старикъ. Молодые же большею частію красивы, статны, хотя и невысокаго роста. Зюльфы ихъ черны, какъ смоль, зубы бѣлы, какъ снѣгъ. (1)

Поэтому вы видите, что мы вступаемъ въ страну, населенную Татарами. Правительство находится въ необходимости держать ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одного изъ этихъ молодцовъ повѣсили. Тякіе страшные примѣры едва способны сдержать хищничество: они грабятъ на большихъ дорогахъ, отгоняютъ чужой скотъ, забираются въ дворы или дарбазы своихъ же единовѣрцевъ, съ ружьемъ въ одной рукѣ и нагайкою другой. Особенно падки они до лошадей. Тотъ, у кого воруютъ,—готовый притомъ и самъ украсть,—всегда держитъ наготовѣ оружіе. Нерѣдко пуля догоняетъ хищника. Если онъ убитъ, то подымается кровавая родовая месть; если раненъ, то

---

(1) Не надобно смѣшивать здѣшнихъ Татаръ съ казанскими: первые принадлежатъ къ тюркскому племени, тому же, къ которому относятся Турки Сельджукиды; вторые—къ желтому, чисто монгольскому. Первые отличаются прямыми рѣзцами, болѣе отверстымъ личнымъ угломъ и обиліемъ волосъ на бородѣ и усахъ. Вторые, напротивъ, имѣютъ рѣзцы косвенные, личной уголъ ихъ острѣе, борода и усы рѣдкіе, скулы весьма развитыя.

тщательно скрываетъ рану или говоритъ, что самъ себя нечаянно поранилъ, боясь отвѣтственности передъ начальствомъ.

Кто хочетъ и любитъ много ходить, пусть помнитъ слѣдующее правило: *бери съ собою какъ можно меньше, одѣвайся какъ можно легче;* и я на опытѣ убѣдился въ его справедливости. Лишній фунтъ иногда все дѣло портитъ: ягдташи, пороховницы, дробницы, большіе сапоги,—все это хорошо только для петербургскихъ или для парижскихъ стрѣлковъ. Въ день караяскаго нашего похода мы даже и хлѣба съ собою не взяли.

Всю ночь шли мы скорымъ шагомъ и только одинъ разъ останавливались для отдыха. Къ утру открылась передъ нами Караясская степь. Густая трава, ее покрывающая, уже засохла и пожелтѣла: ботанику тутъ плохая пожива. По берегу Куры оказался лѣсъ изъ черныхъ тополей. Мы сильно устали, но рѣшились поискать дичи. Собака едва искала: ни одного фазана, ни одной перепелки, За то множество сивоворонокъ, щурокъ и удодовъ. Здѣсь мы видѣли, какъ Татаринъ снималъ съ линявшаго верблюда шерсть; клочья ея оставались еще только на шеѣ и на бедрахъ верблюда. Облупивъ его совершенно, Татаринъ намазалъ животное нефтью. Я ничего не видывалъ страннѣе этого верблюда, почернѣвшаго, какъ уголь, отъ нефти: длинная, худая шея, висячіе, чахлые горбы и высокіе ноги уподобляли его какому-то уродливому баснословному грифу.

Въ Караясской степи пасется множество верблюдовъ; они жуютъ самыя жесткія травы: чертополохи, усѣянные двухъ-вершковыми шипами, Alhagy Camelorum, ворсянку, да еще смакуютъ эту пищу съ особымъ удовольствіемъ.

Забравшись подальше въ лѣсъ, мы улеглись подъ большимъ деревомъ на берегу Куры и крѣпко заснули.

Шумъ голосовъ разбудилъ насъ; протираемъ глаза, осматриваемся: передъ ними стоитъ маленькій человѣкъ, съ черными, закрученными усами, въ красивой синей чухѣ, отдѣланной серебромъ, и съ богатымъ кинжаломъ за поясомъ. Въ немъ узнали мы карлика, находящагося въ услуженіи у князя Воронцова и извѣстнаго всему Тифлису. Но какъ, зачѣмъ онъ попалъ сюда? Дѣло въ томъ, что здѣсь находятся принадлежащія ему земли и крестьяне. Кое-какъ объяснили мы ему, что желаемъ воспользоваться его гостепріимствомъ, на что онъ съ своей стороны далъ намъ понять, что готовъ насъ накормить, и назначилъ мѣсто, гдѣ мы могли достать съѣстнаго. Затѣмъ мы разошлись и довольно долго скитались по лѣсу.

Однообразіе мѣстоположенія и отсутствіе дичи начали было намъ надоѣдать, когда на одномъ старомъ дубѣ открыли мы орлиное гнѣздо. Орлица вилась надъ нимъ безпрестанно и весьма близко; но дробь наша не причиняла ей никакого вреда. Мы вздумали взобраться на дубъ, стволъ котораго былъ большею частію безъ вѣтвей: это оказалось свыше нашей ловкости; кстати подошли къ намъ пастухи-Татарчата. За абазъ (20 коп. серебромъ) одинъ изъ нихъ взобрался на самую верхушку дерева и сѣлъ на гнѣздо. Оно было такъ велико, что два человѣка легко могли помѣщаться на немъ, состояло изъ хвороста и палокъ. Татарченокъ неосторожно выбросилъ намъ еще не оперившагося орленка, который тутъ же издохъ; онъ былъ величиною почти съ индѣйку. К* взвалилъ его на плечи, и мы двинулись отыскивать татарскую саклю, назначенную намъ карликомъ. Она оказалась не подалеку оттуда. Тамъ дали намъ лавашей (*) и парнаго молока, за которые мы и принялись, расположившись на крышѣ сакли, приходившейся совершенно вровень съ землею.

Тутъ видѣли мы, какъ верховые пригнали большое стадо, скитающееся круглый годъ въ степи; видѣли разбросанные передъ саклею войлоки, старые ковры и овчины, на которыхъ катались голые ребятишки. Нѣсколько старыхъ женщинъ, съ желтыми, сморщенными лицами и блестящими черными глазами, вышли доить коровъ и буйволицъ. Молодыя кутались до самыхъ глазъ.

Налюбовавшись всѣмъ этимъ досыта, пустились мы передъ солнечнымъ закатомъ, въ обратный путь.

Караясъ любопытенъ менѣе всѣхъ другихъ окреетностей Тифлиса: степь, сожженная солнцемъ, довольно рѣдкій лѣсъ, татарскія жилья, разбросанныя на недалекомъ другъ отъ друга разстояніи,—все это сухо и дико. Правда, что степь оживляется иногда стадами джейрамовъ, но это не для нашего брата: за ними охотятся только тѣ, которые могутъ собрать цѣлое полчище всадниковъ; иначе развѣ только случайно можно овладѣть одною изъ этихъ рѣзвыхъ антилопъ.

Мы возвратились въ Тифлисъ передъ самымъ восходомъ солнца.

---

(1) «Что за смѣшная страна! Здѣсь салфетку ѣдять вмѣстѣ съ кушаньемъ!» (Quel drôle le pays! On y mange la serviette et le plat avec son contenu!) сказалъ одинъ веселый Французъ, потому-что кебабъ и другія кушанья подаются здѣсь завернутыми въ лавашъ, который въ свою очередь кладется на другой лавашъ, дѣйствительно служащій салфеткою.

Утомленный, я повалился на постель и заснулъ, какъ убитый; и было отчего утомиться: мы прошли 80 верстъ въ 26 часовъ.

Теперь разскажу, что-нибудь о болѣе отдаленныхъ окрестностяхъ Тифлиса.

Къ западу отъ города подымаются горы: послѣднія строенія примыкаютъ съ этой стороны къ Мтацминдѣ, или Св. Горѣ, которая составляетъ первый уступъ хребта Санарулскаго Идя по этому направленію, путникъ встрѣчаетъ Коджоры—лѣтнее убѣжище тифлисскихъ жителей.

Коджоры расположены на высотѣ слишкомъ 5,000 футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря. Далѣе верстъ за 30, по кратчайшей дорогѣ отъ Коджоръ, лежитъ Бѣлый Ключъ, штабъ квартира одного пѣхотнаго полка. Поюжнѣе Бѣлаго Ключа — Манглисъ, штабъ-квартира другаго полка, отстоящая отъ Коджоръ также верстъ на 30. Всѣ эти мѣста, особенно Бѣлый Ключъ и Манглисъ, чрезвычайно живописны, пользуются прекраснымъ умѣреннымъ климатомъ и посѣщаются въ лѣтнее время многими изъ тифлисскихъ жителей. Я не разъ туда хаживалъ, а въ Манглисѣ и на Бѣломъ Ключѣ даже жилъ.

По мѣстоположенію своему, эти два мѣста совершенно противоположны. Бѣлый Ключъ расположенъ на высокой горѣ, виды съ его улицъ обширны: вдали синѣетъ хребетъ, среди котораго подымается громадный Алагёзъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ. Съ другихъ сторонъ высятся поодоль обнаженныя или лѣсистыя вершины; большіе орѣшники осѣняютъ своей густой зеленью главныя улицы; обильные ручьи стремительно текутъ по каменистому известковому дну.

Манглисъ, напротивъ того, лежитъ въ весьма глубокой котловинѣ; видъ изъ этой котловины ограниченъ со всѣхъ сторонъ близко возвышающимися лѣсистыми горами. Вмѣсто орѣшника встрѣчаете здѣсь сосновую рощу; почва глинисто-черноземная, каменные слои состоятъ изъ глинистаго сланца; воды менѣе прозрачны и веселы, нежели на Бѣломъ Ключѣ, но за то рѣчка Алгетъ весьма близка отъ Манглиса. Оба мѣста состоятъ изъ многихъ слободъ: чистенькіе бѣлые домики, или; лучше сказать, избы, расположены весьма правильно; жители этихъ домиковъ—солдаты съ своими семействами. Огороды у нихъ большіе. стадо многочисленно. Вышина мѣстности (5,000 футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря) опредѣляетъ умѣренный климатъ, похожій на южно-русскій. Словомъ, для Русскаго, да и для всякаго другаго, здѣсь, какъ говорится, не житье, а рай, тѣмъ болѣе, что

здѣсь не извѣстны ни лихорадки, ни холера, никакія другія эпидемическія болѣзни. Зимою большею частію устанавливается санный путь съ легкимъ морозомъ; лѣтомъ частые дожди умѣряютъ жаръ, а растительность могуча. Виноградъ же хотя и растетъ, но не зрѣетъ. Впрочемъ, персики и абрикосы часто достигаютъ зрѣлости.

Мѣста около Манглиса и Бѣлаго Ключа восхитительны. Я хаживалъ какъ туда, такъ и сюда. Въ Манглисъ изъ Тифлиса нѣсколько дорогъ: самая длинная чрезъ Коджоры, кратчайшая идетъ правѣе Коджоръ, подымаясь тысячи на четыре съ половиною футовъ надъ уровнемъ моря. Сначала восходятъ или прямо по крутизнѣ Мтацминды, или нѣсколько лѣвѣе, по крутизнѣ Сололакскаго острога. Тамъ духота тифлисскаго лѣтняго воздуха уже исчезаетъ.

Пройдя верстъ шесть, пѣшеходъ вступаетъ по каменистой тропинкѣ въ лѣсокъ, начинающійся густымъ кустарникомъ, состоящимъ изъ грабовъ (Carpinus betulus et orientalis), орѣшника (Corylus avellana), дубняка (Quercus pedunculata, pubescens, et robur), боярышника, распространяющаго отъ цвѣтовъ своихъ сильный ароматъ, и проч.

Далѣе попадаются болѣе крупныя деревья изъ семейства яблочныхъ. Среди эти кустовъ цвѣтутъ коралло-цвѣтный піонъ (Paeonia corallini) и желтая лилія (Lilium monadelphum). Пройдя первую возвышенность, спускаетесь въ долинку; Коджоры остаются назади. Тутъ можно сдѣлать первый привалъ, около группы духановъ, изъ которыхъ одинъ содержится русскимъ мужичкомъ и представляетъ нѣчто среднее между духаномъ и харчевнею. Я обыкновенно проходилъ далѣе, подымался на слѣдующую гору и располагался подъ тѣнію большаго грушеваго дерева, налѣво отъ дороги, которая тутъ начинаетъ пролегать по довольно узкому хребту, одѣтому по скатамъ густымъ лѣсомъ, состоящимъ по большей части изъ деревъ семейства яблочныхъ, съ примѣсью буковъ и грабовъ. Идете дальше,—обширность и прелесть видовъ становятся поразительными: напр аво и на зади полукругомъ высится Кавказскій хребетъ. Бѣлизна его снѣговъ, подобно неполированному серебру, отдѣляется на голубомъ небѣ. Вы видите границу этихъ снѣговъ. Ниже ея хребетъ чернѣетъ, выказывая мрачныя пятна своихъ ущелій, глубокихъ тѣснинъ и густыхъ лѣсовъ. Направо другой хребетъ съ Алагёзомъ, а вокругъ васъ яркая зелень; подъ ногами—долины и вершины горныя, одѣтыя лѣсами или свѣжей травою. Все это освящено съ величайшимъ

разнообразіемъ. Здѣсь тѣнь отъ вершины стелется длиннымъ конусомъ; тутъ свѣтъ, не встрѣчая препятствія, золотитъ деревья и луга, сквозя въ листвѣ, отражаясь отъ сѣрой или бѣловатой скалы.

Такою дорогою подходите вы къ страшному обвалу, картинно названному Русскими *Пропалою Балкою*. Приближаетесь къ *Пріюту*, прежнему лѣтнему пребыванію главнокомандующаго и его свиты.

Пріютъ окруженъ лѣсомъ: это—русская деревенька, населенная семейными солдатами. Избы, копны пшеницы и стоги сѣна, небольшая сельская церковь, построенная совершенно на русскій ладъ,—все это особенно пріятно трогаетъ русское сердце.

Миновавъ пріютъ и пройдя нѣсколько верстъ, встрѣчаете другую деревню—выселокъ изъ Манглиса, извѣстный подъ названіемъ *Полковые Зимовники*. Тутъ лѣсъ отодвигается далеко влѣво, направо же луговыя возвышенности. Вы подымаетесь незамѣтно, и вдругъ открывается передъ вашими ногами, въ широкой котловинѣ, Манглисъ, съ своими сосновыми рощами, множествомъ бѣленькихъ домиковъ и хорошенькой церковью. Скатъ, по которому сходятъ въ Манглисъ, усѣянъ кустами, особенно шиповникомъ. Въ началѣ лѣта здѣшняя окрестность такъ полна дикими розами, что отовсюду вѣетъ ихъ ароматомъ, а глазъ то и дѣло покоится на огромныхъ кустахъ, усѣянныхъ розовыми, бѣлыми и пунцовыми цвѣтами.

Въ Манглисѣ можно нанять чистенькій домикъ за весьма дешевую цѣну и жить совершенно по своему желанію, или въ обществѣ тамошнихъ жителей и пріѣзжихъ, забывающихъ на лѣтнее время городской этикетъ, или же среди природы, потому что свѣжѣе, милѣе и граціознѣе манглисскихъ окрестностей нечего и желать.

На сѣверъ отъ Манглиса находится Карталинская гора, безлѣсная и весьма высокая; у подошвы ея сосновая роща, разнообразныя купы широколиственныхъ деревъ и самые богатые луга, какіе когда-либо случалось мнѣ видѣть. Съ вершины этой горы видъ чрезвычайно обширенъ. Тутъ я особенно любилъ герборизировать: богатство травной растительности необыкновенно. Желтыя лиліи попадаются кучами и развиваются вполнѣ: на одномъ стеблѣ, который былъ выше средняго человѣческаго роста, насчиталъ я до 25 цвѣтовъ. Въ іюнѣ и въ началѣ іюля здѣсь особенно много цвѣтовъ, и большая часть изъ нихъ достойны служить украшеніемъ садамъ. Крупноцвѣтный ленъ (Linum

hirsutum), съ голубоватыми и розовыми цвѣтами, встрѣчается какъ въ кустахъ, такъ и на открытыхъ мѣстахъ. Чѣмъ выше онъ растетъ, тѣмъ стебли его становятся короче; но цвѣты его тѣмъ ярче, листья мохнатѣе и гуще. То же замѣтилъ я на ринхохорѣ (Rhynchochoris orientalis), котораго здѣсь множество. Прекрасный восточный макъ (Papaver orientale) растетъ соціально; огненные цвѣты его величиною съ садовые піоны. Довольно обыкновенные колокольчики, Campanula glomerata, trachelium Phyteuma campanuloides, въ-особенности же первый изъ этихъ видовъ, покрываютъ склоны и равнину вершины Карталинской горы; ихъ ярко-лиловые, крупные и обильные цвѣты такъ и манятъ къ себѣ ботаника. Горные васельки (Centaurea montana) съ розовыми и желтыми головками, Inula grandiflora съ оранжевыми лучами, кавказская скабіоза съ блѣдно-голубыми, крупными головками, Cephalaria tatarica съ лимонно-желтыми цвѣтами, Erigeron caucasicum, розовая и красная ромашка (Pyrethrum (*) roseum et carneum) и множество другихъ растутъ здѣсь въ изобиліи. При болотѣ нашелъ я здѣсь парнассію (Parnassia palustris), это хорошенькое растеніе, котораго такъ много въ Россіи.

Обиліе тайнобрачныхъ въ Манглисѣ и на Бѣломъ Ключѣ также весьма замѣчательно; полурусскій колоритъ этихъ мѣстъ дополняется масленикам, боровиками и бѣлыми грибами, которыхъ около самаго Тифлиса вовсе нѣтъ.

Поживъ нѣсколько времени въ Манглисѣ, я отправился на Бѣлый Ключъ пѣшкомъ, по кратчайшей дорогѣ. Дорога эта идетъ сначала по берегу Алгета, украшенному кустами шиповника, ежевики, цѣлыми рощами воздушнаго жасмина (Philadelphus coronaria), и оживленному множествомъ соекъ и щурокъ. Почва переходитъ постоянно изъ глинистой въ известковую. Тамъ, гдѣ производятся ломка известняка и его пережиганіе, перешелъ я черезъ рѣку и пустился глухою дорогою черезъ темный лѣсъ въ гору. Было жарко. Я искалъ источника. Поднявшись на высоту, нашелъ я наконецъ тотъ ключъ, о которомъ говорили мнѣ на каменоломнѣ. Старый грабъ распускаетъ здѣсь узловатыя вѣтви свои; корни его частію вышли изъ земли, а изъ-подъ нихъ струится, широкою скатертью, прозрачная и холодная, какъ ледъ, вода.

---

(1) Изъ цвѣтныхъ головокъ этого растенія дѣлаютъ порошокъ для истребленія блохъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ. Порошокъ этотъ весьма дешево продается въ Тифлисѣ, самыми собирателями его; но перекупщики возвысили цѣнность его до невѣроятности.

Я прошелъ безъ всякихъ приключеній, хотя дорога была мнѣ вовсе неизвѣстна, и знакомыя улицы Бѣлаго Ключа скоро открылись моему взору.

Бѣлый Ключъ прямо лежитъ на мѣловой почвѣ. Я уже сказалъ, что пласты плитнаго известника вездѣ обнажены многочисленными ручьями; но нигдѣ не видалъ я довольно обширнаго каменистаго обрыва. Плитнякъ, который ломаютъ здѣсь, содержитъ много отпечатковъ большихъ и всегда переломанныхъ двустворчатыхъ раковинъ. Воды вымываютъ и сносятъ на болѣе низкія равнины множество кремнистыхъ окаменѣлостей эхинидовъ изъ семейства Spatangida. Въ большомъ количествѣ попадаются здѣсь также кристаллы кварца, въ видѣ полныхъ, октаэдрическихъ призмъ, столь рѣдкихъ повсюду и называемыхъ здѣсь *каменнымъ дождемъ*.

Вездѣ въ растворѣ вода содержитъ известь. Одинъ изъ бѣлоключинскихъ ручьевъ можно считать облѣпляющимъ, потому что листья, вѣтви и другія мелкіе предметы, на днѣ его находящіеся, покрываются тонкимъ слоемъ извести. Берега Алгета и многихъ другихъ ручьевъ состоятъ изъ ноздреватой, сѣрой лавы; большія толщи ея попадаются также и вдали отъ береговъ, гдѣ онѣ какъ будто бы выходятъ изъ-подъ верхней породы. Старинныя церкви, ограды и ворота, нынѣ уже развалины, построены изъ этой лавы. Въ чащѣ лѣса нашелъ я грубо высѣченную изъ того же матеріала и заросшею мхомъ и травою лошадь.

Какъ на Бѣломъ Ключѣ, такъ и въ Манглисѣ я бывалъ на охотѣ; но для этого требуются здѣсь большія средства, т.-е. много охотниковъ и еще больше собакъ. Ни тѣхъ, другихъ со мною не было въ достаточномъ количествѣ; впрочемъ, такъ какъ я ходилъ на охоту больше для прогулки и для осмотра мѣстъ, то я остался доволенъ своими похожденіями.

Съ Бѣлаго Ключа отправился я пѣшкомъ, съ пятью или шестью бывалыми охотниками и солдатами. При нихъ было нѣсколько гончихъ. Пока не вступили въ лѣсъ, надежда насъ подкрѣпляла; но вотъ пустили собакъ, раздалось ихъ тявканье, «козелъ, козелъ»! (такъ называютъ здѣсь козуль) закричали солдаты; но козелъ прошелъ хотя и близко, да въ такой чащѣ, что что никто и ушей его не видѣлъ. Надо было слѣдовать за собаками—новая исторія: овраги, стремнины, крутизны, заросшіе лѣсомъ и усѣянные сухими листьями, какъ разъ отбили всю охоту отъ охоты. Собрали собакъ. Унтеръ-офицеръ поставилъ меня на тропинкѣ около пня: «Коли побѣжитъ олень или козелъ»,

сказалъ онъ, «не пускайте очень близко и стрѣляйте подъ лопатку; коли пойдетъ кабанъ, то становитесь на пень и пускайте звѣря какъ можно ближе, а коли полѣзетъ медвѣдь..... такъ лучше не стрѣляйте.» Проникнутый этими словами и въ ожиданіи всякихъ хищныхъ и травоядныхъ, я остался одинъ. Скоро собаки залаяли не вдалекѣ. «Береги оленя»! кричали мнѣ снизу. Лѣсъ затрещалъ. Сердце у меня забилось. Лай приближался; но олень прошелъ опять въ чащѣ. Двинулись дальше, стали на полянкѣ. Собаки какъ разъ на меня выгнали козулю. Легкій звѣрь пролетѣлъ черезъ лужайку, закинувъ рогатую головку свою назадъ. Я только и видѣлъ, что эту рогатую головку да красно-рыжую спину. Отъ восторга я оторопѣлъ и опустилъ ружье внизъ; между тѣмъ выстрѣлы раздавались тамъ и сямъ. Охотники убили стараго козла, и мы отправились на ночлегъ, на высокую лужайку около лѣса и поля, засѣяннаго горохомъ. Тутъ были шалаши, и мы развели около нихъ огонь, между двумя большими грушами; хотѣли было воспользоваться горохомъ, но оказалось, что большая часть его измята кабанами. Пошли сторожить этихъ животныхъ; но и тутъ удалось только подслушать ихъ хрюканье, да еще гдѣ-то въ лѣсу блеялъ козелъ. Наступила прохладная ночь: надо было забиться въ сѣно, чтобы не озябнуть и заснуть; а на другой день я воротился. Охота въ Манглисѣ, или, лучше сказать, около Пріюта не была счастливѣе.

Поведу читателя еще дальше. Одинъ разъ, въ началѣ лѣта, случилось мнѣ побывать въ Кахетіи. Все путешествіе продолжалось не больше 10 дней, но, тѣмъ не менѣе, успѣлъ я кое-что увидѣть. Путь мой былъ слѣдующій: изъ Тифлиса въ Сигнахъ (100 верстъ), изъ Сигнаха по Алазанской долинѣ до Телава, изъ Телава въ мѣстечко Тіонеты, а оттуда горною верховою дорогою въ Тифлисъ. Дорога до Сигнаха представляетъ мало любопытнаго. Мы переѣхали въ телѣгѣ черезъ Іору (древній Камбизусъ), съ помощью Татаръ, которые шли около колесъ. Рѣка эта, особенно во время разлива или послѣ грозы, считается одною изъ самыхъ трудныхъ переправъ, и, въ самомъ дѣлѣ, пѣнистыя волны ея такъ и тащили нашу телѣгу вмѣстѣ съ лошадьми и сѣдоками. Городокъ Сигнахъ весьма живописенъ: онъ расположенъ на краю обрывистой крутизны; грузинскіе домики его, въ перемежку съ немногими домами русской постройки, разбросаны безъ всякаго порядка; тамъ и сямъ сады, стройные тополи и грецкіе орѣшники, и все это на холмистой почвѣ, на краю высокой стремнины, отъ подошвы которой начинается обширная

Алазанская долина. Вдали виднѣются берега рѣки, за нею Кавказскій хребетъ, подъ которымъ гнѣздятся отдаленныя деревни. Изъ Сигнаха дорога сначала идетъ по узкому ущелью, выходящему на Алазанскую долину. Въ этомъ ущельи бѣжитъ красивый ручей, котораго паденіе такъ велико, что, на разстояніи версты съ небольшимъ, на немъ расположено множество мельницъ, по крайней мѣрѣ десятокъ; а какъ живописны эти мельницы, скрывающіяся въ густой зелени деревъ и кустовъ, между которыми встрѣчаются часто и гранатовые съ яркими огненными цвѣтами! Маленькое колесо каждой мельницы приводится въ движеніе струею, падающею на него каскадомъ вышиною иногда въ сажень съ лишнимъ. Каскады эти освѣжаютъ воздухъ, дробясь серебряною пылью, и наполняютъ шумомъ эту хорошенькую долину; но скоро выѣзжаютъ на галешникъ Алазанской долины и почти до самаго Телава ѣдутъ ровною дорогою, которая была бы хороша, если бы счистили съ нея или укрѣпили то множество кругляковъ, которые составляютъ главную настилку самой долины. Во все время переѣзда виднѣется хребетъ издали; но Телавъ лежитъ при входѣ въ горы, и долина видимо за нимъ съуживается. Изъ Сигнаха мы, однако, не прямо попали въ Телавъ: на дорогѣ остановились и переночевали у одного изъ князей помѣщиковъ, который принялъ насъ съ величайшимъ радушіемъ. Поутру мы заѣхали на княжеское поле и были свидѣтелями сцены чисто гомерической. Князь собралъ своихъ крестьянъ жатву пшеницы. Всѣ сбѣжались на зовъ своего господина; на перекресткѣ, между засѣянными полями, теперь покрытыми золотою жатвою, возвышается великанское орѣховое дерево. Подъ нимъ расположился князь. Слуга держитъ его лошадь подъ уздцы; самъ же онъ опирается, подбоченясь, на рукоятку богатаго кинжала, закинувъ рукава чухи назадъ и, весело посматривая вокругъ, попиваетъ изъ серебряной азарпеши (1) легкое вино, произведеніе его садовъ. Недалеко отъ дерева вырыты продолговатыя ямы: въ нихъ положенъ жаръ, на которомъ жарится въ изобиліи бараній и говяжій шашлыкъ; тутъ же готовъ бурдюкъ съ виномъ для угощенія рабочихъ. Безъ всякаго порядка разсѣялись по полю жнецы и въ-запуски, съ крикомъ и пѣснями, снимаютъ жатву. Потъ градомъ льется съ ихъ бронзовыхъ лицъ и открытой груди. Они перебрасываютъ снопы одинъ другому,

---

(1) Ковши для вина, совершенно подобные нашимъ суповымъ; только ручки у нихъ прямыя и украшенія болѣе затѣйливы.

складываютъ пшеницу ворохомъ около дерява, осѣняющаго зеленымъ шатромъ своимъ князя. Работа кипитъ, прерываясь роздыхами, назначенными для поглощенія шашлыка и осушенія азарпешей. Тутъ мы простились съ княземъ и поблагодарили его за гостепріимство среди многочисленной и веселый толпы, къ вечеру же въѣхали въ Телавъ. Телавъ красивъ, потому что окруженъ садами, и недалеко отъ него возвышаются лѣсистыя горы. Мы переночевали тамъ одну ночь, походили по пестрому базару его и отправились верхомъ въ Тіонеты, черезъ горы и лѣса. Насъ сопровождали вооруженные люди, потому что сосѣдство Лезгинъ здѣсь считается опаснымъ; однакожь, никто не помѣшалъ намъ любоваться прекрасными буковыми деревьями, никто не помѣшалъ останавливаться при каждомъ горномъ ручьѣ, которыхъ здѣсь такъ много и которые такъ прозрачны и освѣжительны. Закавказскіе ручьи и рѣчки навсегда останутся однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній моихъ. Истинно нѣтъ словъ, чтобы описать ихъ прелесть и представить живительную силу ихъ, столь драгоцѣнную усталому путнику, истомленному жаромъ. Величайшимъ наслажденіемъ считалъ я, особенно во время пѣшихъ походовъ, утолять жажду, припавъ къ студеной струѣ: за этимъ только я бывалъ готовъ отправляться верстъ за двадцать отъ Тифлиса. Замѣтимъ, что на походѣ холодная вода не причиняетъ никакого вреда, лишь бы только долго не оставаться безъ движенія. Это я испыталъ лично.

Мѣстечко Тіонеты расположено на берегу Іоры, которая здѣсь ближе къ своему истоку и свѣтло-струйнѣе, нежели тамъ, гдѣ мы ее переѣзжали въ первый разъ. Тіонеты занимаютъ весьма высокую равнину, окруженную горами и лѣсами; климатъ тамъ умѣренный, ночи прохладныя; виноградъ, котораго такъ много въ Телавѣ, здѣсь уже не зрѣетъ. Въ Іорѣ ловится въ изобиліи хорошая форель, а въ лѣсахъ нѣтъ недостатка въ дичи. Мы пошли на базаръ; для этого приходилось проходить подъ аркою старой стѣны, на которой поразило насъ странное зрѣлище: нѣсколько человѣческихъ рукъ, отрѣзанныхъ по ладонный суставъ, висѣли здѣсь на гвоздяхъ! Это, какъ мы узнали потомъ, трофеи нашихъ *Пшавцевъ* или *Тушинъ*, ведущихъ войну на лезгинскій ладъ. Война эта состоитъ изъ внезапныхъ набѣговъ, при которыхъ, кромѣ смѣлости и храбрости, надо много ловкости и хитрости. Три племени: Пшавцы, Хевсуры и Тушины, обороняютъ съ этой стороны границу нашу отъ Лезгинъ и находятся подъ начальствомъ одного лица, пребывающаго въ Тіонетахъ. Начальникъ

этотъ, тогда князь Ч*, много разсказывалъ намъ о подвигахъ своихъ воиновъ и о трудностяхъ походовъ по высокимъ утесистымъ горамъ; онъ же объяснилъ намъ происхожденіе полуистлѣвшихъ рукъ, которыя мы видѣли на старой стѣнѣ. Дикое обыкновеніе отрѣзывать вмѣсто трофея правую руку побѣжденнаго существуетъ и у Лезгинъ. Въ Телавѣ есть городничій, который носитъ на себѣ страшные слѣды этого варварскаго обычая: у него отрѣзаны кисти на обѣихъ рукахъ. Вотъ какъ это случилось: при нападеніи Лезгинъ на одну изъ деревень, въ которой онъ тогда находился, этотъ городничій былъ жестоко раненъ и лежалъ почти бездыханный. Лезгины спѣшили грабить и отступать, тѣснимые Русскими. Одному изъ нихъ понадобилась, однако же, рука несчастнаго. Второпяхъ онъ надрѣзалъ ему сухія жилы, перегнулъ кисть внутрь и однимъ ударомъ кинжала отсѣкъ ее, но, удаляясь, замѣтилъ, что, въ поспѣшности, отрѣзалъ, не ту руку: у него была лѣвая, а надо было правую. Звѣрь этотъ воротился и возобновилъ операцію надъ правою рукою! Несчастный. приведенный въ себя острою болью, принужденъ былъ молчать, притворясь мерттымъ; тѣмъ только избавился онъ отъ вѣрной смерти. Теперь же онъ здоровъ и веселъ, даже ѣздитъ верхомъ, положивъ узду на локтевые суставы.

Изъ Тіонетъ отправились горною лѣсною дорогою верхомъ до Тифлиса, переночевавъ въ деревнѣ, расположенной среди лѣса. Тамъ отвели намъ саклю старосты, который говорилъ порядочно по русски да еще прошелъ географію до *Италіи.* Онъ былъ въ одномъ изъ приходскихъ училищъ, которыя теперь уже довольно распространены за Кавказомъ.

Изъ моихъ описаній читатель довольно знакомъ съ общимъ видомъ растительности Тифлиса и его окрестностей болѣе или менѣе отдаленныхъ; теперь бросимъ взглядъ на двигающихся и чувствующихъ существъ, оживляющихъ густые лѣса, травныя поля и наполняющихъ звуками прозрачный воздухъ тѣхъ странъ.

Домашнія животныя болѣе другихъ имѣютъ вліяніе на особливость колорита разныхъ мѣстностей, какъ по своему количеству, такъ и по своей величинѣ Житель сѣвера, безъ сомнѣнія, болѣе всего поражается караванами верблюдовъ, вереницами лошаковъ, ослами, безъ устали снующими въ городѣ, деревняхъ и по дорогамъ; не менѣе поражаютъ его черные, тяжелые буйволы. Но, проживъ года два, всѣ эти животныя становятся для него давно знакомыми. Для тифлисскихъ горожанъ закавказская фауна скоро сливается съ общею русскою; изрѣдка развѣ базаръ, съ

своими рѣдкими фазанами и дикими козами, напоминаетъ, что онъ окруженъ незнакомыми ему тварями, что страна, въ которой онъ живетъ, разнообразнѣе, и въ этомъ отношенiи, милой его родины. Сначала скажу нѣсколько словъ о дамашнихъ животныхъ, а потомъ перейду къ фаунѣ дикой, изъ которой постараюсь избирать только характерное.

Кавказскiя лошади прославлены; но, при этомъ, мнѣ приходится вспомнить русскую поговорку: *славны бубны за горами*, и, дѣйствительно, вообще говоря, на Руси лошади гораздо лучше. За Кавказомъ, онѣ, правда, красивѣе, въ Россiи же крѣпче и сильнѣе. Нечего перечислять и описывать различныя конскiя породы: объ этомъ не мало говорено; да я же притомъ не считаю себя знатокомъ въ лошадяхъ. Поговоримъ лучше объ обращенiи здѣшнихъ жителей съ лошадьми. Страсть къ верховой ѣздѣ здѣсь всеобщая: каждый силится завести себѣ лошадь, не заботясь о томъ, будетъ ли ему чѣмъ прокормить ее; у кого нѣтъ коня, тотъ нанимаетъ себѣ избитую и разбитую клячу, осѣдланную оборваннымъ сѣдломъ, съ истертыми подпругами и узловатую уздою, громоздится на нее и, закинувъ висячiе рукава чухи за плечи, заломивъ шапку набекрень, рветъ бока несчастнаго Росинанта острыми концами широкихъ азiятскихъ стременъ, хлещетъ ее ногайкой и скачетъ куда ни попало, гикая и стрѣляя изъ пистолета.

Дурное состоянiе дорогъ, изъ которыхъ многiя только и годны, что для пѣшехода или всадника, сильно способствуетъ къ распространенiю верховой ѣзды. Грузинъ, Армянинъ или Татаринъ обыкновенно путешествуетъ верхомъ; даже и женщины совершаютъ бо̀льшую часть своихъ переѣздовъ верхомъ, въ настоящемъ значенiи этого слова. Грузинское сѣдло болѣе всего походитъ на черкесское: оно весьма сжато, покрыто тонкой подушкой и чапракомъ, вышитымъ самыми яркими шелками; луки оно имѣетъ высокiя, стремена невыносимо коротки для Европейца, они широки и концы ихъ остры, какъ у турецкихъ. Спереди или сзади перекидываются ковровыя сумы (перекидныя): это—мѣшки, соединенные кускомъ ковра равной съ ними ширины. Они весьма удобны для путешествiя: въ нихъ кладется все, что̀ нужно Грузину. При сѣдлѣ же виситъ маленькiй бурдюкъ съ виномъ. Вскочивъ на свое сѣдло, безъ помощи стременъ, Грузинъ обыкновенно тянетъ узду къ себѣ, бьетъ лошадь ногайкою и, посадивъ ее такимъ образомъ назадъ, отъѣзжаетъ съ мѣста въ припрыжку. При этомъ надо замѣтить, что онъ постоянно держится на стре-

менахъ и уздѣ, отчего всѣ здѣшнія лошади дерутъ голову назадъ, любятъ прыгать, или, скорѣе. топтаться на мѣстѣ; а это причиною, что многія изъ нихъ разбиты на заднія ноги.

Когда въ полѣ есть трава, что̀ бываетъ въ бо̀льшую часть года, то лошадь довольно сыта, потому что всаднику сто̀итъ только пустить ее на поле, привязавъ къ колу на длинной шерстяной веревкѣ; но зимою или во время засухи лошадямъ приходится плохо, потому что въ карманѣ у Грузина рѣдко шевелится лишній абазъ для покупки ячменя; притомъ же привлекательные духаны, со своимъ ассортиментомъ бурдюковъ, попадаются такъ часто на дорогѣ, а горло такъ пересыхаетъ!...

Лучшихъ лошадей въ Тифлисѣ я видѣлъ, конечно, не у туземцевъ; на конюшнѣ намѣстника были хорошіе англійскіе скакуны, да еще у его высочества Бегменъ-мирзы и у персидскаго консула славные персидскіе кони. Красивыхъ лошадиныхъ головъ много, сухихъ, породистыхъ ногъ также не мало, особенно въ караванахъ, идущихъ съ юга; но рѣдко встрѣтите въ Тифлисѣ лошадь вовсе безпорочную.

Дороги на Кавказѣ дѣлятся на четыре категоріи: самыя длинныя, почтовыя, менѣе всѣхъ живописныя; затѣмъ слѣдуютъ арбяныя, далѣе верховыя, или вьючныя тропы и, наконецъ, кратчайшія и самыя живописныя, пѣшія. Послѣднія извиваются по крутымъ бокамъ скалистыхъ горъ, восходятъ на вершины, уступами спускаются съ крутизны, пробираются въ лѣсной чащѣ, часто въ ужасной трущобѣ. Не разъ, увлекшись экскурсіей, принужденъ я былъ останавливаться въ какой-нибудь тѣснинѣ между высокими скалами, подъ тѣнію выдавшихся слоевъ сѣраго сланца: сквозь нихъ сочится иногда чистая, холодная вода, плющъ стелется по сырому плитняку; длинными фестонами ниспадаетъ сверху красивый папортникъ, Adianthus capillum veneris; но даль совершенно скрыта сдвинутыми обрывами. Небо виднѣется только надъ головою въ видѣ узкой ленты; тишина, окружающая путника, нарушается лишь насѣкомыми да струйкою источника, тихо падающаго въ мелкій бассейнъ, выдолбленный водою въ камнѣ. Вечеръ: внезапно слышится звонъ колокольчиковъ, на краю скалы, рѣзко рисуясь на горизонтѣ, появляется цѣлая вереница лошаковъ, навьюченныхъ углемъ: они привязаны другъ къ другу хвостами и уздами попеременно, всѣ почти темно-гнѣдой масти; бодро и проворно идутъ они, ступая тонкими копытами по едва замѣтной тропинкѣ, помахивая красивыми головами, на которыхъ зыблятся длинныя уши. Уши эти съ пер-

ваго раза обозначаютъ ихъ ослиное происхожденіе; что же касается до статей, то ничего красивѣе нельзя придумать: особенно хороши ихъ сухія, тонкія ноги. Звонкій уголь, пережженный изъ молодаго лѣса, искусно уложенный и заплетенный гибкими прутьями, собранъ по два тюка на каждомъ животномъ и такъ крѣпко къ нему привязанъ, что даже не колеблется. Лошаки больше всего употребляются здѣсь на перевозку угля изъ окружныхъ лѣсовъ, гдѣ для этого пережигаютъ яблони, грушу, сливнякъ, грабъ и пр.; онѣ попадаются также иногда въ товарныхъ караванахъ. Лучшими считаются персидскія.

Теперь объ ослахъ: это повсюду партіи домашнихъ млекопитающихъ; въ Тифлисѣ же, болѣе нежели гдѣ-либо, терпятъ они горькую участь.

Ослы, которыхъ мы привыкли считать лѣнивѣйшими и упрямѣйшими изъ животныхъ, скитающихся по улицамъ городовъ и между саклями деревень, являются совершенно иными въ дикомъ состояніи: огромныя стада кулановъ (такъ называютъ дикихъ ословъ) быстро переносятся отъ одной оконечности необозримыхъ травныхъ степей закаспійскихъ до другой. Они забѣгаютъ черезъ Усть-Юртъ до Оренбургской губерніи, извѣстны своей дикостью и неукротимостью; домашній же оселъ сохранилъ только упрямство, формы и характеристическій темный крестъ на холкѣ. Дурное обращеніе до-крайности развиваетъ въ нихъ этотъ недостатокъ. Въ Тифлисѣ ословъ рѣдко, а по большей части и вовсе не кормятъ; они пробавляются сами собою. Уличные мальчишки поставляютъ себѣ за правило колотить всякаго встрѣчнаго осла, чѣмъ ни попало; погоньщики бьютъ этихъ несчастныхъ ушановъ безостановочно, наваливаютъ на нихъ вьюки дотого огромные, что изъ-подъ нихъ, кромѣ головы съ длинными ушами, да истерзаннаго хвоста, часто ничего болѣе не видно. На тифлисскихъ улицахъ или на дорогахъ не рѣдко встрѣчаются ворохи хвороста, грубаго сѣна или кучи сырыхъ овчинъ, которыя двигаются какъ будто сами собою: только вблизи торчащія и болтающія уши изобличаютъ скромнаго двигателя. Здоравый и плотный погоньщикъ часто еще и самъ наваливается сверхъ вьюка, если послѣдній тому не препятствуетъ. Ноги всадника волочатся по землѣ, а руки то и дѣло хлопаютъ по тощимъ бокамъ упрямаго скакуна, который, такъ же, какъ и вся его братія, выноситъ сильнѣйшіе побои съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Флегматичность осла не разъ приводила меня въ изумленіе: хватитъ ли его мальчишка палкою по мордѣ, онъ тихо отворачивается и продолжаетъ

глодать какую-нибудь колючку; получилъ ли ударъ ногою въ брюхо, онъ отходитъ на три шага и опять принимается за свое дѣло. Мнѣ случалось по цѣлымъ часамъ дивиться этому терпѣнію. При этомъ, впрочемъ, не менѣе замѣчательно и терпѣніе нападающихъ. На ослахъ возятъ плоды изъ садовъ, мясо съ бойни, хворостъ, мелкія дрова, сѣно, кожи и проч.

Мнѣ уже не разъ случалось говорить о верблюдахъ; прибавлю еще нѣсколько словъ. Общераспространенный видъ здѣсь верблюдъ *двугорбый* (Camelus bactrianus); одногорбыхъ, или дромадеровъ, я здѣсь не видѣлъ. Животныхъ этихъ содержать за Кавказомъ Татары, такъ что всѣ *чарвадары*, или погоньщики верблюдовъ, мусульмане. Длинные караваны тянутся черезъ Тифлисъ, по военно-грузинской дорогѣ, перенося азіятскіе товары въ Россію, а московскіе въ Закавказье и Персію. Гурія, Имеретія и прочія западныя части Закавказскаго края, будучи покрыты лѣсами, частію сырыми, негодны для разведенія верблюдовъ, любящихъ степь по превосходству; но восточная и юго-восточная, представляя много высокихъ безлѣсныхъ равнинъ, прокармливаютъ не мало двугорбыхъ. Верблюдъ боится топей и скользкихъ крутизнъ: его ноги, оканчивающіяся двумя пальцами, снабженными на концахъ только небольшими копытами и подбитыя широкою мозолистою подошвою, не могутъ быть подкованы; поэтому животное скользитъ весьма легко, длинныя ноги его расходятся дотого, что брюшные покровы и самая брюшина лопаются: тогда несчастное животное осуждено на мучительную смерть. Его бросаютъ на дорогѣ, внутренности вываливаются, и, если его не добьютъ, то долго еще лежитъ оно, испуская пронзительные жалобные стоны. Примѣры этому случались на военно-грузинской дорогѣ; то же разсказываетъ Варренъ, когда говоритъ о походахъ Англичанъ въ Индіи.

Верблюды довольны злы, особенно во время течки: тогда самцы отчаянно дерутся, нанося другъ другу опасныя раны передними зубами, которые у нихъ есть и въ верхней челюсти. Особенно опасны язвы для горбовъ, состоящихъ изъ рыхлой клѣтчатки, полной жира: такія раны сильно гноятся, быстро распространяются и переходятъ въ антоновъ огонь. Богатые Татары, пользуясь свирѣпостью верблюдовъ, задаютъ себѣ иногда зрѣлища. Въ Тифлисѣ это рѣдкость; но мнѣ случилось, однако же, присутствовать при одномъ изъ верблюжьихъ боевъ. Для безопасности надѣли имъ намордники, потомъ подвели къ самкѣ и пустили. Скоро устремились они другъ на друга, фыркая и выпу-

ская изъ угла рта вмѣстѣ съ пѣною красные мясистые пузыри огромнаго размѣра. Каждый старался заложить шею свою на шею противика. Тотъ, которому удалось это, началъ усиленно пригибать другаго къ землѣ. Долго продолжали они такимъ-образомъ бороться; наконецъ побѣжденный палъ на колѣни. Тогда побѣдитель бросился на него съ намѣреніемъ стоптать и искусать. Должны были разогнать ихъ, и они пустились одинъ за другимъ иноходью. Изъ числа жвачныхъ полорогихъ самыя характерныя—буйволы. Буйволъ походитъ статьями на быка, но несравненно массивнѣе и тяжелѣе его. Рога взрослыхъ чрезвычайно велики; они загибаются назадъ по лбу, а концами приподняты, всегда черны и снабжены поперечными вдавленными бороздами. Шерсть буйвола весьма рѣдка, иногда даже и вовсе слѣзаетъ; толстая кожа всегда чернаго цвѣта, такъ же, какъ и шерсть. Голову свою это животное держитъ такъ, что она составляетъ продолженіе шеи; морда иногда даже приподнята кверху. Важно и медленно выступаетъ буйволъ, никогда не прибавляя шагу. Ходъ его вдвое медленнѣе воловьяго, хотя сила значительно превышаетъ силу вола. Голосъ буйвола отрывистъ; мычаніе походитъ на глухое хрюканье, басистое и важное; оно слышится довольно рѣдко, рано утромъ и вечеромъ. Ни холода, ни жару буйволъ не терпитъ: холодъ приводитъ его въ бѣшенство, отъ жара лѣность его переходитъ всякія границы; его принуждены поливать водою при всякомъ удобномъ случаѣ: иначе онъ, хотя подъ ярмомъ, валится въ первую попавшуюся лужу, и тогда приходится поднимать его палочными ударами, что̀ весьма затруднительно, при толщинѣ его кожи. Болота и стоячая вода вокругъ Тифлиса всегда служатъ убѣжищемъ буйволовъ, которые забираются туда не только по самые уши, но даже по самыя ноздри: только и видно, что концы роговъ да блестящее черное рыло съ двумя фыркающими отверстіями.

Буйволовъ держатъ за Кавказомъ въ большомъ количествѣ; ихъ употребляютъ для перевозки тяжести и на пашнѣ чаще, нежели воловъ, которые вообще довольно мелки. Буйволовое молоко здѣсь весьма цѣнится, хотя оно черезчуръ жирно и сладковато. Особенно любятъ *каймакъ:* это—буйволовыя сливки, превращенныя въ пѣнки кипяченіемъ.

Буйвола подковываютъ, для чего привязываютъ къ рогамъ его крѣпкую веревку; этою же веревкою опутываютъ всѣ четыре ноги его; затѣмъ сильно тянутъ веревку, отчего голова животнаго пригибается къ туловищу, ноги сходятся вмѣстѣ, и оно падаетъ

на спину, ногами вверхъ, съ выпученными красными глазами, отъ прилившейся крови, и безъ движенія. Такая операція производится весьма быстро и ловко; но каково бѣдному животному лежать около часа въ принужденномъ покоѣ и самомъ насильственномъ положеніи!

Тифлисскіе быки и коровы отличаются малымъ ростомъ и худобою. Верстъ за десять уже встрѣчаются прекрасныя пастбища въ горахъ. Тамъ для скотины привольнѣе. На Бѣломъ Ключѣ и въ Манглисѣ русскіе поселенцы держатъ большое количество рогатаго скота, и именно коровъ, между которыми попадаются черкасскія. Тамъ молоко въ изобиліи; не такъ въ Тифлисѣ, гдѣ и молоко и молочные скопы весьма дороги. Горныя лезгинскія коровы очень мелки, но отличаются обиліемъ молока; ихъ нѣкоторые держатъ и въ Тифлисѣ. Татары вьючатъ какъ воловъ, такъ и коровъ; вообще же ихъ запрягаютъ вмѣстѣ съ буйволами въ переднюю пару. Любопытно производится здѣсь вспашка полей: тяжелый грубый плугъ запряженъ восемью парами, изъ которыхъ первыя буйволы. На трехъ или четырехъ ярмахъ сидятъ мальчишки; впереди и съ боковъ идутъ погоньщики, съ длинными арапниками или палками. Все это кричитъ, свищетъ и хлопочетъ; а шестнадцать четвероногихъ идутъ важно и тихо, взрывая землю какъ нельзя легче и не обращая вниманія на шумъ вокругъ.

Козлы и козы распространены на Кавказѣ болѣе, нежели въ Россіи. Молодыхъ козлятъ ѣдятъ, изъ козьяго молока дѣлаютъ сыръ, а изъ шерсти или пушистаго подшерстка чрезвычайно мягкое сукно буроватаго цвѣта; особенно цѣнится сукно лезгинское. Черные козлы, съ висячими ушами и почти прямыми длинными рогами, которыхъ здѣсь много, придаютъ особый характеръ пейзажу окрестностей Тифлиса: они весьма гармонируютъ со скалистыми отлогостями, между кустами которыхъ лазятъ. Стада барановъ, пасущіяся около Тифлиса, всегда заключаютъ въ себѣ много козъ и козловъ. Послѣдніе идутъ обыкновенно впередъ, особенно старые; они первые карабкаются на горы, первые сходятъ къ водопою.

Здѣшніе бараны и овцы всѣ снабжены курдюками. Обыкновеннѣйшія ихъ масти бурыя; черныхъ несравненно меньше; замѣчательнѣйшіе по добротѣ мяса — тушинскіе. Изъ Тушетіи, небольшой области, составляющей западную часть Кахетіи, гонятъ многочисленныя стада барановъ въ Тифлисъ, особенно на Пасхѣ. Животныя эти распространены здѣсь повсемѣстно. Любимая

пища всѣхъ кавказскихъ и закавказскихъ народовъ баранина: то въ видѣ шашлыка, особенно употребляемаго у Грузинъ, то въ видѣ *люли-кебаба* (1), любимаго Татарами, то, наконецъ, просто вареная съ *кинзою* (2), и холодная, какъ то дѣлается въ Гуріи. Жарятъ барановъ, а особенно ягнятъ, и цѣликомъ. Въ первые дни Свѣтло-Христова Воскресенія можно вездѣ найдти жаренаго «тушинца», какъ выражаются лаконически тифлисскіе жители. Эти тушинцы наполняютъ своимъ блеяніемъ не только весь городъ передъ и во время Свѣтлаго Праздника, но и по всѣмъ дорогамъ, по всѣмъ деревнямъ встрѣчаете вы жирныхъ ягнятъ, жадно щиплющихъ молодую траву. Въ эти дни бараны вездѣ: бараны на улицахъ, бараны на площадяхъ, бараны на дверяхъ, бараны на крышахъ, бараны въ домахъ. Въ Тифлисѣ и въ Закавказьѣ ихъ поѣдаютъ неимовѣрное количество въ первые три дня Пасхи.

Овчины здѣсь не менѣе въ ходу, чѣмъ въ самой коренной Россіи, но носятся больше на головѣ, нежели на плечахъ: у всѣхъ Татаръ на головахъ косматыя коническія шапки изъ бурой овчины, у Грузинъ—изъ черной; русскіе солдаты, казаки и Горцы носятъ папахи изъ черной длинношерстной овчины, щеголи — изъ бѣлой; Персіяне и персидскіе жиды украшаютъ свою голову аршинными шапками изъ коротко-шерстной черной овчины.

Закончу свой разказъ о домашнихъ млекопитающихъ Тифлиса свиньями, которыхъ разводятъ больше всего въ Имеретіи, оттуда пригоняютъ ихъ въ довольно большомъ количествѣ и въ Тифлисъ. Восточная часть Закавказья изгоняетъ изъ своего хозяйства этихъ животныхъ, по причинѣ господства исламизма.

Здѣшнія свиньи вообще мелки; но окорока ихъ выходятъ превосходные: они имѣютъ запахъ дичины, вѣроятно потому, что здѣсь пасутъ свиней среди лѣсовъ, полныхъ каштановыми и буковыми орѣхами, а можетъ-быть потому, что, по образу жизни, они сходнѣе здѣсь съ предками своими кабанами, обитающими во всѣхъ лѣсахъ и высокихъ камышахъ Кавказа и Закавказья. Послѣднее мнѣніе подтверждается еще и тѣмъ, что поросята

---

(1) *Кебабъ*, или *люли* кебабъ (круглый кебабъ), есть рубленая съ перцемъ баранина. Ее сваливаютъ въ длинные круглые куски и жарятъ на вертелѣ, посыпая краснымъ перцемъ. Кушанье это вкусно, но жжетъ языкъ, небо и гортань непривычному.

(2) *Кинза* (Bifora radians)—ароматическая трава изъ семейства зонтичныхъ, имѣетъ запахъ укропа съ клопами.

здѣшніе по шерсти совершенно сходны съ кабанятами: они толстые — черные съ бѣлымъ, тогда какъ наши или пестрые, или даже бѣлые.

Въ Тифлисѣ много охотниковъ. Этого достаточно, чтобъ объяснить, отчего такъ мало дичи въ его окрестностяхъ; притомъ же, по близости нѣтъ и лѣсовъ, которые истребляются здѣсь довольно скоро тамъ, гдѣ человѣку удобно до нихъ добраться. Нѣсколько подальше, напримѣръ около Манглиса, Бѣлаго Ключа и проч., уже попадается нерѣдко крупный звѣрь.

Надо посвятить себя специяльно разыскиванію млекопитающихъ, для того, чтобы можно было наблюдать ихъ и лично изучать нравы ихъ: они тщательно скрываются въ своихъ убѣжищахъ, особенно днемъ; притомъ же, бóльшая часть ихъ избѣгаетъ встрѣчи съ человѣкомъ, завидѣвъ или заслышавъ его издали.

Не бывъ преданъ исключительно изученію фауны тифлисской, я и не буду перечислять всѣхъ здѣшнихъ родовъ и видовъ, хотя это и легко съ помощью книгъ, специяльно для того назначенныхъ; я же вѣдь уже сказалъ, что цѣль моя не есть полный трактатъ или даже обзоръ флоры и фауны тифлисскихъ, стараясь и тутъ выбрать только любопытное и характерное для всѣхъ.

Изъ хищныхъ распространенъ по всѣмъ горнымъ лѣсамъ кавказскимъ бурый медвѣдь, отличающійся здѣсь малымъ ростомъ и весьма свѣтлою шерстью въ молодости. Лѣса заключаютъ во множествѣ большія яблоновыя и грушевыя деревья, покрывающіяся обильными плодами; на горахъ растутъ также въ изобиліи дикая малина, княжника и ежевика. Все это особенно пригодно въ пищу медвѣдямъ; а потому рѣдкая охота обходится безъ встрѣчи съ однимъ изъ нихъ. На Бѣломъ Ключѣ ходятъ по этому случаю за малиною не бабы, а солдаты, да еще съ ружьями; впрочемъ, здѣшній медвѣдь довольно трусливъ и почти всегда бѣжитъ отъ человѣка.

Медвѣжья колбаса и окорока вовсе не рѣдкость въ Манглисѣ, медвѣжата на цѣпи также вещь весьма обыкновенная; но ученыхъ медвѣдей совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ россійскихъ, царевококшайскихъ или нижегородскихъ, которые являются сюда со своими поводильщиками и, вѣроятно, удивляютъ ростомъ своимъ кавказскихъ собратій, которые не разъ, можетъ-быть, засматривались на нихъ изъ чащи своихъ лѣсовъ, растущихъ какъ разъ на пути изъ Россіи въ Грузію.

Волковъ и лисицъ около Тифлиса не мало, особенно послѣд-

нихъ. Какъ тѣ, такъ и другія малы ростомъ и снабжены менѣе пушистымъ мѣхомъ, чѣмъ русскіе. Лисицы чрезвычайно разнообразны: кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, съ бѣлымъ кончикомъ хвоста, есть такія, у которыхъ концы хвостовъ черные; есть почти чернобурыя и съ черными крестами на спинахъ. Звѣри эти истребляютъ много фазановъ, которыхъ стерегутъ и ловятъ въ высокихъ камышахъ; тамъ, гдѣ много фазаньихъ слѣдовъ, много и лисьихъ.

Чакалки забѣгаютъ къ Тифлису только изрѣдка; онѣ распространены на западѣ и югѣ Закавказья, близь Чернаго моря и по берегамъ рѣкъ, въ него впадающихъ. Мѣха ихъ часто попадаются на базарѣ.

Положительно извѣстно, что за Кавказомъ водятся гіены. Это могу я и подтвердить, хотя живыхъ здѣсь не видывалъ, потому что видѣлъ иногда шкуры ихъ на базарѣ и имѣлъ въ рукахъ голову одного изъ этихъ звѣрей, убитаго между Коджорами и Елисаветполемъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ немного; видъ, который водится здѣсь, есть *гіена полосатая* (Hiena striata).

Тигры заходятъ въ Абшеронскій полуостровъ, выводятъ даже тамъ дѣтей, слѣдовательно осѣдлы, но вовсе не такъ страшны, какъ въ Индіи.

Такъ какъ подъ именемъ барса смѣшиваютъ здѣсь нѣсколько разныхъ большихъ кошекъ, то по шкурамъ можно различить три вида: тигра (Felis tigres), пантеру (F. pardus) и барса собственно (F. irbis). Первый легко узнается по чернымъ поперечнымъ полосамъ, вторые два различествуютъ между собою, не только формою, числомъ и расположеніемъ черныхъ пятенъ, но и цвѣтомъ самаго поля шерсти: у пантеры оно свѣтло-рыжеватое, у барса сѣровато-рыжее. Послѣдняго звѣря видѣлъ я живаго у г. директора тифлисской гимназіи. Матку убили въ Кахетіи, на Алазани, гдѣ она скрывалась въ камышахъ, а двухъ барсятъ ея взяли живьемъ. Кромѣ цвѣта и приземистыхъ формъ, барсъ этотъ отличался пушистостью шерсти. Онъ скоро привыкъ къ людямъ, позволялъ себя ласкать, зналъ свое имя; но шутки его были чересчуръ накладны для платья ласкавшихъ его.

Изъ отряда грызуновъ на Кавказѣ есть много видовъ; но такъ какъ это большею частію животныя, живущія въ норахъ, то ихъ весьма трудно отыскивать: надо заняться этимъ исключительно, на что я не имѣлъ ни времени, ни средствъ. Скажу, впрочемъ, о самыхъ обыкновенныхъ. Здѣшніе зайцы всѣ русаки (Lepus timidus), на зиму не мѣняютъ цвѣта; они мельче и не такъ рѣзвы,

какъ русскіе степные. Армяне питаютъ къ нимъ какое-то отвращеніе: для нихъ заяцъ то же, что для Еврея свинья. Въ буковыхъ и каштановыхъ лѣсахъ Кавказа множество бѣлокъ. Онѣ относятся къ двумъ видамъ: *бѣлка обыкновенная* (Sciurus vulgaris) и *бѣлка кавказская* (S. caucasis), у которой нѣтъ кисточки на ушахъ и хвостъ не такъ пушистъ. Быстрые прыжки этихъ животныхъ весьма забавны: такъ, на Бѣломъ Ключѣ рѣзвые звѣрки эти перескакивали съ одного дерева на другое, надъ нашими головами и надъ костромъ.

Въ городахъ распространены черныя крысы (Mus rattus), которыя здѣсь, какъ и вездѣ, истребляются пасюками (Mus decumanus).

Изъ толстокожихъ въ дикомъ состояніи водятся только кабаны, и, какъ кажется, повсюду, кромѣ весьма сухихъ степей. Эти животныя кроются то въ сырыхъ лѣсныхъ оврагахъ, то среди высокихъ камышей. Татары преслѣдуютъ ихъ, какъ враговъ, и, убивъ, оставляютъ на мѣстѣ, не притрогиваясь къ нимъ. Въ татарскихъ участкахъ собираются на охоту цѣлыя сотни верховыхъ. Они гоняются за стадами джейрановъ; но достается обыкновенно гораздо болѣе кабанамъ, потому что они не такъ рѣзвы, хотя и защищаются отчаянно.

Между жвачными много дикихъ весьма полезныхъ и замѣчательныхъ животныхъ. Изъ полорогихъ каменный баранъ (Ovis argali), туръ (Capra caucasica), дикій козелъ (Capra ibex), зубръ (Bos urus), серна (Antilope rupicapra) и джейранъ (Antilope subgutturosa). Изъ цѣльнорогихъ — олень обыкновенный (Cervus elafus) и козуля (Cervus capreolus).

Обо всѣхъ этихъ животныхъ уже не мало говорено. Рога туровъ и дикихъ козловъ во всеобщемъ употребленіи на пирахъ. Имъ придаютъ особую форму, такъ-что нельзя узнать, какому именно животному они принадлежали: поперечныя возвышенія сглажены, концы различно изогнуты, а края оправлены въ серебро. Такой турій рогъ, заключающій въ себѣ не одну бутылку, наполняется виномъ и ходитъ вокругъ стола или ковра, на которомъ расположены собесѣдники. Они пьютъ попеременно; но есть молодцы, которые, безъ посторонней помощи, разомъ осушаютъ такой сосудъ.

На базарѣ и вообще въ народѣ подъ именемъ джейрановъ подразумѣваютъ не только настоящаго джейрана и серну, но и козулю, принадлежащую къ роду оленей. Лучшее мясо—мясо козули; олени же требуютъ предварительнаго размягченія.

Домашнія пернатыя на Кавказѣ тѣ же, что̀ и въ Россіи. Никто не заботится о прирученіи фазановъ, которыхъ мѣстами весьма много; притомъ же, въ Тифлисѣ домашняя птица вообще въ довольно плачевномъ состояніи, и особенно жалки гуси, которые не могутъ держаться на Курѣ, по причинѣ чрезмѣрно быстраго ея теченія. Они изъ водяныхъ сдѣлались поневолѣ сухопытными и пользуются всякою грязною лужею, чтобы хоть не забыть любимаго своего элемента.

Изъ дикихъ болѣе другихъ бросаются въ глаза хищныя птицы, какъ по величинѣ своей, такъ и потому, что онѣ безпрестанно кружатся въ воздухѣ или перелетаютъ со скалы на скалу, ища добычи Самыя характерныя изъ нихъ—грифы (Vultur fulvus) и ягнятники (Gipaethus barbatus). Слѣдовало бы считать грифа неприкосновенною птицей, потому что онъ питается исключительно падалью, а мертвыя животныя за Кавказомъ валяются на всѣхъ перекресткахъ, не только по дорогамъ, но и по деревнямъ. Впрочемъ, птица эта такъ осторожна, а перье ея такъ крѣпко и плотно, что убить ее не легко.

Дикій, пустынный колоритъ нѣкоторыхъ мѣстъ около Тифлиса получаетъ еще болѣе мрачности отъ присутствія этихъ огромныхъ хищниковъ. Въ началѣ прошлой весны, когда порывистый, сѣверо-восточный вѣтеръ буйно дулъ въ горахъ, я пошелъ въ Коджоры. Трава едва начинала зеленѣть; кустарники едва оживали на высокихъ, пустынныхъ скатахъ, лежащихъ по сторонамъ дороги. Недавно прошелъ здѣсь драгунскій полкъ, оставившій за собою нѣсколько мертвыхъ лошадей. Цѣлая стая грифовъ и сипей слетѣлась на добычу; съ ними участвовали въ пирѣ большіе вороны, скрывающіеся здѣсь большею частію въ лѣсахъ и только изрѣдка встрѣчающіеся въ открытыхъ мѣстахъ. Карканье этихъ вороновъ, свистъ вѣтра, при рѣзкомъ холодѣ и пустынности обширнаго вида, настраивали духъ на печальный ладъ; прибавьте къ этому темныя, неуклюжія фигуры грифовъ, съ крючковатыми клювами и длинными синеватыми шеями: они неловко таскались по землѣ, полураспустивъ крылья, которыя черезчуръ длинны; рвали кровавый трупъ, запуская голову во внутренность его. Грифъ красивъ, когда онъ вьется въ высотѣ; но еще красивѣе ягнятникъ, вся фигура котораго изобличаетъ хищничество, особенно голова, снабженная парою быстрыхъ, свирѣпо сверкающихъ глазъ и клювомъ, кончающимся внезапно острымъ крючкомъ, подъ которымъ торчитъ впередъ жесткая черная борода изъ щетинистыхъ перьевъ.

Ягнятникъ кроется во впадинахъ скалъ. Разъ случилось мнѣ, взобравшись на Мтацминду, присѣсть на обрывистой скалѣ, свѣсивъ ноги, такъ сказать, надъ самимъ Тифлисомъ. Въ этой скалѣ скрывался ягнятникъ. Онъ вдругъ метнулся впередъ, махнувъ одинъ разъ широкими крыльями. Я послалъ ему въ дорогу два заряда крупной дроби, чтó заставило его только перебрать маховыя перья и повести рулемъ; затѣмъ поднялся онъ винтомъ къ облакамъ.

К* какъ-то ходилъ однажды, по своему обыкновенію, бродить около Тифлиса. Подходя къ одной скалѣ, услышалъ онъ едва замѣтный шорохъ: надъ самой головой его, почти безъ шума парила большая птица. Огромные круглые глаза ея блистали золотомъ, пристально уставившись на него. К* выстрѣлилъ и перебилъ ей крыло: то былъ *филинъ пугачъ* (Bubo maximus). Охотникъ нашъ связалъ пугача и взвалилъ его на плечи; но не прошелъ онъ и сажени, какъ тотъ вцѣпился въ него когтями сзади такъ крѣпко, что надо было задавить птицу, наступивъ ей колѣнкою на горло, чтобы заставить разжать когти.

Вообще ночныя хищныя здѣсь довольно распространены. Печальный голосъ ихъ слышится постоянно въ садахъ, по вечерамъ.

Воробьиныхъ и лазуновъ перечислять нечего: около Тифлиса они немногочисленны; притомъ же, по мелкости своей, мало хахактеризуютъ пейзажъ. Я, впрочемъ, уже не разъ поминалъ о сивоворонкахъ, щуркахъ и удодахъ. Первые два вида въ особенности болѣе другихъ замѣчательны, по блеску красивыхъ перьевъ своихъ, по величинѣ и количеству, въ которомъ попадаются. Щурки роютъ свои гнѣзда въ глинистыхъ обрывахъ: это—весьма глубокія, горизонтальныя ямы, на днѣ которыхъ кладутъ они свои яйца; когда птенцы оперятся, вся фамилія отлетаетъ въ лѣсистыя мѣста, разыскивая летучихъ насѣкомыхъ, которыми питаются. Во время цвѣтенія деревъ миндальнаго и яблочнаго семействъ щурки во множествѣ вьются надъ садами, привлекаемыя пчелами и другими медоносными клѣткокрылыми. Сойки здѣсь встрѣчаются часто но такъ какъ онѣ любятъ кусты и мѣлкій лѣсъ, гдѣ постоянно и держатся, то не замѣняютъ нашихъ галокъ, которыхъ около Тифлиса вовсе нѣтъ; вороны и грачи попадаются изрѣдка.

Въ кустахъ облепихи, сассапарели (Smilax spinosa) бываетъ множество дроздовъ разныхъ видовъ: дроздъ черный (Turdus merula), д. рябинникъ (T. musicus), д. бѣлозобый (T. torquatus) и другіе. Розовый шрикунъ (Pastor roscus), слѣдующій стадами за

саранчею, которую истребляетъ въ большомъ количествѣ, встрѣчается здѣсь только повременамъ. Я видѣлъ много этихъ птицъ въ Ставропольской и Донской степяхъ. Синицъ голубыхъ (Parus caeruleus) больше, нежели обыкновенныхъ. Вмѣсто нашихъ жаворонковъ, которые, впрочемъ, также здѣсь водятся, попадаются обыкновенно жаворонки хохлатые (Alauda cristata). Эти граціозные пѣвуны живутъ около Тифлиса въ несмѣтномъ количествѣ: ими покрыты всѣ поля и луга, Весною, въ хорошіе дни, воздухъ наполненъ гармоническою, звонкою пѣсенкою, которая какъ то особенно веселитъ душу.

Изъ куриныхъ близь Тифлиса водятся сѣрыя и красныя куропатки (Perdrix cinerea et rufa) Послѣднихъ называютъ здѣсь курочками; попадаются также перепелки и дикіе голуби. Охота за куропатками весьма затруднительна, потому что онѣ гнѣздятся среди скалъ и колючихъ кустовъ; притомъ же ихъ довольно мало.

Верстъ за сорокъ отъ города есть еще фазаны, среди камышей колючихъ кустовъ сассапарели, ежевеки и облепихи. На Линіи и въ Кахетіи вкусная дичь эта весьма обыкновенна; въ Тифлисѣ же она довольна рѣдка и большею частію несвѣжая. Охота съ ружьемъ вообще распространена за Кавказомъ только между Русскими; поэтому и фазановъ ловятъ обыкновенно сѣтями или же еще чаще хищными птицами: ястребами и соколами. Фазанъ летитъ тяжело, медленно и старается какъ можно скорѣе укрыться въ густотѣ кустарниковъ. Голосъ самца походитъ на пѣтушиный; но онъ не такъ рѣзокъ и звонокъ.

Чтó касается до голенастыхъ, то онѣ около Тифлиса рѣдки. Аистовъ нѣтъ, хотя верстъ за 50 попадаются въ изобиліи. Сѣрая цапля, напротивъ, стоитъ себѣ въ водѣ да задумчиво смотритъ на нее, точно такъ же въ заводяхъ Куры, какъ въ тихихъ озерахъ коренной Россіи. Птица эта повидимому космополитъ. Маленькая бѣлая цапля съ хохломъ (Ardea agretta) скрывается въ камышахъ соленыхъ озеръ. Журавли раннею весною многочисленными стаями пролетаютъ надъ городомъ; но бекасовъ, куликовъ и другихъ мелкихъ прибрежныхъ почти нѣтъ.

На югъ, востокъ и сѣверо-востокъ отъ Тифлиса тянется цѣлый рядъ соленыхъ озеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ: каковы *Кодинское* и *Лиси*, довольно велики. Во время этихъ жаровъ воды ихъ частію высыхаютъ; земля около нихъ, пропитанная солью, покрывается множествомъ сочныхъ солончаковыхъ растеній (Salsalaceae); берега и отмели заростаютъ высокими травами: тутъ

цѣлый лѣсъ высокихъ камышей (Phragmites palustris), рогозовъ (Tipha latifolia el T. minima) съ черными султанами, тростника (Arundo donax), ситовниковъ и разныхъ осокъ. Тамъ и сямъ однообразіе этой растительности нарушено кустами Божьяго дерева и высокими ирисами (Iris Güldenschtedtiana) съ блѣдно голубыми цвѣтами. Средина озера чиста. Тамъ плаваютъ стада утокъ; но въ густотѣ прибрежныхъ травъ жизнь такъ и кипитъ. Въ камышахъ гнѣздятся и прыгаютъ съ одного стебля на другой множество мелкихъ пташекъ; на водѣ же, при основаніи этихъ самыхъ стеблей, полощатся лысухи, нырки и утки. Все это гогочетъ, плещется, хлопаетъ крыльями. Тутъ же пищатъ болотныя черепахи. Но ничего этого не видно: безпрестанно думаешь, что вотъ-вотъ выплыветъ на чистое мѣсто птица, но отходишь прочь съ досадою, ничего не открывъ. Надъ Курою летаютъ чайки и бакланы, черныя, какъ смоль, съ вороненымъ отливомъ.

Нелишне будетъ, кажется, въ заключеніе бросить взглядъ на дорогу, черезъ которую приходится большею частію ѣхать въ Тифлисъ: я говорю о военно-грузинской, о которой такъ часто говорили, но, по моему мнѣнію, черезчуръ лирически. Эта дорога идетъ черезъ ущелья рѣкъ Арагвы и Терека: первое называется Мтіулетскимъ, второе Дарьяльскимъ. Я проѣзжалъ по ней шесть разъ: осенью, зимою и лѣтомъ, и, хотя переѣзды эти совершались довольно быстро, эти мѣста оставили во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Настоящая Мтіулетія начинается за Акануромъ, третьею станціею отъ Тифлиса, верстъ за семьдесятъ пять. Горы, сначала не высокія, постоянно подымаются выше и выше, съ приближеніемъ къ первому черезъ хребетъ. По сторонамъ мягкія возвышенія, одѣтыя густымъ лѣсомъ; встрѣчаются, впрочемъ, и луговые скаты. Множество деревень, построенныхъ изъ плотнаго глинистаго плитняка безъ цемента. Каждая имѣетъ издали видъ отдѣльнаго строенія, потому что сакли возвышаются одна надъ другою террасами и весьма сближены. На крышахъ этихъ саклей иногда стоги сѣна; тутъ же разгуливаютъ куры, пѣтухи и собаки. Селянинъ дорожитъ здѣсь каждымъ, нѣсколько ровнымъ и не очень наклоненнымъ клочкомъ земли; галешникъ широкаго прибрежья или обломки плитняка тщательно сняты съ этихъ мѣстъ и сложены въ видѣ оградъ вокругъ засѣянныхъ полей, что̀ придаетъ особый видъ ущелью. Жаль только, что эти огороженныя камнемъ поля такъ дурно обрабатываются. Отдѣльно или около деревень

много развалинъ старыхъ башень и стѣнъ. Самое ущелье, посреди котораго течетъ быстрая Арагва, широко. Дорога лѣпится по берегу, подъ отвѣсными скалами, которыя иногда висятъ надъ головою путника. Она то подымается, то опускается, такъ что рѣка то шумитъ въ глубинѣ часто весьма значительной, подмывая скалистый обрывъ, на краю котораго вы ѣдете; то почти около колеса экипажа. Тамъ и сямъ по самому ущелью разбросаны купы великолѣпныхъ деревъ: орѣшниковъ, ясеней; вообще растительность не многимъ отличается отъ грузинской. Но вотъ Квишетскій подъемъ: оставляете Арагву влѣво и идете пѣшкомъ въ гору. Поднявшись, видите назади Мтіулетскую долину, съ извивающеюся рѣкою и несмѣтными горами ея; а впереди, налѣво и направо, громоздятся снѣжныя вершины, скрывающіяся частію въ облакахъ. Квишетская гора представляетъ на вершинѣ легко покатую равнину; тутъ въ первый разъ встрѣчаете вы несчетное количество ацалій (Azalea pontica), покрытыхъ въ концѣ іюня и началѣ іюля яркими желто-оранжевыми цвѣтами. Квишетская станція, стоящая на горѣ того же имени, лежитъ, слѣдовательно, при началѣ перевала. Здѣсь уже весьма холодныя ночи, дни даже прохладны, а зимою толстый слой снѣга скрываетъ и ацаліи и самыя сакли деревень. Отправляетесь дальше. Дорога вскорѣ переходитъ на край обрыва; смотришь внизъ: тамъ, на страшной глубинѣ, течетъ едва замѣтною лентою Арагва; за нею высятся громадныя горы, обнаженныя вершины которыхъ хранятъ снѣжныя пятна даже въ іюлѣ мѣсяцѣ. Вообще говоря, переѣздъ отъ Квишетской станціи до станціи Коби, что̀ составляетъ шестнадцать верстъ, есть самая интересная часть дороги: это есть настоящій перевалъ черезъ Кавказскій хребетъ. Крестовая гора—высшая точка этого перевала (около 8,000 футовъ надъ уровнемъ Чернаго моря). Въ іюлѣ мѣсяцѣ приходится здѣсь мѣстами ѣхать по снѣгу. Трудность дороги и дороговизна корма причиною, что лошади на станціяхъ весьма изнурены, тѣмъ болѣе, что курьеры и фельдъегери, особенно въ послѣднее время, ѣздятъ здѣсь безпрестанно; поэтому частному человѣку случается, положивъ свои пожитки на арбу, запряженную буйволами или волами, идти пѣшкомъ. Мнѣ удалось, слѣдовательно, хорошенько полюбоваться прекрасною растительностію и чудными видами, отвсюду здѣсь открывающимися. Въ началѣ іюля цвѣтеніе здѣсь въ полномъ разгарѣ; лѣсовъ уже нѣтъ: они остались назади или виднѣются по отдаленнымъ скатамъ, опоясывая подошвы горъ, подымающихся изъ глубины

долинъ. Главный кустарникъ здѣсь ацалія; съ благовонными испареніями этого растенія смѣшивается ароматъ кавказской дафны (Daphne caucasica), три вида первоцвѣта (Primula veris, P. auricula, P. farinosa) еще въ полномъ цвѣту; нарциссоцвѣтная анемона (Anemone Narcissiflora), встрѣчающаяся также на Алтаѣ, обильно украшаетъ цѣлые холмы, гдѣ она растетъ среди мягкой и весьма густой травы. Это растеніе, въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасно: пучекъ розовыхъ или бѣлыхъ цвѣтовъ его то качается на мохнатомъ стебелькѣ и прикрытъ снизу красиво разрѣзанными широкими листьями, то волоски на стеблѣ и листьяхъ становятся весьма рѣдкими: листовой покровъ отодвигается отъ цвѣточнаго пучка, и все растеніе становится стройнѣе. Въ этихъ же мѣстахъ попадается Fritillaria lutea, горная горчанка (Gentiane montana), ярко синіе цвѣты которой кажутся выходящими какъ бы изъ земли прямо: такъ коротки ихъ стебельки. Самыя обыкновенныя растенія принимаютъ здѣсь характеръ силы и красоты; таковы, напримѣръ, разные виды журавельника (Geranium sanguineum, G. pratense), разные васельки (Centaurea montana, C. depresa), Hesperis matronalis; въ горномъ болотѣ при подъемѣ на Крестовую гору нашелъ я сѣверное лютиковое: Caltha palustris; тутъ же на дорогѣ растутъ во множествѣ незабудки (Myosotis palustris), замѣчательныя крупниною и яркостью цвѣтовъ своихъ.

Зимою дорога здѣсь чрезвычайно затруднительна: почти постоянный вѣтеръ подымаетъ снѣжный бурунъ, заваливая всякій слѣдъ. Путнику приходится иногда ждать недѣли; съ другой стороны грозятъ ему смертью завалы. Небольшой домикъ на Крестовой горѣ—Байдара—спасалъ отъ гибели не одного человѣка. Обо всемъ этомъ, впрочемъ, уже говорено не мало; прибавлю только нѣсколько словъ. Зимою количество снѣга не уступаетъ здѣсь Лапландіи. Дорога на краю пропастей сравнивается буруномъ съ общею поверхностью снѣга дотого, что ее принуждены отрывать съ величайшимъ трудомъ; а какъ отроютъ, опять заноситъ въ нѣсколько дней. Гибельнѣе этого перевала зимою трудно что вообразить. На содержаніе военно-грузинской дороги употребляются огромныя издержки; но что сдѣлаешь противъ всѣхъ силъ природы! Буйныя рѣки Арагва и Терекъ ежегодно и по нѣскольку разъ срываютъ каменную дорогу, съ трудомъ настланную. Терекъ ворочаетъ скалы, которыя разрушаютъ крѣпкія арки мостовъ. Жалко смотрѣть, до чего благонамѣренный трудъ безсиленъ остановить вредную

стремительность силъ природы. Сидя около одинокаго домика Байдары и укрываясь въ іюлѣ мѣсяцѣ буркою отъ холоднаго порывистаго вѣтра, новольно думается о гибельномъ положеніи тѣхъ людей, которые принуждены проѣзжать здѣсь зимою или весной: тутъ, вблизи, за нѣсколько саженъ, начинаются мѣста ежегодныхъ скрытыхъ заваловъ; еще до сихъ поръ снѣгъ лежитъ въ глубокихъ оврагахъ подъ вашими ногами. Въ немъ вырыты ямы, черезъ которыя доставали трупы погибшихъ людей; дальше валяются остовы лошадей и воловъ, задавленныхъ снѣжными массами. За вами горная равнина, окруженная нагими вершинами. По ней ходитъ не укротимый бурунъ, наполняющій воздухъ густою снѣжною пылью и замѣтающій дорогу. Какъ бы славно было имя того, который, не пожалѣвъ части своего достоянія, основалъ бы здѣсь покойное убѣжище для путешествующихъ, какъ звучно повторялось бы имя этого благодѣтеля вѣковымъ эхомъ великанскихъ горъ, передавая священное имя это отъ поколѣнія къ поколѣнію. Съ такою цѣлью, при такихъ мысляхъ, позволено бѣдняку вздохнуть о богатствѣ. Здѣсь, среди высокой негостепріимной пустыни, возвышался бы храмъ, и колокола его спасеніемъ звучали бы окоченѣлому путнику сквозь завыванія бури; цѣлая колонія благотворительныхъ людей могла бы поселиться около этого храма, посвятивъ себя служенію спасенныхъ.

Спустившись съ Крестовой горы, путешественникъ встрѣчаетъ Терекъ. Зимою рѣка эта шумитъ подъ толстымъ слоемъ снѣга; начиная же отъ таянія вешнихъ снѣговъ до горныхъ морозовъ, она то прибываетъ, то убываетъ, мѣняетъ, безпрестанно свое русло, роется по всѣми направленіямъ и, окрасивъ валъ свой черною глиною, является тамъ, гдѣ его вовсе не ждетъ видѣть даже бывалый человѣкъ. Ущелье Терека вообще тѣсно и мрачно; скалистыя горы подымаются за предѣлы вѣчныхъ снѣговъ, кустарники рѣдки, попадаются мѣста, загроможденныя камнями и большими обломками скалъ, съ самою бѣдною растительностью. Миновавъ Казбекъ, при которомъ ущелье нѣсколько расширяется, ѣдете опять по тѣснинѣ съ отвѣсными зубчатыми скалами, подымающимися до облаковъ, ѣдете сопровождаемые гуломъ сердитой волны,—гуломъ, который, ударяясь въ обрывистыя крутизны, подымается отъ рѣки, какъ жалоба заточеннаго великана.

Растительность и животныя Мтіулетіи и Дарьяла такъ разнообразны, что могутъ удовлетворить жаждѣ познанія самаго любознательнаго человѣка, особенно, если вспомнить, что какъ флора,

такъ и фауна этихъ ущелій, измѣняясь на близкихъ разстояніяхъ, доставляютъ пищу глубокому размышленію о соотношеніяхъ мѣстностей и климата съ живыми существами. Долговременныя и постоянныя наблюденія въ окрестностяхъ военно-грузинской дороги могли бы, безъ сомнѣнія, разрѣшить или облегчить разрѣшеніе многихъ вопросовъ, напримѣръ касательно переселенія растеній и животныхъ, границъ распространенія видовъ, даже значенія многихъ мелкихъ органовъ. Впрочемъ, здѣсь замѣчательна и самая почва: какой прекрасный курсъ геологіи можно прочесть въ виду этихъ обнаженныхъ обрывовъ, выказывающихъ то сплошныя глыбы, то параллельные или изогнутые, горизонтальные наклонные слои. Передъ вашими глазами совершаются здѣсь, быстрѣе нежели гдѣ либо, тѣ измѣненія, которыя, продолжаясь безпрерывно отъ начала вѣковъ, придали поверхности нашей планеты тотъ видъ, который имѣетъ она теперь: наносы и наплывы, слѣдствіе могучаго движенія водъ, образуются здѣсь ежедневно; каменные обвалы, повторяющіеся черезъ нѣсколько лѣтъ періодически, съ самаго Казбека и ежегодно со скалистыхъ горъ, окаймляющихъ дорогу, заняли бы почтенное мѣсто въ изысканіяхъ ученыхъ. Обвалы эти мѣстами прекратились; тамъ слѣды ихъ остались въ видѣ огромнаго накопленія каменныхъ глыбъ,—напримѣръ, въ такъ-называемой *Чортовой долинѣ,* на перевалѣ съ Гутъ-горы на Крестовую; въ другихъ же мѣстахъ они продолжаются, засыпая дорогу. Если подумать, что нѣтъ никакой причины, чтобы обвалы эти прекратились по всему протяженію ущелья, и вообразить, какое будетъ дѣйствіе ихъ въ сложности черезъ нѣсколько столѣтій, черезъ 2 или 3 тысячи лѣтъ даже, то ущелье, по которому теперь столько ѣдутъ изъ Россіи въ Закавказье и обратно, явится всѣмъ въ иномъ видѣ: дно его необходимо возвысится, окрестныя горы отодвинутся далѣе, оно будетъ шире; но, можетъ-быть, запруженный навремя Терекъ, произведши сначала опустошеніе, отхлынувъ назадъ, прорвавъ потомъ каменную преграду, будетъ ниспадать настоящимъ водопадомъ, и гулъ его во сто кратъ сильнѣе будетъ подыматься къ небу отъ пѣнистой струи, дробящейся о скалы.

Спустившись къ Тереку, можно уже замѣтить нѣкоторое измѣненіе въ растительности, между прочимъ: кавказскій макъ (Papaver caucasicum), ни разу не попадавшійся мнѣ по ту сторону горъ, вдругъ является здѣсь въ изобиліи. Ѣдете дальше— ущелье расширяется, Терекъ менѣе тѣснимъ, горизонтъ впереди не застланъ синими массами горъ, линія его становится все

длиннѣе; и длиннѣе выѣзжаете изъ ущелья—и легко вдыхаете въ себя степной воздухъ родной Руси,—не потому, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ легче, но потому, что отселѣ разстилается передъ вами степь до Бѣлаго моря и Общаго Сырта, и что этотъ воздухъ вѣетъ вамъ родиной. Станицы, населенныя русскими бородатыми казаками, принимаютъ васъ на свои прямыя улицы, окаймленныя бѣлыми избами; зелень садовъ ихъ весело рисуется на чистомъ снѣгѣ удаляющагося хребта. Вотъ выдвинулся Эльбрусъ вмѣсто скрывшагося Казбека, ясно обрисовались Машукъ и Бештау. Чѣмъ дальше ѣдете, тѣмъ степь ровнѣе, хребетъ блѣднѣетъ, становится подобнымъ массѣ облаковъ, тонетъ вдали, вы различаете наконецъ только одну вершину Эльбруса, посылаете прощальный привѣтъ Кавказу и уже не оглядываетесь: послѣдній слѣдъ его исчезъ.
